

КНИГА ГОДА В ШВЕЦИИ

СЕРЕБРЯНАЯ

ДОРОГА

*«Впечатляющий дебют! История,
поглощающая с головой»*

THE OBSERVER

СТИНА ДЖЕКСОН

Annotation

Три года назад его дочь Лина пропала. Три года он скитается по Серебряной дороге, надеясь найти если не дочь, то хотя бы утешение. Лелле устал от затянувшихся поисков, но он уже не в силах остановиться. Воспоминания, чувство вины и дорога гонят его вперед.

Мея — ровесница пропавшей Лины, она пока не знает Лелле. Но совсем скоро их судьбы странным образом пересекутся. На той самой северной магистрали, которая петляет среди поросших лесом гор, объединяя всю Швецию, на Серебряной дороге...

-
- [Стина Джексон](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
-

Стина Джексон
Серебряная дорога

Часть первая

Свет. Он колол глаза, обжигал кожу, все время теребил, призывая не сдаваться, продолжать дышать. Свет обещал, что новая жизнь уже близка, подождать осталось всего-ничего. Свет наполнял его тело энергией, вырывал из объятий сна.

В мае он обычно просыпался на рассвете, когда первые лучи солнца пробиваются между волокнами занавесок, в узкую щель между ними, а потом лежал и слушал, как весна постепенно вступает в свои права, как освобождает ручьи и реки из ледяного плена, срывая с гор надоевшее зимнее покрывало.

Уже совсем скоро свет отвоюет себе и ночное время, разбудит все то, что дремало под прошлогодней гнилой листвой, согреет почки на деревьях, вынудит их выпустить на свободу новые листочки, позволив лесу одеться в яркий зеленый наряд.

Примерно так же белые ночи действовали на всех людей, выгоняли их из нор, наполняли сердца страстью. Люди смеялись и любили, однако порой опускались до насилия. Иногда люди пропадали, возможно ослепленные собственными эмоциями, — исчезали неизвестно куда. Но он не хотел верить, что они умирали.

Он курил только тогда, когда искал ее.

Закуривая каждую новую сигарету, он видел дочь на пассажирском сиденье. Она гримасничала и таращилась на него поверх очков.

— Я думала, ты бросил.

— Так и есть, но это исключительный случай.

Казалось, в те светлые ночи, когда он совершал свои поездки, она всегда там сидела. Он видел, как она качает головой и обнажает заостренные клыки, которых так стыдилась. Он видел ее волосы, почти что белые, стоило им оказаться в лучах солнца, видел коричневые пятна веснушек над переносицей, которые в последние годы она начала прятать с помощью косметики, видел ее все замечавшие глаза, пусть бы она и смотрела совсем в другую сторону.

Внешне она мало походила на него — больше на Анетт, и слава богу, он ведь не отличался особой красотой. Но дочь выросла красавицей, и он так считал вовсе не потому, что был ее отцом. Прохожие всегда оглядывались вслед Лине, даже когда она была очень маленькой. Она

относилась к детям, вызывающим улыбку даже у безнадежных пессимистов. Но сейчас никто на нее не смотрел. Никто не видел ее уже в течение трех лет, в любом случае, из тех, кто захотел бы сообщить: «Да, это та самая девушка».

Сигареты закончились еще до Йерна. Лина не сидела больше на соседнем сиденье. В машине было пусто и тихо, и он почти забыл, где находится. Смотрел вперед, но ничто вокруг его не интересовало. По государственной автостраде, называемой в народе «Серебряная дорога», он ездил так часто, что знал ее вдоль и поперек. Знал каждый поворот, знал, где находятся дыры в ограждении, позволяющие оленям и лосям пересекать дорогу, когда понадобится. Знал, где после дождя образуются лужи и где туман, поднимаясь от лесных озер, искажает пейзаж. Когда-то давно по этой дороге доставляли серебро из рудника Насафьель к Ботническому заливу; сейчас же, змеясь между гор как река, дорога связывала Глимммерстреск с другими внутренними районами страны.

Эта чертова дорога со всеми ее изгибами, со стеной непроходимого леса по сторонам надоела ему уже до тошноты, но он все равно не собирался сдаваться. Ведь здесь исчезла его дочь: именно эта Серебряная дорога поглотила ее.

Никто не знал, что он ездит по ночам искать Лину и, куря сигарету за сигаретой, обнимает пассажирское сиденье. Разговаривает с ней, как будто она на самом деле сидит там, словно и не исчезала. Он никому не рассказывал об этом. Во всяком случае, с тех пор, как Анетт оставила его. Она с самого начала считала, что это он виноват. Он ведь подвозил Лину к автобусной остановке в то утро. А значит, вся ответственность лежит на нем.

Он добрался до Шеллефтео около трех и остановился на автозаправке залить бак бензином, а термос — кофе. Несмотря на ранний час, сидевший за прилавком парень выглядел бодрым и пребывал в игривом настроении. Рыжий, с зачесанными набок волосами, он выглядел лет на девятнадцать-двадцать. Столько было бы Лине сейчас. Хотя ему было непросто представить дочь такой взрослой.

Несмотря на угрызения совести, он купил пачку «Мальборо Лайт», а когда собрался расплатиться, его взгляд упал на стоявшую у кассы бутылочку с жидкостью от комаров. От неожиданности он никак не мог вспомнить, куда сунул карточку, — просто опять подумал о Лине. В последнее утро от нее воняло такой же гадостью. Ему даже пришлось опустить стекло и проветрить салон, после того как высадил дочь у

автобуса, и в результате это врезалось в память. И на этом все. Он не помнил, о чем они разговаривали тогда, была ли она веселой или грустной, не помнил, что они ели на завтрак. Воспоминания затушевала обрушившаяся на них беда. В тот вечер он сказал полиции, что от Лины воняло средством от комаров, а Анетт посмотрела на него так, словно видела впервые, словно стыдилась его, и вот это он тоже запомнил.

Он открыл новую пачку, сунул сигарету в рот, но закурил ее, только когда снова оказался на автостраде, взяв курс на север. Дорога домой всегда казалась короче и не так утомляла. Серебряное сердечко Лины висело на цепочке на заднем стекле, блестело в лучах солнца. Она снова сидела рядом с ним на сиденье, светлые волосы свешивались на лицо.

— Папа, ты знаешь, что выкурил двадцать одну сигарету всего за несколько часов? — спросила она.

Лелле стряхнул пепел в окно, выпустил дым в сторону от дочки.

— Неужели так много?

Лина вознесла глаза к крыше машины, словно призывая в свидетели высшие силы.

— Тебе известно, что каждая сигарета забирает десять минут твоей жизни? То есть сегодня ты сократил ее на двести десять минут.

— Ого, — сказал Лелле. — Но для чего мне, собственно, жить?

— Ты должен найти меня. Никому другому не удастся этого сделать, — ответила она, с укоризной смотря на него.

* * *

Мея лежала, сложив руки на животе, и старалась не слушать нарушавшие тишину звуки. Урчание голодного желудка под собственными пальцами, да и все другие звуки тоже. Самые неприятные проникали сквозь тонкие доски пола: пыхтение Силье и ее нового мужчины, скрип кровати, и потом еще начала лаять собака. Она слышала, как мужчина приказал псу заткнуться.

Была середина ночи, но солнце освещало каждый уголок в маленькой комнате на чердаке, заливало ее таким ярким светом, что, казалось, стены горели огнем. Мея не могла заснуть. Она села на колени перед низким окошком и сняла с него паутину рукой. Снаружи виднелись только голубое небо и лес, насколько хватало глаз. Да еще кусочек озера внизу, если вытянуть шею; черное и спокойное, оно неудержимо манило. Мея

чувствовала себя похищенной принцессой из сказки, заточенной в башне, которую окружала непроходимая чаща, принцессой, обреченной до конца жизни слушать, как ее злая мачеха предается сексуальным утехам этажом ниже. Хотя Силье была ей не мачехой, а мамой.

Они не бывали в Норрланде раньше. С каждым часом, проведенным в поезде, обеих все больше одолевали сомнения, они ругались, и плакали, и подолгу сидели молча, в то время как снаружи проплывал лес, а расстояния между станциями становились все длиннее. Силье поклялась, что они переезжают в последний раз. Мужчину, пленившего ее теперь, звали Торбьёрн, и он владел маленькой усадьбой в деревне под названием Глимерстреск. Они познакомились в Сети и разговаривали много часов по телефону. Поначалу Мея слышала, как он отвечал односложно, в обычной норрландской манере, и ей представлялся усатый дядька с толстой шеей и узкими, как щелочки, глазами, когда он улыбался. Она видела фотографии. На одной он держал в руках баян, а на другой сидел, наклонившись, на льдине и выуживал рыбу с красноватой чешуей. Торбьёрн был настоящим мужчиной, если верить Силье, мужчиной, знавшим, как выживают в самых тяжелых условиях, и способным позаботиться о них.

Стоявшая среди сосен железнодорожная станция, где они в конце концов вышли из поезда, была совсем крохотной. Здание размерами не превышало скромную избушку, а когда они попробовали открыть дверь, оказалось, что та заперта. Никого больше не было, и они стояли, растерянные, на ветру, пока поезд уносился прочь, исчезая между деревьями. Земля еще долго вибрировала под их ногами. Силье закурила сигарету и потащила дорожную сумку через обшарпанную платформу, тогда как Мея еще какое-то время слушала шелест деревьев и жужжание миллионов новорожденных комаров. Она чувствовала, что вот-вот завоюет, и не хотела следовать за Силье, но побоялась остаться одна. По другую сторону железнодорожного полотна темно-зеленым занавесом поднимался лес на фоне голубого неба, и тысячи теней двигались между его ветвями. Она не видела никаких животных, но ощущение, что за ней наблюдают, было столь же сильным, как если бы она торчала где-нибудь посередине площади. Сотни пар глаз своими взглядами обжигали ей кожу.

Силье тем временем уже успела спуститься на парковку с растрескавшимся асфальтом, где увидела ржавый «форд». Мужчина в надвинутой на лоб черной кепке стоял, прислонившись спиной к капоту. Он выпрямился, увидев их, и улыбнулся, обнажив коричневатые от жевательного табака зубы. В реальности он выглядел шире в плечах и

крупнее, чем на фотографиях, и двигался немного неловко, отчего производил впечатление безобидного человека, по-настоящему не осознающего свои истинные размеры. Силье опустила сумку и обняла его, словно он был спасательным кругом в окружавшем их лесном море, а Мея, пристроившись сбоку, смотрела на трещину в асфальте, из которой торчала пара одуванчиков. Она слышала звуки поцелуев, их прерывистое дыхание.

— Это моя дочь Мея.

Силье вытерла рот и показала рукой в ее сторону. Торбьёрн посмотрел на нее из-под козырька кепки и поприветствовал в своей односложной манере. Сама она по-прежнему не отрывала взгляд от земли, как бы подчеркивая, что все произошло против ее воли.

В его машине воняло мокрой собачьей шерстью, заднее сиденье было покрыто шершавой серой шкурой какого-то животного. На спинках сидений желтая набивка кое-где торчала наружу. Мея села на самый край и дышала через рот. По рассказам Силье, Торбьёрн особо не нуждался в деньгах, но, судя по автомобилю, мама, пожалуй, выдала желаемое за действительное. На всем пути до его усадьбы они не увидели ничего, кроме мрачного елового леса, чередовавшегося с вырубками, и отдельных крошечных озер, подобно слезам блестевших между деревьями.

К тому времени, когда они доехали да Глимерстреска, Мею уже начало подташнивать. На переднем сиденье Торбьёрн давно положил Силье руку на бедро и поднимал ее только время от времени, показывая то, что сам считал важным: торговый центр, школу, пиццерию, почту и банк. Он явно гордился всем этим. Сами жилые дома были большими и встречались редко. Чем дальше они ехали, тем больше становилось расстояние между усадьбами. В промежутках мелькали перелески, поля и пастбища. То тут, то там слышался собачий лай. На переднем сиденье щеки Силье стали уже почти красными.

— Смотри какая красота, Мея. Прямо как в сказке.

Торбьёрн сказал, что сейчас ей надо взять себя в руки, поскольку он живет с другой стороны болота. Мея поинтересовалась, что это означает. Впереди дорога постепенно сужалась, в то время как лес подступал все ближе, и в автомобиле воцарилась гнетущая тишина. Мея почувствовала, как у нее начались трудности с дыханием, когда она смотрела на высоченные сосны, мелькавшие по бокам.

Дом Торбьёрна торчал в гордом одиночестве на огромной поляне. Двухэтажный, он когда-то, пожалуй, выглядел респектабельно, но сейчас красная фалунская краска на стенах прилично выгорела и облезла, и дом уже довольно глубоко сидел в земле. Серdito рычавшая собака натянула

цепь. В остальном вокруг было очень тихо, если не считать шума ветра в ветках елей и сосен. Мее стало немного не по себе, когда она огляделась.

— Вот мы и на месте, — констатировал Торбьёрн и развел руки в стороны.

— Как тихо и спокойно здесь, — сказала Силье, но от недавнего восторженного тона не осталось и следа.

Торбьёрн внес в дом их сумки и поставил на черный от грязи пол. Внутри воздух был затхлый, и вдобавок воняло сажей и пригоревшим маслом. На них таращилась потертая старая мягкая мебель. Стены, оклеенные коричневыми полосатыми обоями, украшали рога животных и ножи в кривых ножнах. Мея никогда не видела столько холодного оружия. Она попыталась перехватить взгляд матери, но безуспешно. Судя по улыбке, застывшей на лице, Силье была готова почти к любым испытаниям и уж точно не собиралась признавать никакой ошибки.

Стоны этажом ниже прекратились, уступив место щебетанью птиц. Никогда раньше Мея не слышала, чтобы их пение звучало так истерично и безрадостно. Ее комнатка находилась прямо под крышей, заменявшей потолок; сотни пустых дыр от сучков, подобно глазам, таращились сверху. Из-за потолка Торбьёрн назвал комнату «треугольной», когда, стоя у лестницы, показал, где она будет жить. Своя собственная комната на втором этаже — давно она не имела ничего подобного. Обычно в ее распоряжении находились только собственные руки, затыкающие уши, чтобы не слышать крики взрослых, как соединяются их тела. Не имело значения, как далеко они переезжали, — эти назойливые звуки всегда догоняли ее.

* * *

Лелле почувствовал, насколько устал, только когда внезапно съехал на обочину. Он резко затормозил, чтобы не оказаться в канаве, опустил стекло и стал бить себя по щекам, пока кожу не начало жечь. Сиденье рядом было пустым, Лина исчезла. Его ночные поездки ей бы точно не понравились. Он сунул в рот сигарету, чтобы не заснуть.

Щеки все еще пылали от пощечин, когда Лелле приехал домой в Глиммерстреск. Он сбросил скорость у автобусной остановки и, припарковавшись, посмотрел скептически на украшенный каракулями и

птичьим дерьмом стеклянную остановку. Было слишком рано, и первый автобус еще не проходил. Вылез из машины и направился к изрезанной надписями деревянной скамейке. Вокруг валялись обертки от конфет и комки жвачки. Лужи блестели в лучах солнца. Лелле не помнил, чтобы шел дождь. Он обошел остановку несколько раз, а потом, как всегда, остановился на том месте, где была Лина, когда он оставил ее. Прислонился плечом к грязному стеклу, точно как сделала она тогда. Немного небрежно, словно ей тем самым хотелось показать, что речь идет о самой заурядной для нее поездке. Первая настоящая летняя работа. Сажать еловый лес в Арьеplugе. Чтобы заработать прилично денег, прежде чем начнутся занятия в школе. В этом ведь не было ничего странного.

Из-за этого они и приперлись так рано — он боялся, что дочь пропустит нужный автобус и опоздает в свой первый рабочий день. Лина не жаловалась — июньское утро выдалось теплым, громко пели птицы. Она стояла одна в павильоне, и солнце отражалось в ее старых темных очках, которые девчонка когда-то выклянчила себе, пусть они и закрывали половину лица. Пожалуй, она помахала ему рукой, возможно, даже послала воздушный поцелуй. Она обычно поступала так.

У молодого полицейского были похожие солнечные очки. Он сдвинул их на лоб, когда шагнул в прихожую, и впился взглядом в Лелле и Анетт.

— Ваша дочь не садилась в автобус утром.

— Это невозможно, — сказала Лелле. — Я же высадил ее у остановки! Полицейский покачал головой так, что очки чуть не свалились.

— Твоей дочери не было в автобусе, мы разговаривали с водителем и пассажирами. Никто не видел ее.

Они странно смотрели на него уже тогда. Он почувствовал это. Полицейские и Анетт. Под давлением их укоризненных взглядов Лелле сразу сник, казалось, силы покинули его. Он ведь, в любом случае, видел Лину последним, сам подвез, значит, ответственность лежала на нем. Они раз за разом задавали одни и те же трудные вопросы. Хотели знать точное время. В каком настроении Лина была в то утро? Хорошо ли ей жилось дома? Ругались ли они?

В конце концов Лелле вышел из себя, схватил кухонный стул и швырнул его со всей силы в одного из стражей порядка, трусливого дьявола, который, выскочив из дома, тут же вызвал подкрепление. Они завалили его щекой на прохладный пол (до сих помнится это ощущение) и оседлали, чтобы надеть наручники. Кажется, он слышал, как плакала Анетт, когда его уводили. Но он так и не дождался поддержки с ее стороны.

Ни тогда, ни сейчас. Их единственный ребенок исчез, и за неимением других она каждодневно винила в этом его.

Лелле завел мотор и поехал прочь от пустой автобусной остановки. Три года минуло с тех пор, как дочь стояла там и улыбалась ему. Целых три года, а он по-прежнему оставался последним, кто видел ее.

* * *

Мея могла бы вечно оставаться в тесной комнате под крышей, если бы не голод. Голод никогда не покидал ее, куда бы они ни переезжали. Она держалась одной рукой за живот, пытаясь заставить его замолчать, когда приоткрыла дверь. Ступеньки были настолько узкими, что ей приходилось идти на носочках, и некоторые скрипели и трещали, когда она ставила на них ногу, тем самым сводя на нет все старания двигаться неслышно. Свет на кухне не горел, там было пусто, а дверь в спальню Торбьёрна была закрыта. Собака лежала, вытянувшись на полу в прихожей, и настороженно смотрела, когда она проходила мимо. Стоило ей открыть входную дверь, псина поднялась и, ловко просочившись между ее ног, выскользнула на улицу — Мея даже не успела среагировать, — присела на задние лапы у кустов смородины, а потом стала нарезать круги по траве, уткнув нос в землю.

— Почему ты выпустила собаку?

Мея только сейчас заметила Силье, сидевшую в шезлонге у стены. Мама курила сигарету, одетая в чужую фланелевую рубашку. Волосы стояли подобно львиной гриве у нее на голове, и, судя по глазам, ночью она не спала.

— Я не хотела, пес выбежал сам.

— Это сука, — сказала Силье, — ее зовут Джолли.

— Джолли?

— Угу.

Собака среагировала на имя и вернулась на террасу. Легла на потемневший от времени деревянный пол и глазела на них, высунув язык, похожий на галстук. Силье достала пачку сигарет, и Мея увидела красные отметины у нее на шее.

— Чем ты занималась там? — спросила она.

Силье криво улыбнулась:

— Не разыгрывай из себя дурочку.

«Хоть бы она не стала вдаваться в подробности», — подумала Мея, взяла сигарету, чтобы заглушить голод, и, прищурившись, посмотрела в сторону леса. Там вроде бы что-то двигалось, и даже если нет — показалось, она решила не ходить в том направлении ни при каких условиях, а потом сделала затяжку, и неприятное ощущение вернулось снова. Она опять почувствовала себя запертой в башне в непроходимой чаще.

— Мы действительно будем жить здесь?

Силье перекинула одно колено через подлокотник так, что стали видны черные трусы, и принялась качать ногой.

— Нам надо воспользоваться этим шансом.

— Почему?

— Потому что у нас нет выбора.

Мать не смотрела на нее сейчас. Эйфория предыдущего дня прошла, блеск в глазах потускнел, но тон был решительным.

— У Торбьёрна есть деньги. У него усадьба и постоянная работа. Мы можем хорошо жить здесь без необходимости беспокоиться о том, что в следующем месяце нам снова придется платить за квартиру.

— Прозябание в лачуге... черт знает в какой глуши... у меня язык не поворачивается назвать это хорошей жизнью.

Шея Силье покрылась красными пятнами, и она положила руку поверх ключицы, как бы в попытке остановить продвижение пятен вверх.

— У меня нет другого выхода, — сказала она. — Я устала быть бедной. Мне необходим мужчина, который заботился бы о нас, а у Торбьёрна есть такое желание.

— Ты уверена в этом?

— В чем?

— Что оно у него есть?

Силье ухмыльнулась уголком рта:

— Я позабочусь, чтобы он этого хотел, не беспокойся на сей счет.

Мея каблуком раздавила недокуренную сигарету.

— Есть что-нибудь пожрать?

Силье сделала глубокую затяжку и улыбнулась:

— В этой лачуге больше еды, чем ты когда-либо видела за всю свою жизнь.

Лелле проснулся от вибрации мобильного в кармане. Он сидел в шезлонге у куста сирени, и все тело заныло, когда он поднес телефон к уху.

— Лелле, ты спишь?

— Нет, черт побери, — солгал он. — Я работаю в саду.

— Клубника уже начала созревать?

Он бросил взгляд в сторону заросших грядок с ягодами:

— Нет, но скоро начнет.

Анетт запыхтела на другом конце, словно пыталась взять себя в руки.

— Я выложила информацию у себя на странице в Фейсбуке, — сообщила она. — Относительно бдения в воскресенье.

— Бдения?

— Исполняется три года... Ты же, наверное, не забыл?

Шезлонг заскрипел, когда он резко поднялся. Голова закружилась, и ему пришлось схватиться за ограду террасы, чтобы не упасть.

— Само собой, не забыл!

— Я и Томас купили свечи, а мамин швейный кружок напечатал несколько футболок. Мы решили начать у церкви и дойти вместе до автобусной остановки. Ты, пожалуй, можешь подготовиться, если захочешь, сказать несколько слов.

— Мне не надо готовиться. Все необходимое в моей голове.

Голос Анетт звучал очень устало, когда она ответила:

— Лучше, если бы смогли показать, что между нами все нормально, — проямлила она. — Ради Лины.

Лелле помассировал виски:

— Нам надо будет держаться за руки? Тебе, мне и Томасу?

Анетт тяжело вздохнула в ответ:

— Мы увидимся в воскресенье. И, Лелле...

— Да?

— Ты же не едешь по ночам?

Он закатил глаза к небу, где солнце пряталось за прозрачной завесой облаков.

— Увидимся в воскресенье, — буркнул он и отключил телефон.

Половина двенадцатого. Он проспал четыре часа в шезлонге после ночной поездки. Даже больше, чем обычно. Затылок чесался, и, запустив пальцы, чтобы помассировать его, Лелле обнаружил под ногтями кровь, вероятно, от раздавленного комара.

Он пошел в дом, приготовил себе кофе и, сполоснув лицо над раковиной, вытер его кухонным полотенцем. И тут же как наяву услышал протесты Анетт о том, что кухонные полотенца предназначены для

фарфора, но никак не для грубой мужской кожи. И что Лину должна искать полиция, а не папочка. В тот день, когда исчезла Лина, Анетт хлестала его ладонями по щекам и кричала, что это он виноват во всем: ему нужно было удостовериться, что дочь села в автобус. Она била и царапала его, пока не удалось схватить ее за руки и прижать к себе изо всех сил. Потом она вся обмякла в его объятиях. Тогда они последний раз прикасались друг к другу.

Анетт искала помощи на стороне, пыталась получить ее от друзей, психологов и репортеров. У профессионального мозгоправа Томаса, казалось, только и ждавшего подходящего случая, человека, готового часами болтать со своими клиентками и трахаться с ними, словно это могло избавить их от проблем. Жена принимала снотворное и успокоительные таблетки, от которых взгляд ее мутнел и ее постоянно тянуло выговориться. Она создала страницу в Фейсбуке, посвященную исчезновению Лины. На этой странице она анонсировала всяческие встречи и писала посты, от которых у Лелле волосы вставали дыбом: подробности их личной жизни и подробности о Лине из тех, какие не стоило бы обнародовать.

Сам он почти ни с кем не разговаривал. Не имел на это времени. Ему требовалось найти дочь. Только ее поиски что-то значили для него. Поездки по Серебряной дороге начались уже в первое лето: он поднимал крышку каждого бака для мусора и копался в контейнерах, проверял заброшенные рудники и заболоченные участки, и все исключительно голыми руками. Дома он постоянно сидел в Интернете и общался на форумах, где абсолютно незнакомые люди излагали ему свои теории относительно Лины. По их мнению, девочка сбежала, попала под машину, наложила руки на себя, утонула, ее убили, похитили, заставили заниматься проституцией и так далее. Иногда попадались совсем уж безумные сценарии, но он в любом случае заставлял себя читать всё. И почти ежедневно звонил в полицию, кричал, что они не делают ни черта. Не мог ни спать, ни есть. Возвращался домой после очередной, порой продолжавшейся целые сутки поисковой экспедиции в грязной одежде, с царапинами на лице, о происхождении которых сам не знал. Со временем Анетт перестала мучить его вопросами. Пожалуй, он даже испытал облегчение, когда она покинула его ради Томаса, поскольку теперь он мог целиком посвятить себя поискам. Поиски — единственное, что у него осталось.

Лелле сидел перед компьютером с чашкой кофе. Лина улыбалась ему с экранной заставки. Воздух в комнате был тяжелый и затхлый. Пыль танцевала в лучах света, прорывавшегося сквозь щели в опущенных жалюзи. На подоконнике склонил голову мертвый цветок. Со всех сторон

— грустные напоминания о собственной деградации, о том, как изменилась жизнь.

Он вошел на страницу в Фейсбуке, где Анетт выложила приглашение на бдение. Сто три человека поставили лайки, шестьдесят четыре участника оставили комментарии. *«Лина, нам не хватает тебя, надежда никогда не умрет в наших сердцах»*, — написала одна из ее подруг, сопроводив стенание плачущими смайликами. Сорока трем пользователям комментарий понравился, включая Анетт Густафссон. Лелле стало интересно, собирается ли она когда-нибудь поменять фамилию. Он кликнул дальше, быстро прокрутил стихотворения, фотографии и сердитые реплики. *«Кто-то знает, что случилось с Линой, пора тебе выйти из тени и рассказать правду!»* — гласила одна из них, со злым краснощеким смайликом на конце. Девяносто три человека выразили одобрение. Двадцать написали комментарии.

Лелле закрыл Фейсбук. Каждое посещение оставляло тяжелый осадок на душе.

— Почему тебя нет в социальных сетях? — обычно ныла Анетт.

— Зачем? Чтобы рыдать вместе со всеми на глазах у целого мира?

— Но речь идет о Лине...

— Я не знаю, понимаешь ли ты это, но моя задача *найти* ее, а не скорбеть по ней.

Он пригубил кофе и вошел в *Flashback*. Там не появилось ничего нового относительно исчезновения его дочери. Последнее сообщение по поводу Лины, датированное декабром прошлого года, написал пользователь, называвший себя «Искателем истины».

«Полиции следовало проверить, какие дальнобойщики находились на Серебряной дороге в то утро. Все знают, что это любимая профессия серийных убийц. Посмотрите данные по Канаде и США. Там каждый день пропадают люди в населенных пунктах, расположенных вдоль автострад».

Ни много ни мало, тысяча двадцать четыре поста от анонимных пользователей. В большинстве своем все эти люди склонялись к тому, что Лину уговорил поехать с ним и увез какой-то шофер до прибытия автобуса. То есть у них была та же теория, что и у полиции. Лелле обзванивал фирмы, занимавшиеся грузоперевозками, и спрашивал, какие водители были в их районе в то время, когда пропала Лина. Он пил кофе кое с кем из шоферов, осматривал их машины и передавал имена в полицию. Но никто из этой разношерстной компании, похоже, так и не стал подозреваемым, да и не видел ничего.

Полицейские не любили, когда Лелле начинал настаивать. Они ведь живут в Норрланде, на севере Швеции, а не в Северной Америке. Серебряная дорога вряд ли могла считаться «настоящей» автострадой с американской точки зрения, и у них, в Норрланде, отродясь не было серийных убийц.

Поднявшись из-за компьютера, он закатал рукава своей пропахшей сигаретным дымом рубашки, подошел к карте северного Норрланда, приколотой к стене, прищурился и посмотрел на вереницу булавочных головок в центральной части. Затем вернулся к столу, вынул новую булавку из ящичка и обозначил место, где побывал этой ночью. Он не сдастся, пока не проверит каждый отрезок дороги, любое, пусть самое убогое и гнилое, человеческое жилище вблизи нее. Провел окровавленным ногтем по карте, прикидывая, какое захолустье посетит следующим, ввел координаты в мобильный телефон и потянулся за ключами от машины. Он уже и так потерял достаточно времени.

* * *

Глаза Силье восторженно блестели, как будто перед ними открылось море возможностей, как будто лачуга в лесу была божьим даром в ответ на ее молитвы. Голос ее резко прибавил в громкости, стал мелодичным и чистым. Слова лились непрерывным потоком, наталкиваясь друг на друга. Как будто она боялась, что у нее не хватит времени сказать все необходимое. Торбьёрн, казалось, наслаждался этим. Он сидел молча с довольной миной, в то время как Силье щебетала и щебетала. Повела о том, как ей понравился он сам, а про усадьбу — что она прямо влюбилась во все, начиная с узоров на линолеуме и заканчивая цветастыми занавесками. Не говоря уже об окружающей природе, прям точно как в мечтах, которые она лелеяла все годы. Очень удачно приплела про мольберт и кисти. Поклялась создать свои лучшие работы с помощью необычайного ночного света в царстве тишины и покоя, где ее исстрадавшаяся душа наконец получила долгожданную передышку. Да-да, только здесь у нее появится возможность творить по-настоящему.

Каждый раз влюбляясь заново, своей излишней эмоциональностью Силье могла утомить предмет страсти. Ее разглагольствования дышали ожиданием поцелуев и ласк, долгих объятий, но... Внезапный всплеск энергии матери не нравился Мее, даже пугал ее. Обычно такие приступы

восторга заканчивались бедой.

Уже во второй вечер таблетки отправились в мусор. Открытый блистер с ними Мея заметила среди картофельной кожуры и кофейной гущи. Безобидные на вид пилюли пастельного цвета. Чудесное творение фармакологии, таблеточки, при своих крошечных размерах обладавшие достаточной силой, чтобы остановить безумие и темноту. Обеспечивавшие нормальное существование человека.

— Почему ты выбросила лекарство?

— Потому что оно мне больше не требуется.

— Кто тебе это сказал? Ты разговаривала с врачом?

— Мне не надо ни с кем разговаривать. Я сама знаю, что в таблетках больше нет необходимости. Тут я в своей стихии. Сейчас я наконец могу быть сама собой. Темнота меня здесь не настигнет.

— Ты сама слышишь, как это звучит?

Силье рассмеялась непринужденно:

— Почему тебе постоянно надо обо всем беспокоиться? Ты должна научиться расслабляться, Мея.

Долгими светлыми ночами Мея лежала и тарасилась на рюкзак, в котором по-прежнему лежали все ее вещи. Она могла бы стащить немного денег и поездом отправиться назад, в южном направлении. Пока будет заниматься поисками работы, поживет у друзей. Обратится в социальную службу за помощью в худшем случае. Там прекрасно знали Силье, насколько неадекватной она могла быть. Но Мея понимала, что не решится на это. Ей требовалось следить за матерью, которая так и сыпала банальностями.

— *Таким свежим воздухом я никогда не дышала прежде!*

— *Разве не замечательно, когда вокруг царит такая тишина?*

Что касается тишины, Мея не замечала ее. Наоборот, лес был полон звуков, заглушавших мысли. Хуже всего было по ночам, когда назойливое жужжание комаров смешивалось с птичьим пением, а ветер с шумом гулял среди елей, заставляя их качаться. Не говоря уже о какофонии, долетавшей из комнаты, расположенной этажом ниже. Крики и пыхтение, экзальтированные возгласы. Главным образом со стороны Силье, конечно. Торбьёрн предпочитал не выражать свои эмоции вслух. Только когда они замолкали, Мея осмеливалась спуститься на кухню, а услышав храп Торбьёрна, пробиралась через комнату выпить вино, оставшееся после Силье. Оно помогало ей не слышать звуки.

Лелле почти не спал летом. Он винил в этом свет, солнце, которое никогда не опускалось с небосвода и нахально пыталось прорваться внутрь сквозь черную ткань занавесок. Винил также птиц, шумевших ночами, и еще комаров, которые начинали жужжать над головой, стоило положить ее на подушку. Он винил в этом всё и всех, кроме того, что на самом деле не позволяло сомкнуть глаз.

Соседи сидели на террасе, смеялись и дребезжали столовыми приборами. Лелле пригнулся как можно ниже, направляясь к машине, чтобы они не смогли увидеть его.

Он беззвучно катился вниз по склону, так долго, насколько получилось, прежде чем завести мотор. Но при всех предосторожностях у него почти не было сомнений, что соседи прекрасно знают о его исчезновениях по вечерам: они видели, как его «вольво» удаляется от дома, когда приближалась ночь.

В деревне царил покой, дома утопали в мягком свете вечернего солнца. Когда он приблизился к автобусной остановке, кровь с шумом запульсировала в висках. В его сердце все еще теплилась крошечная надежда, что он увидит Лину в небрежной позе со скрещенными на груди руками, как это было, когда он оставил ее. Прошло три года, но при виде чертовой остановки у него снова и снова перехватывало дыхание.

Как считали в полиции, кто-то ехал по Серебряной дороге, затормозил у остановки и увез Лину. Вероятно, этот никому не известный человек предложил подвезти или заставил сесть в машину силой. Свидетелей в пользу данной версии не нашлось, но это выглядело единственным правдоподобным объяснением, почему девочка могла исчезнуть так быстро и бесследно. Лелле оставил Лину без десяти шесть. Автобус, если верить шоферу и пассажирам, подошел четверть часа спустя, и девочки уже не было. Все произошло за пятнадцать минут. Максимум.

Прочесали весь Глиммерстреск. Никто не остался безучастным. Проверили каждый ручей и, выстроившись цепочкой, прошли порядка десяти километров во всех направлениях. Собаки и вертолеты, добровольцы со всего округа помогали в поисках. Но все было напрасно. Они так и не нашли Лину.

Лелле отказывался верить в ее смерть. Для него она по-прежнему оставалась живой, как и в то злополучное утро. Порой ушлые репортеры или бестактные незнакомцы спрашивали его:

- Ты веришь, что твоя дочь жива?
— Да, я верю в это, — всегда отвечал он.

Лелле успел выкурить шесть сигарет за те полчаса, пока добирался до Арвидсъюра. В помещении автозаправки не было ни одного клиента, когда он зашел. Киппен стоял спиной к нему и мыл пол, лысое темя блестело в ярком свете ламп. Лелле на цыпочках подошел к кофеварке и наполнил бумажную чашку до краев.

— А я как раз сейчас подумал, где ты. — Хозяин заправки оперся тяжелым телом на ручку швабры. — И засыпал свежий кофе для тебя.

— Спасибо тебе за это, — сказал Лелле. — Как ситуация?

— Нормальная, нет причин жаловаться. Ты сам-то как?

— Жив.

Киппен взял с него плату только за сигареты. Помимо кофе он угостил Лелле вчерашней булочкой с корицей. Лелле отломил сухой край и макнул в горячий напиток, а Киппен продолжил уборку.

— У тебя поездка сегодня вечером, я вижу, — возобновил он разговор.

— Да, отправляюсь в дорогу.

Киппен грустно кивнул:

— Печальный день приближается.

Лелле опустил взгляд на мокрый пол:

— Три года. Порой кажется, все было только вчера, а порой — словно целая жизнь прошла.

— И что делает полиция?

— Одному богу известно.

— Но они же не бросили это дело?

— Особо ничего не происходит, однако я не оставляю их в покое.

— Это хорошо. Если тебе понадобится помощь с чем-то, я здесь.

Киппен отвернулся и опустил швабру в ведро. Лелле сунул сигареты в карман, взял в одну руку булочку и кофе и на пути к выходу хлопнул мужчину по плечу свободной рукой.

Хозяин заправки принимал участие в поисках с самого начала. После исчезновения Лины он потратил долгие часы, просматривая записи с камер наружного наблюдения, пытаясь найти какой-то след, который привел бы к девочке. В случае, если Лину подвозил кто-то или увез насильно, вполне возможно, что этот человек останавливался залить бензин. Ничего такого не нашлось, но у Лелле создалось впечатление, что Киппен никогда не забудет о случившемся с его дочерью, сколько бы времени ни прошло.

Лелле сел в машину, окунул последний кусок булочки в кофе и, пока

ел, смотрел на колонки. Он уже давным-давно рассчитал, как долго похититель Лины мог ехать при условии, что бак был заправлен полностью. При большом баке машина могла добраться до гор и пересечь норвежскую границу. Если бы она и дальше ехала по Серебряной дороге, конечно. Вполне возможно, похититель мог свернуть на менее известные трассы, по которым обычно никто не ездил и никто не жил поблизости. То, что девочка исчезла, поняли только вечером, более чем через двенадцать часов, поэтому похититель или похитители имели в запасе массу времени.

Он вытер руки о джинсы, закурил очередную сигарету, завел мотор и, покинув Арвидсьяур, остался наедине с дорогой и лесом. Окно оставил приоткрытым, чтобы чувствовать запах хвои. Если бы деревья умели говорить, нашлись бы тысячи свидетелей.

Серебряная дорога была главной артерией, от которой отходили многочисленные дороги-капилляры, густой сетью охватывавшие всю страну. Среди этих дорог хватало разбитых проселков, используемых для вывоза бревен, потом еще таких, по которым ездили на снегоходах исключительно зимой, а также еле заметных тропок, змеившихся между мертвыми деревьями. В лесах, по которым проходили дороги, хватало озер, и рек, и бурных маленьких ручейков, бежавших как по земле, так и под ней. А также зловонных болот, готовых поглотить любого сделавшего неосторожный шаг в свое бездонное чрево. В таких местах поиски пропавшего человека могли продолжаться вечно.

Обычно требовалось проехать много километров, чтобы попались очередное жилье или какая-нибудь заброшенная постройка, а уж увидеть попутную или встречную машину вообще было чудом. Когда такое происходило, у Лелле начинало учащенно биться сердце, он надеялся увидеть Лину через стекло. Он останавливался на пустынных площадках для отдыха и, от волнения задерживая дыхание, поднимал крышки мусорных баков. Сколько бы раз он ни проделывал эту процедуру, она никогда не станет для него рутинной.

Перед Арьеплугом он свернул на маленькую дорогу из тех, что обычно соединяют соседей, на них трудно разъехаться двум машинам. Курил, не снимая рук с руля. Ключья тумана двигались между деревьями, подобно призракам, и он, прищурившись, смотрел вперед, пытаясь понять, где находился. Проселок был настолько узкий, что не позволял развернуться, пришло бы в голову поехать назад — двигался бы задом. Но ему такое не придет в голову. Лелле не привык отступать и заставлял «вольво» ползти все дальше по ямам и ухабам, не замечая, как пепел падает на рубашку. Он притормозил, только увидев дом между стволами. Когда-то в нем жили

люди, но сейчас густые кусты и молодые деревья, уже поднявшиеся до подоконников, взяли его в плотное кольцо, а на месте окон и дверей зияли пустые дыры. Дальше был еще один деревянный скелет, почти поглощенный лесом, и еще один. Полусгнившие усадьбы, по меньшей мере лет десять назад покинутые хозяевами.

Остановив машину посреди этого запустения, Лелле долго сидел неподвижно, прежде чем наполнил легкие воздухом и достал «беретту» из бардачка.

* * *

Мея старалась держаться подальше от мужчин Силье. Она избегала находиться в одной комнате с ними, так как знала, что их может интересовать не только мать. Им нравилось прижиматься к ней, игриво шлепнуть ее по заду или как бы случайно дотронуться до груди, причем еще тогда, когда у нее таковой не было и в помине.

Но Торбьёрн явно не собирался прикасаться к ней. Она поняла это уже на третий вечер в его хижине, когда спустилась на первый этаж и обнаружила его сидящим в одиночестве на кухне, где он с шумом прихлебывал кофе из блюдца. Мея прошмыгнула мимо него на террасу как можно тише, словно не заметила, но только успела закурить сигарету, как он высунул голову и спросил, нет ли у нее желания что-нибудь съесть. Глядя на его изрезанное морщинами лицо, она догадалась, что ему больше лет, чем она думала, — он был значительно старше Силье и вполне годился ей самой в дедушки.

Торбьёрн исчез, и Мея слышала, как он насвистывает что-то, пока она курит. Она не спускала настороженного взгляда с леса. У нее не укладывалось в голове, как кто-то добровольно может жить здесь. Она слышала странные звуки, замечала танцевавшие между елей подозрительные тени. Из дома вышла собака и легла у ее ног так близко, что Мея почувствовала прикосновение шершавой, неприятно пахнувшей шерсти. Время от времени собака поднимала голову и смотрела в сторону леса, словно тоже слышала кого-то там, в глубине. Мея чувствовала, как ее сердце убыстряет ритм. В конце концов она не выдержала. Общество вжившегося на кухне мужчины было куда предпочтительнее.

Он уже успел поставить на стол чашки и положить все для бутербродов.

— К сожалению, у меня нет ничего сладкого.

Мея в нерешительности остановилась в дверном проеме, скосилась на закрытую дверь комнаты, где пряталась Силье, потом снова уставилась на еду:

— Бутерброды подойдут.

Она села напротив него, но не отрывала глаз от поцарапанной поверхности стола. Торбьёрн налил кофе, оказавшийся настолько горячим, что между ними облачком поднялся пар.

— Ты же, конечно, пьешь его?

Мея кивнула. Она пила кофе, сколько помнила себя. Либо кофе, либо алкоголь, но в последнем ей не хотелось признаваться, во всяком случае, постороннему. Булка оказалась вкусной и мягкой, прямо таяла во рту, и она, намазывая масло, уплетала кусок за куском; она была настолько голодная, что не могла остановиться. Торбьёрн, казалось, ничего не замечал, сидел, повернувшись лицом к окну, и говорил непрерывно, сопровождая свой рассказ жестами. Показывал на тропинки, бежавшие в лес, на дровяной сарай в углу, где хранились велосипеды, спиннинги и все прочее, чем она может воспользоваться.

— Все что есть в усадьбе — в твоём распоряжении, это твой дом теперь. Я хочу, чтобы ты знала это.

Мея слушала его, жевала и чувствовала, что ей становится трудно глотать.

— Я никогда не рыбачила...

— Ничего страшного, я могу научить тебя как-нибудь.

Ей нравилось его морщинистое лицо, когда он улыбался, и его сдержанная манера говорить. Торбьёрн задерживал на ней взгляд только на короткие мгновения, словно стеснялся, а она расслабилась настолько, что осмелилась налить себе еще кофе, хотя ей пришлось наклониться через стол, чтобы дотянуться до кофейника. Было уже поздно, но солнце светило в окно, и она и без кофе не смогла бы заснуть.

— Ага, сидите и кайфуете.

Силье, бледная как тень, стояла в дверном проеме в одних трусах, грудь висела. Мея отвернулась.

— Иди к нам и садись, пока твоя дочь не приговорила батон, — сказал Торбьёрн.

— Да, моя Мея способна сожрать все в доме, если ты ей позволишь, — буркнула Силье, проковыляла через кухню, встала под вентилятором и чиркнула зажигалкой. Она с такой жадностью втянула в себя дым, словно не курила сто лет.

Мея машинально напряглась — ей не понравился тон матери. Она видела ее отражение в стекле старинных прадедовских часов: блестящие глаза, ребра, выпирающие из-под кожи, — и сразу захотела спросить, нет ли у нее абстиненции после таблеток. Но она не стала делать это при Торбьёрне, который как раз протянул Силье кофейник.

— Я только что предложил Мее осмотреть усадьбу, — сказал он. — У меня есть несколько велосипедов на случай, если она захочет прокатиться к озеру или в деревню.

— Слышишь, Мея? Почему бы тебе не прогуляться и не познакомиться с окрестностями?

— Пожалуй, завтра.

— Тебе же все равно нечем больше заняться. Прокатись в деревню, может, найдешь там ровесников. Сейчас же фактически лето. Ты ведь не будешь постоянно сидеть здесь и помирать от тоски. — Силье загасила сигарету, потянулась за бумажником, достала из него двадцатку и протянула Мее: — Купи мороженое или еще что-то.

— У нас все уже закрыто, поздно, — сказал Торбьёрн со своего места. — Но молодежь обычно гуляет допоздна. Они, конечно, обрадуются новенькой.

Мея неохотно поднялась и взяла деньги. Силье вышла вместе с ней на террасу.

— Нам с Торбьёрном просто надо немного времени для себя, — прошептала она. — Ты же можешь не возвращаться несколько часов? Езжай и проветришь немного!

Она чмокнула дочь в щеку и протянула ей две сигареты, затем закрыла дверь за собой. Щелкнула щеколда. Мея замерла и еще какое-то время ошарашенно таранилась на дверь. Она слышала шум деревьев за спиной — казалось, они смеются над ней, — потом медленно повернулась, и до нее дошло, что она осталась наедине с лесом. То есть произошло то, чего она так боялась.

* * *

Именно такие заброшенные места он и посещал теперь. Давно опустевшие усадьбы с заросшими тропинками. Прорицательница из Кеми сказала ему, что именно там его дочь. *«Среди густого леса и деревянных руин, оставленных людьми»*. И пусть Лелле особо не верил ясновидящим,

сейчас он готов был схватиться за любую соломинку.

Хорошо еще, было светло как днем, когда он переступал через прогнившие пороги и, сгибаясь, проходил в двери, еле державшиеся на проржавевших петлях. Щелястый пол скрипел и подозрительно трещал под его ногами, когда он бродил по комнатам, скользя взглядом по обшарпанной мебели, печам и абажурам, покрытым паутиной и толстым слоем пыли. В некоторых усадьбах эхо гуляло по пустым помещениям, тогда как другие, похоже, покидали в спешке, судя по стоявшему на полках фарфору и заключенным в рамки вышивкам с различными мудрыми изречениями.

«Люби меня больше всего, когда я этого меньше всего заслуживаю, поскольку тогда мне это по-настоящему необходимо».

«Довольствуйся малым, не забывай, что погоня за большим зачастую оборачивается только лишними заботами!»

«Счастье заглядывает в дом, если радость живет в душе».

Он подумал о розовощеких женщинах, сидевших у керосиновой лампы длинными зимними ночами с иголкой в руках. Скрашивали ли эти простые истины убогое существование? Может, как раз он и ошибается, считая их смешными?

Солнечный свет проникал внутрь сквозь пустые квадраты окон, в глаза бросались следы жизнедеятельности зайцев, мышей и прочей живности, обосновавшейся здесь. Стараясь не шуметь, Лелле шагнул в спальню, заглянул под кровати и в гардероб. Он старался двигаться как можно быстрее, но и не забывал об осторожности, прекрасно понимая, что пол может провалиться в любом месте. Сердце постепенно успокаивалось. Его миссия почти закончилась — осмотрит большой жилой дом и с чувством выполненного долга может снова сесть в машину.

Этот дом, похоже, находился в самом приличном состоянии, во всяком случае, в окнах держались стекла, а черепица ровными рядами лежала на крыше. Входная дверь, однако, не хотела открываться, и ему пришлось приложить силу, чтобы сдвинуть ее с места. В конце концов она распахнулась так внезапно, что Лелле свалился на землю. Громко выругавшись, он почувствовал, как сквозь джинсы просочилась влага, и жгучую боль около копчика. Поднялся, выпрямился и машинально бросил взгляд через плечо, как бы в попытке убедиться, что никто не стоит сзади и не смеется над ним.

Ноги еще не успели переступить через порог, когда в нос ударило зловоние, идущее изнутри, — тошнотворный запах смерти и гниения. Он

попятился назад так резко, что чуть снова не упал, и, положив руку на засунутый за пояс пистолет, торопливым движением снял его с предохранителя. Автомобиль стоял метрах в пятидесяти позади, наполовину закрытый молодыми деревьями, и первым желанием было побежать к нему, сесть за руль и умчаться прочь, забыв про ясновидящую с ее предсказанием. Однако, немного успокоившись, он передумал и, закрыв лицо свободной рукой, с пистолетом наперевес шагнул внутрь.

Смрад был просто невыносимый. Пока глаза привыкали к царившему внутри полумраку, к горлу подступила тошнота. Осмотревшись, он увидел множество лиц, улыбавшихся ему: маленькие беззубые дети, женщина в черном платье со столь же черными глазами... Стены комнаты были плотно увешаны черно-белыми фотографиями, кто-то прикрепил их булавками к обоям. Покрытая сажей печка, треногие стулья и кухонный стол с цветастой скатертью, больше ничего. Под столом чернел небольшой бесформенный предмет.

Мышь-полевка. Мертвая и распухшая, с длинным хвостом, завернувшимся вдоль серого тела.

Лелле сунул пистолет за пояс и направился к выходу, стараясь не смотреть на улыбающиеся лица, а на улице побежал к машине. Постоял около нее какое-то время, положив руки на колени. Пытался очистить легкие, набирая лесной воздух, однако без особого успеха. Зловоние преследовало его, когда он ехал назад к большой дороге. Казалось, оно пропитало кожу и стало неотъемлемой частью его собственного тела

* * *

Мея оказалась на улице так внезапно, что не успела не только переобуться, но даже подумать об этом, а ее сандалии с тонкими подошвами не слишком годились для хождения по корням и шишкам. Однако она не замечала этого; рыдая, она старалась как можно быстрее удалиться от дома, только бы Силье не видела ее слез. Сначала она бежала, толком не разбирая дороги, потом долго стояла, прежде чем ей удалось восстановить дыхание и немного прийти в себя. Деревья, громко скрипя, качались, царапая ей руки ветками, словно пытались схватить. Собака увязалась за ней, но постоянно сворачивала то в одну, то в другую сторону, исчезая среди упавших стволов и веток. Мея пожалела, что нет поводка, тогда бы она держала собаку рядом с собой. Сердце трепетало от страха, но

она сама не знала, чего боялась больше: мелькавших среди деревьев теней, диких зверей или одиночества. Ей никогда еще не приходилось бывать в лесу в таком захолустье, где, как она понимала, сколько ни кричи, никто тебя не услышит. Окружавшие ее деревья были старыми, их возраст явно насчитывал десятки лет. Покрытые мхом толстые серые стволы сосен тянулись так высоко к небу, что у нее закружилась голова, когда она подняла взгляд к кронам.

«Здесь можно легко потеряться, и никто не найдет», — подумала она.

Озеро, которое она видела из окна машины Торбьёрна, оказалось большим. Какое-то время она шла вдоль берега; ее ноги оставляли глубокие следы в поросшей травой и мхом мягкой земле; маленькие кривые березки стояли, понуриив головы и купая ветви в воде. Из зарослей вышла собака и принялась жадно пить. Мея села на валун, покрытый почерневшим мхом, похожим на свернувшуюся кровь, сняла сандалии и сунула пальцы ног в воду, однако быстро подтянула их к себе. Собака снова убежала, и Мея торопливо последовала за ней. Вдоль берега змеилась еле заметная тропинка, отклоняясь в сторону, только когда требовалось обогнуть упавшее дерево или переправиться через бурные ручейки. Мея начала уставать. Сколько времени прошло? Можно ли уже возвращаться? Она достала одну из полученных от матери сигарет, чиркнула зажигалкой и сделала затяжку.

Вдруг она услышала голоса. Снова подбежавшая собака лаяла, как будто звала за собой. Мея поспешила по тропинке и между ветками увидела людей, сидевших на берегу. Горел костер, тонкая струйка дыма поднималась прямо к небу. Они засмеялись, увидев собаку, ласково поприветствовали ее, а потом заметили Мею. Она выронила сигарету из рта, но быстро наклонилась, подняла ее с земли и сделала затяжку, словно ничего не случилось, однако почувствовала, как щеки залились румянцем.

Парни... Молодые, с прыщавыми лицами и выпирающими вперед кадыками, дергавшимися при глотательных движениях. Один из них встал и направился к ней. Длиннорукий, довольно своеобразной внешности, он, прищурившись, подошел так близко к ней, что Мея невольно попятилась. Парень вытянул вперед открытую ладонь, словно собираясь поздороваться, но затем внезапно выхватил сигарету из ее пальцев и бросил в воду, не спуская взгляда с ее лица.

— Что ты сделал, черт побери?

— Красивые девушки не должны курить.

— И кто это сказал?

— Я.

Со стороны костра послышался громкий смех.

— И кто же ты такой? — спросила она.

В его серых глазах вспыхнули озорные огоньки, и Мея поняла, что он дразнит ее.

— Меня зовут Карл-Юхан.

Он вытер руку о джинсы и протянул ей. Кожа была шершавой и мозолистой.

— Мея, — сказала она.

Он кивнул через плечо:

— А там у нас Ёран и Пер, они не такие опасные, как выглядят.

Два парня кивнули от огня. Все трое имели пепельные волосы и были одеты в похожие футболки и джинсы.

— Вы братья? — спросила она.

— Все думают, что я самый старший, — ответил Карл-Юхан. — Хотя все совсем наоборот.

Он достал нож из ножен, висевших у него на поясе, и показал кончиком в сторону костра.

— Подходи и садись, — сказал он. — Мы как раз готовим еду.

Мея колебалась какое-то мгновение, а собака уже сидела у костра и, виляя хвостом, поедала глазами рыбу, которой они как раз занимались. Мея бросила взгляд на тропинку, ведущую к дому Торбьёрна. Мох блестел в свете ночного солнца, и лес уже не казался ей столь пугающим.

* * *

К северу от Абборртреска он повернул на новый проселок, хотя Лина запротестовала:

— Хватит уже на эту ночь.

— Только этот, и всё.

Гравий трещал под колесами и, вылетая, карябал днище машины. По обеим сторонам тянулись болота. Он мог видеть пар, поднимающийся из разрывов во мху, как будто дышала сама земля. Проехав несколько километров, он обнаружил черное пятно озера впереди. С каждой стороны от него находилось по одной заброшенной усадьбе.

Остановив машину, направился дальше пешком с сигаретой между зубов, держа «беретту» обеими руками. Ствол наклонил к земле, которая, казалось, качалась. Он не знал, зачем ему оружие, поскольку не мог

представить, что способен выстрелить в кого-то. Но в критической ситуации ему не хотелось быть незащищенным.

Первый из двух домов встретил его знакомым запахом запустения. Паутина в виде нитей висела от стены до стены, щекотала ему лицо, когда он ходил по комнатам. В спальне он встал на колени и заглянул под узкую койку, там обнаружилась коробка для рыболовных принадлежностей из зеленой пластмассы, наполненная крючками и блеснами. В гостиной он открыл дверцу печки и покопался среди серых прогоревших угольков. От пустой корзины для дров тянулся пестрый половик. На нем он смог различить следы от испачканной глиной обуви. Наклонившись и ковырнув пальцем коричневатую грязь, он констатировал, что она была влажной и еще свежей. Кто-то побывал здесь совсем недавно.

Лелле прижался спиной к печи и, выставив пистолет перед собой, скользнул взглядом по окнам, в которых частично сохранились стекла. Снаружи покачивались ели. Он стоял так, пока не привел в порядок мысли. Сердце уже не билось так отчаянно. Другие люди тоже бывают в этих лесах, заходят в заброшенные усадьбы, чтобы согреться, найти защиту от непогоды или просто обследовать. Ни о чем ином не могла идти речь.

Лелле вышел наружу и направился к озеру, на черной поверхности которого лениво покачивались кувшинки. Подумал, насколько оно глубокое и можно ли обследовать дно. Бросил окурочок в воду и пожалел, что пошел тут. Почва была болотистой, уходила под ногами, словно ожидая случая утянуть пришельца за собой. Его атаковало целое полчище комаров, и он закурил новую сигарету, чтобы защититься дымом.

Вторая усадьба была в лучшем состоянии. На стенах местами осталась желтая краска, входная дверь открылась без скрипа. Лелле переступил через порог, и дверь закрылась за ним. Больше ничего не удалось сделать, поскольку он сразу почувствовал, как к затылку прижали ствол.

Он поднял руки вместе со своей «береттой» и стоял, не смея пошевелиться, слыша биение собственного сердца и чужое дыхание рядом.

— Кто ты? — спросил мужской голос почти шепотом у него за спиной.

— Меня зовут Леннарт Густафссон. Пожалуйста, не стреляйте.

Ствол по-прежнему касался затылка, и Лелле почувствовал горечь желчи во рту. «Беретта» выскользнула из руки и упала на пол. Мужчина вытянул вперед ногу и пнул пистолет в сторону, а потом с такой силой прижал дуло ружья к голове Лелле, что тот чуть не упал. Он зажмурился и как наяву увидел перед собой Лину, ее красивые голубые глаза, как она подмигнула ему. Уловил укоризненные нотки в ее голосе. *«Что я говорила тебе».*

Они почистили рыбин и, опустошив от внутренностей, повесили на палочках над огнем. Темные хвосты блестели на солнце. Кишки и прочие отходы парни бросили за камень, к восторгу собаки, а окровавленные руки вымыли в озере. Ели без всяких изысков, только слегка поперчив и посолив, и Мея удивилась, насколько вкусной оказалась рыба.

Все трое говорили не особенно много, но охотно таращились на нее. Она смущалась, не понимала, как себя вести, то и дело приглаживала волосы, не зная, куда девать руки.

Каждый раз, когда она встречалась взглядом с Карлом-Юханом, парень улыбался. У него были красивые зубы и ямочки на щеках. Мея толком не могла есть, когда он смотрел на нее, просто в ступор впадала. Он явно верховодил над остальными и говорил больше всех, двое других лишь кивали, фыркали и гордо задирали носы в нужных местах. Ростом он уступал братьям, но явно не силой, и при этом выглядел безобидным, как мальчишка. Упросил ее съесть еще одного окунька и поинтересовался, уж не на стокгольмском ли диалекте она говорит.

— Я жила везде понемногу, — ответила Мея, почувствовав себя светской львицей, — поэтому моя речь — смесь всего на свете.

— Как ты оказалась в Глиммерстреске?

— Моя мама захотела перебраться сюда.

— И почему?

— Она познакомилась с мужчиной в Сети. У него усадьба здесь. А мама всегда мечтала об этом... о простой жизни в лесу, типа того.

Мея почувствовала, как у нее порозовели щеки. Она ненавидела говорить о Силье, но заметила, как у Карла-Юхана восторженно заблестели глаза.

— Она, похоже, умная женщина.

— Ты так считаешь?

— Да, конечно. Все должны искать более простой жизни при мысли о том, каким стал мир.

Он сидел близко, почти вплотную к ней, их плечи и колени время от времени касались. А голос действовал опьяняюще. И он не сводил с нее глаз.

— Вы всегда гуляете по ночам? — спросила она.

— Сейчас лучше всего клюет. — Карл-Юхан кивнул в сторону озера, в блестящей поверхности которого отражалось небо. — А ты... что ты делаешь здесь так поздно?

— Я? Я не могла заснуть.

— После смерти отоспимся, — усмехнулся он. — Ладно, сейчас, по моему, пора нам окунуться.

Карл-Юхан снял футболку, обнажив крепкое загорелое тело. Как по команде, парни тоже разделись и пошли к воде. Мея осталась сидеть у костра, но Карл-Юхан звал и звал ее своим певучим голосом, пока она не сдалась.

Скинула джинсы и в футболке окунулась в ледяную воду — ей показалось, что у нее от холода сердце выскочит из груди. Потом они обсыхали на валунах, завернувшись в полотенца, — Карл-Юхан отдал Мее свое. Собака не отходила от симпатичного парня, как будто тоже поняла, кто здесь все решает.

Мея подумала о словах, сказанных Силье, когда они жили у одного крестьянина в Лахольме: *«На парня, который ладит с животными, можно положиться»*.

— Вы живете в деревне? — спросила она.

— Нет, мы живем не в Глиммерсе. Мы приходим из Свартшё.

— А где это?

— Примерно в десяти километрах отсюда.

Кожа Ёрана, старшего из братьев, было буквально усеяна крупными прыщами, которые он постоянно теребил кончиками пальцев. Мея старалась не смотреть на него.

— Вся эта страна постепенно катится в ад, — заявил Ёран. — Свартшё — наше убежище.

— Убежище от чего?

— От всего.

В окружавшей их тишине его слова прозвучали высокопарно, как будто он был политиком. Средний брат по имени Пер сидел молча, надвинув кепку на лицо. Мея скосилась на Карла-Юхана и увидела, что тот улыбается.

— Ты должна навестить нас, сама все увидишь, — сказал он. — Возьми с собой маму тоже. Если вас интересует простая жизнь, Свартшё вам понравится.

Мея крутила в пальцах последнюю сигарету. Ей очень хотелось зажечь ее, но она не стала.

— Вы странные, — пробормотала она. — Ужасно странные.

Они рассмеялись на это.

Карл-Юхан напросился проводить ее через лес, за что она была ему очень благодарна, поскольку тем самым избежала муки находиться наедине с деревьями. Тропинка была узкой, и им приходилось идти друг за другом. Мея чувствовала, как его глаза жгут ей затылок. Собака бежала первой и хлестала хвостом по кустам брусничника. Тут было над чем призадуматься. Обычно Мея не нравилась парням, во всяком случае, по-настоящему, поскольку была слишком молчаливой и неуверенной в себе. Парни предпочитали девиц, которые умели ругаться и громко смеялись над шуточками. Она же не преуспела ни в первом, ни во втором. Иногда она пыталась быть «своей в доску», но, судя по взглядам, выходило у нее плохо.

Карл-Юхан, однако, и не пытался шутить. Он просто шел позади нее и рассказывал о живших у них коровах, козах, собаках. «У нас все есть в Свартшиё», — повторил он несколько раз вибрировавшим от гордости голосом. Обернувшись, Мея увидела, что у него очень серьезные глаза, из-за чего он выглядел ужасно взрослым. Интересно, сколько ему лет? Спросить она не решилась. Парня явно устраивала собственная жизнь. В отличие от нее.

Она подумала о Силье, о том, что мать, пожалуй, уже спит мертвецким сном, но здесь ничего нельзя было знать наверняка. С таким же успехом Силье могла болтаться по усадьбе абсолютно голая, пьяная и нести околесицу.

Когда показалась крыша дома, Мея остановилась.

— Моя мама больна, — сказала она. — Я не знаю, стоит ли тебе провожать меня до конца и заходить к нам.

Карл-Юхан стоял так близко, что она чувствовала запах озерной воды и рыбьей крови, пятнами засохшей на его футболке. Живот слегка заныл от его взгляда. Она могла видеть, как тонкая кожа на ребрах вибрирует от ударов его сердца.

— Тогда увидимся, — сказал он.

Мея была вынуждена взять собаку за ошейник, чтобы та не последовала за ним, когда он уходил. Ей захотелось развеветься, когда парень исчез между елями.

— Повернись, чтобы я мог видеть тебя.

Задержав дыхание, Лелле начал медленно, очень медленно поворачиваться и закончил, только когда ствол ружья уперся ему в грудь.

Теперь он мог рассмотреть мужчину. Длинноволосый, со спадающей на грудь неухоженной бородой, грязным лицом и колючим взглядом; одет в обтрепанную на швах старую одежду, болтавшуюся на нем как на вешалке, сквозь большую дыру в свитере виднелась бледная кожа. От него исходил резкий запах леса, пота и костра. Не сводя глаз с Лелле, он опустил ружье:

— Какого черта тебя сюда занесло?

— Прошу прощения, — сказал Лелле. — Я не знал, что здесь кто-то живет. Я ищу свою дочь.

— Свою дочь? — сказал мужчина таким тоном, словно это слово было из другого языка.

— Да.

Лелле опустил левую руку, достал фотографию из внутреннего кармана куртки и показал ему:

— Это моя Лина, ей скоро должно исполниться двадцать. Она исчезла три года назад.

Незнакомец наклонился вперед и долго изучал снимок. Вытянутая рука Лелле дрожала. Он не сводил взгляда с ружья.

— Я не видел ее, — сказал мужчина в конце концов. — Она пропала где-то здесь?

— Она исчезла с автобусной остановки перед Глиммерстреском.

— Глиммерстреск находится далеко от нас.

— Я знаю, но поиски привели меня сюда.

Глаза мужчины заблестели в полумраке.

— Здесь ее нет. Можешь не сомневаться.

Лелле убрал фотографию Лины в карман. Слова незнакомца стали для него ударом, он почувствовал, как к глазам подступили слезы, и закашлялся, пытаясь взять себя в руки.

— Прошу прощения за мое вторжение... я не знал, что здесь кто-то живет, — повторил он, а потом протянул руку к двери, собираясь выйти наружу.

Он уже успел шагнуть за порог одной ногой, когда услышал хриплый голос за спиной:

— Не хочешь кофе?

Лелле сел на шаткий деревянный стул. Бородач отставил ружье и принялся готовить кофе черными от вьевшейся грязи руками. Окна были

завешены темным брезентом, но на столе стояла керосиновая лампа, освещающая сосновые стены тусклым светом. Мужчина явно был моложе, чем выглядел, Лелле понял это по его движениям и мышцам, игравшим под рваной тканью свитера.

— Извини, что я целился в тебя, — сказал мужчина. — Но ты меня напугал.

Лелле уже успел поднять свой пистолет с пола и на всякий случай положил его на расстоянии вытянутой руки от себя.

— Я правда не думал, что здесь кто-то есть... Могу я спросить, как тебя зовут?

— Патрик, — ответил мужчина после недолгого сомнения. — Но предпочитаю, чтобы меня называли Патте.

— Ты живешь здесь?

— Иногда. Когда мои дороги мимо проходят.

— Сюда не так много дорог ведет...

Патте улыбнулся, в полумраке блеснули зубы. Он налил кофе в пластиковые кружки и протянул одну из них Лелле. Напиток получился густым, как деготь, но пах божественно в затхлом помещении.

— Как ты здесь оказался? — спросил Патте.

— Случайно. Я уже три года катаюсь по Серебряной дороге... проверяю каждое ответвление от нее.

— Пытаюсь отыскать дочь?

Лелле кивнул.

— Полиция тебе помогает?

Прежде чем ответить, Лелле достал пачку сигарет, сунул одну в рот и протянул пачку Патте:

— От полицейских мало толку.

Патте кивнул, соглашаясь. Они закурили и какое-то время молчали. Лелле заметил, как глубоко мужчина втягивает дым в легкие, словно это был гашиш. Крылья носа дергались, но, похоже, общество Лелле его не напрягало.

— А чем ты здесь занимаешься? — спросил Лелле.

Патте внимательно посмотрел на него сквозь клубы дыма:

— Ну... я тоже ищу кое-кого.

— И кого именно?

Патте поднялся и исчез в соседней комнате, ружье он с собой не взял. Вернулся с прилично заляпанной фотографией и протянул ее Лелле. На ней был молодой солдат с постриженными ежиком волосами, в форме песочного цвета и с автоматом на груди; позади него — грязно-серое

здание с разбитыми стеклами, на стенах — следы от пуль.

— Так я выглядел, пока война не уничтожила меня.

Лелле посмотрел внимательнее, сравнивая стоявшего перед ним бородатого мужика с гладко выбритым юнцом на снимке. Он не нашел ничего общего, пожалуй, за исключением глаз.

— Война? Какая война?

— Афганистан. — Патте скривился.

— Ты был миротворцем ООН?

Мужчина кивнул.

— Ничего себе...

Лелле откинулся на спинку стула и процедил кофейную гущу между зубами. Брезент окаймляла полоска солнечного света, и он мог слышать птичье пение снаружи. Да уж, в мире еще хватает горя и бед...

Патте достал охотничий нож и принялся чистить ногти. Затем, прищурившись, посмотрел на Лелле:

— У тебя нет желания спросить, убил ли я кого-то там?

— Шведские солдаты ООН обычно ведь не участвуют в военных действиях?

Патте рассмеялся хрипло, но потом быстро закашлялся.

— Это так думают. Истина гораздо мрачнее на самом деле.

Он поднял вверх семь пальцев. Его ладони были обожжены, и с них слезала кожа.

— Я убил семь человек. И видел, как другие умирали. — Мужчина ударил себя рукояткой ножа по лбу. — Я никогда не перестану слышать их крики. Эти крики мучают меня постоянно.

Лелле расстегнул воротник рубашки. Ему стало душно.

— Звучит ужасно...

— Хуже всего, если не умирают сразу. Если у них оторваны конечности, но они еще живы. Тогда надо подойти и добить с близкого расстояния. Глаза в глаза. И ты видишь все прямо перед собой. Как в глазах гаснет огонь. Жизнь убегает. — Он показал кончиком ножа на Лелле: — Каждое убийство проникает под кожу, разрушает тебя изнутри. Никто не предупреждал нас ни о чем таком до того, как мы приехали туда. Никто не объяснял, что происходит с тобой, когда ты хоть однажды познакомишься со смертью, встретишься с ней взглядом. Как это цепляет, как становится частью тебя...

— Ты остался бы дома, если бы знал?

Патте потупил взор. Кожа на его лице жила своей собственной жизнью, дергалась и шла пятнами.

— Я любопытен до ужаса, — ответил он в конце концов. — Нам всем приходится знакомиться со смертью рано или поздно. Нельзя закрывать на нее глаза.

Лелле отодвинул кружку в сторону. Из-за духоты в комнате на него навалилась усталость. Он не мог разговаривать о смерти, а о войне особенно, когда над ним довлело собственное горе. Ноги побаливали, когда он поднялся.

— Спасибо за кофе, но сейчас мне пора идти.

— Здесь в лесах хватает таких, как я. Потерявших себя людей, не способных больше жить в нормальном мире. Твоя дочь, пожалуй, одна из нас. Может, она просто взяла паузу?

— Лине нравится наш мир.

— По-твоему, кто-то причинил ей зло?

— Она никогда не покинула бы нас по собственной воле. Я знаю это.

Мужчина проводил Лелле до входной двери, словно действительно не хотел отпускать его.

— Я буду иметь в виду твою дочь.

— Спасибо. За это я тебе очень благодарен.

— По моему опыту, прежде всего следует остерегаться улыбающихся людей.

— О чем ты?

— Я о тех, кто скалится без причины, обнажает зубы с целью расположить к себе. Именно в них прячется зло.

— Хорошо, я запомню это.

Лелле распахнул дверь, и Патте поднял руку, чтобы защитить глаза от яркого солнца.

— Я помогу тебе с поисками, — сказал он, — но я не в восторге от этого света.

— Понимаю. Он забирает силы.

Они обменялись рукопожатиями, но не произнесли больше ни слова. Прежде чем дверь закрылась, посмотрели друга на друга, как два человека, между которыми сложилось полное взаимопонимание. Разделявшее две усадьбы озеро выглядело черным, как лужа от масла. Лелле поспешил назад к машине. Его одолевало страстное желание убраться отсюда как можно скорее.

В выходные они нажрались вдвоем. У Торбьёрна покраснело лицо и развязался язык, он трещал о закрытой шахте, где его карьера закончилась крахом. Силье приготовила свиные котлеты и картофельную запеканку; стол сервировала тонким фарфором матери Торбьёрна. Он уплетал котлеты за обе щеки, а Силье просто сидела в торце стола и курила одну сигарету за другой. У нее появились черные круги под глазами, она пожаловалась, что потеряла аппетит из-за того, что здесь слишком жарко. У нее всегда находились оправдания. При взгляде на худые плечи матери Мея подумала о только что вылупившихся птенцах. Лямки бюстгальтера сваливались на руки.

— Тебе надо есть. Ты выглядишь как скелет.

— Не все такие прожорливые, как ты, Мея.

Правда колола матери глаза. Потеря аппетита стала для нее относительно новым явлением. Сначала она винила во всем таблетки — якобы из-за них ничего не лезло в горло. Но с таблетками было покончено. И она еще больше разозлилась, когда Мея заметила, что нельзя питаться одним красным вином.

Мея поднялась к себе. Лежала на узкой койке и смотрела на потолок, в ту точку, где сходились балки. Там болталась прозрачная паутина с засохшими комарами и мухами. Вот ведь, попались в сплетенную кем-то сеть... Пусть это были всего лишь мерзкие букашки, у нее защипало в глазах.

Скоро она услышала пыхтение матери этажом ниже, сначала тихое, потом звуки стали громче. Торбьёрн рычал, кровать скрипела. Могло показаться, что он убивал Силье. Мея зажала уши ладонями и перевела взгляд на верхушки сосен за окном.

Внезапно в памяти всплыли голоса, издевавшиеся над ней.

«Правда, что твоя мать дает за деньги?»

«Ты конечно же знаешь, что это означает?»

Мобильный телефон лежал на тумбочке. Никто не звонил ей с тех пор, как она села в поезд, идущий в Норрланд. Никто в городе, который она совсем недавно покинула, не скучал по ней, никого не интересовало, куда она подевалась. Пусть именно она снабжала «друзей» сигаретами и таблетками по выходным. Вот «колес» им, пожалуй, сейчас точно не хватает.

Мея уже видела сны, когда услышала подозрительный звук. Села в кровати и посмотрела на спинку стула, который подставила под дверную ручку, чтобы никто не смог зайти, пока она спит. Торбьёрн не вызывал у

нее особых опасений, но она все равно решила забаррикадироваться на ночь.

Когда звук повторился, до нее дошло, что исходил он от окна. Она спряталась за занавеской и посмотрела наружу, в светлую ночь. Ее взгляд упал на тень, двигавшуюся рядом с террасой. Собака вскочила, зазвенев цепью, и она увидела, как какой-то мужчина, наклонившись, погладил и почесал ее. Когда он повернулся, она узнала Карла-Юхана.

Мея распахнула окно и перегнулась через подоконник:

— Что ты тут делаешь?

— Я решил искупаться в озере. Ты со мной?

— Сейчас? — прошептала она. — Среди ночи?

— После смерти отоспишься.

Она повернула голову в сторону двери и прислушалась, пытаясь определить, чем заняты Торбьёрн и Силье, но в старом доме царил тишина. Если верить мобильному телефону, было два часа.

— Дай мне десять минут и постарайся, чтобы никто тебя не увидел! — улыбнулась она Карлу-Юхану.

Почистила зубы и побрызгала дезодорантом под мышками. Не стала ничего делать с волосами, просто расчесала их и слегка подкрасила губы. На большее у нее не хватило времени. По старой привычке сунула пачку сигарет в карман джинсов, но потом передумала. Карл-Юхан явно не любит курящих девушек. Торопливым движением бросила пачку в ящик и засыпала всяким хламом, чтобы не бросалась в глаза.

Теперь была задача как можно тише спуститься по лестнице. Мея старательно перешагнула третью ступеньку снизу, обычно реагиовавшую громким скрипом, когда на нее кто-то наступал. На диване сидя спал Торбьёрн, под странным углом наклонив голову. Он был голый, из-под выпиравшего вперед живота выглядывал сморщенный пенис. Мея отвернулась и продолжила путь к входной двери. Из примыкавшей к прихожей ванной доносились булькающие звуки, от которых стало не по себе. Силье напилась, наелась таблеток и теперь блевала. В этом не было ничего необычного, но все равно беспокоило — кто ж знает, к чему это приведет? Мея довольно долго стояла, положив руку на дверь, колебалась. Но потом подозрительные звуки прекратились, и она выбежала из дома.

Туман расползлся из леса по сторонам, накрывая белым покрывалом поляну. Карл-Юхан прятался в тени, от него пахло хлебом и животными, когда он по-дружески обнял ее.

— Где твои братья?

— Дома остались.

Парень взял Мею за руку, крепко оплел ее пальцы своими и повел между соснами. Собака печально заскулила им вслед. Мокрая трава хлестала по ногам, роса оставляла темные полосы на джинсах. Тропинка вся утопала в тумане. Мея посмотрела на шею своего спутника, на то место, где завивались волосы, и почувствовала странное жжение в районе солнечного сплетения, как будто что-то проснулось внутри. Это было новое, незнакомое для нее ощущение.

Туман парил над озером, обволакивал ели. Карл-Юхан привел Мею к кострищу и захопотал, чтобы развести огонь. Принес дрова, поставил их домиком, потом достал зажигалку из кармана и запалил сухие мелкие ветки. Осторожно подул, чтобы пламя лучше разгорелось, и скоро оранжевые языки жадно пожирали построенную им конструкцию, вздымаясь к небу.

В свете костра лицо Карла-Юхана похорошело, ожило, приобрело новые черты. Мея почувствовала, как все ее тело напряглось, когда парень встал рядом с ней. От волнения она ужасно захотела курить, не зная, куда девать руки, вытянула их к огню. Придумывала, что сказать. Слышала, как вода плещется о камни.

— Расскажи о себе, — попросил Карл-Юхан внезапно.

— Что именно?

— Тайну, такое, о чем ты не говорила никому другому.

Мея скосилась него. В глазах парня танцевали языки пламени. Она колебалась, ей казалось, что плеск воды звучит как издевательский смех. Наконец она решилась:

— В первый раз я напилась пьяной, когда мне было пять лет.

— Ты шутишь?

— Нет. Силье обычно называла свое вино соком для взрослых. Я ныла и просила дать и мне, но она говорила, что это только для больших. Дети якобы умирают, если выпьют хоть каплю. — Мея тихо фыркнула. — Это подогрело мое любопытство, и однажды вечером, когда она заснула на диване, я решила попробовать. И мне вино, наверное, понравилось, поскольку на следующее утро я проснулась в больнице. Они промыли мне желудок. Я чуть не умерла.

Карл-Юхан выглядел ошарашенным.

— И тебе было только пять лет...

— Согласно медицинской карте. Если верить Силье, я была старше. Но она все помнит так, как ей хочется.

Пламя качнулось в ее сторону, и Мея отвернулась от костра. Пожалела о том, что сейчас рассказала. Едва ли такой тайны он ждал. От стыда у нее

ком застрял в горле, и она попыталась сглотнуть его.

Карл-Юхан обнял ее и притянул к себе. Прижался щекой к ее лбу:

— Я рад, что ты осталась жива, ведь я смог познакомиться с тобой.

Его подбородок царапал кожу. Мею охватил восторг.

Она чувствовала, как вибрирует его грудная клетка, когда он продолжил:

— Ты хочешь услышать одну из моих тайн?

Она кивнула.

— Пообещай не смеяться.

— Обещаю.

— Я никогда не был пьян за всю мою жизнь. Никогда не пил спиртного. Ни единой капли.

— Ого, это правда?

— На сто процентов.

Мея подняла голову и посмотрела на него.

— Ты считаешь меня сосунком?

— По-моему, это круто — идти собственной дорогой.

Солнце начало подниматься над лесом и било по глазам, но она увидела, что он улыбается.

* * *

Лелле снял пробку с бутылки «Лапройга», поднес горлышко к носу и вдохнул пары виски. Пазухи опалил резкий запах костра и соленого моря. От жажды запершило в глотке. Ему нестерпимо захотелось затуманить голову алкоголем, утопить в нем тяжелые мысли, просто поспать несколько часов. Упасть на диван и отключиться полностью... Внезапно это стало пределом мечтаний. Но солнце с укоризной смотрело на него сквозь жалюзи, а Лина стояла на пороге. Маленькая Лина, в пижаме и с растрепанными после сна волосами, с одноглазым медвежонком под мышкой. Его малышка никогда не увидит своего папу пьяным. Так он пообещал ей, когда она родилась. Он пообещал, что у нее будет отличное детство.

Пальцы плохо слушались, когда Лелле возвращал пробку на место. Все тело дрожало, когда он направился в прихожую, — слишком уж явно прошлое напомнило о себе.

Снаружи лето по-настоящему вступало в свои права, вернувшись

после долгого отсутствия вместе с буйством красок, пением птиц и шелестом листьев, дразнило запахами цветов и свежескошенной травы. Раньше он и представить не мог, что когда-нибудь будет ненавидеть самое прекрасное время года. Но теперь лето напоминало ему о том счастье, которое он потерял.

Лелле сел в машину и закурил, не открывая окон. Он старался не смотреть в сторону соседей, хотя вроде и научился спокойно относиться к идиллии, царившей у других. У Стургатан он повернул налево, к центру деревни. Голова заныла немного, и ему снова захотелось хоть глоток спиртного. Чтобы успокоить нервы.

За случившимся с Линой мог стоять кто-то из близкого окружения. Во всяком случае, если верить статистике, ее Лелле внимательно изучил. Если кто-то причинил Лине зло, то, скорее всего, человек, которого она хорошо знала. Пожалуй, даже любила. Ее парень.

По сторонам узкой дороги, подобно почетному караулу, в две шеренги выстроились тонкие березки. Впереди на зеленом холме возвышалась усадьба Вестерботтен. Покрашенные красной краской стены, казалось, пылали на солнце, а окна превратились в слепящие зеркала. Лелле припарковался в конце аллеи, загасил сигарету и быстро закурил новую. Опустил стекло, но остался сидеть в машине. Мотор не стал глушить на случай, если им придет в голову наброситься на него. Такое уже случалось прежде.

Достал бинокль из бардачка и направил его на фасад, но из-за солнца не мог заглянуть внутрь. У стены стояли сложенные белые садовые стулья, в больших глиняных горшках виднелись свежепосаженные цветы. Вроде бы не к чему придраться, но он все равно почувствовал, как начинает закипать злоба. Кое-кому не составило труда и дальше радоваться жизни, делать вид, будто ничего не произошло.

Внезапно дверь распахнулась, он услышал вопль и увидел на лестнице высокого и худого парня в футболке, под которой выпирали ребра. Парень взял курс на Лелле, подходил все ближе, двигаясь неровной походкой; он был похож на теленка, шатающегося среди травы. В правой руке блестела банка дешевого пива.

Лелле ощутил горечь желчи во рту. Он отпустил руль. Пальцы сжались в кулак.

Парень остановился в десяти метрах от него и развел руки в стороны, как бы предлагая выяснить отношения. При этом его ноги заплелись, но он сумел устоять и какое-то время тарачился на Лелле из-под тяжелых век. Уголки его рта опустились, казалось, он хотел крикнуть что-то, но вместо

этого поднял свободную руку перед собой и, сложив пальцы в форме пистолета, направил на Лелле. Прищурился одним глазом, изобразил, что прицеливается, а потом, якобы выстрелив, поднес указательный палец ко рту и подул, не спуская с Лелле сонного взгляда.

Лелле скосился на бардачок, где лежала «беретта», представил, как достает ее и отвечает настоящим выстрелом на глупую имитацию. Одна пуля прямо в лоб, и все бы закончилось. Но он услышал протестующие крики Лины рядом с собой и нажал на педаль. Машина рванулась назад так, что гравий полетел из-под колес; потом он развернулся и помчался между березок, а пьяный парень остался позади в облаке пыли.

— *Микаэль никогда не сделал бы мне ничего плохого, папа.*

— *Ты же сама видишь, как он себя ведет.*

— *Он просто злится, поскольку ты не перестаешь подозревать его. Кому, как не тебе, знать, каково это.*

До своего исчезновения Лина год встречалась с Микаэлем Варгом. Его родители пользовались всеобщим уважением, принимали участие в работе местных общественных организаций, были членами охотничьего клуба и щедро инвестировали деньги во всяческие проекты, которые обещали сделать жизнь в поселке не такой сонной. Однако их сын оказался избалованным негодяем, терроризировавшим соседей с юных лет. Он начинал с невинных шалостей, но постепенно его проступки становились все более серьезными. Например, он садился за руль, не имея прав, и опускался до банальных краж. И все равно Анетт обожала его весь год, пока он встречался с Линой. Микаэль Варг обладал даром красноречия и к тому же был наследником прекрасных земель. О таком зяте можно только мечтать. Его выходки Анетт списывала на юношескую глупость и считала, что с годами это пройдет.

Полиция допросила Микаэля после исчезновения Лины. Тот клялся, что спал дома в то утро, когда Лина собиралась уехать, и родители, естественно, подтвердили его слова. Такого алиби хватило для полиции, и у них не нашлось ничего, чтобы копать дальше. Никаких признаков преступления. И прежде всего нет тела.

Но этого было мало для Лелле. Он решил присматривать за Микаэлем, пока не вернет свою дочь, и несколько раз в неделю ездил по чертовой березовой аллее с единственной целью показать парню, что он по-прежнему наблюдает за ним, даже если все прочие обратили взоры в другую сторону. Плевать, что там думает про него семейство Варгов, — Лелле это несколько не волновало. Добрососедство ничего не значило для него — его интересовала только истина.

На следующую ночь они забрали ее на машине. Мея лежала одетая и ждала, когда стукнет камешек в окно. В гостиной мерцал телевизор, но дверь в комнату Торбьёрна и Силье была закрыта, храп Торбьёрна эхом отдавался от стен.

Ночь была сырой, и Карл-Юхан прятался, сидя на корточках за старым автомобилем Торбьёрна. Однако Мея сразу заметила его и испытала уже знакомое волнение. Он взял ее за руку и сказал:

— Братец ждет нас за холмом.

Конечно, ее разочаровало, что он пришел не один, но она из всех сил постаралась не показать этого.

Вместо того чтобы по тропинке направиться к озеру, они побежали по проселку, который вел к деревне. Рядом с канавой стоял красный «Вольво-240» с включенными противотуманными фарами, за рулем сидел Ёран. Он натянул капюшон на голову, чтобы спрятать прыщавые щеки, а когда Мея села на заднее сиденье, ухмыльнулся:

— Тебе лучше пристегнуться, я лихой водитель.

Он развернулся так резко, что у нее все перевернулось в желудке, и она была вынуждена схватиться за переднее сиденье, чтобы не завалиться на бок. Карл-Юхан повернулся к ней.

— Чем ты занималась сегодня? — спросил он.

— Ничем. Пыталась не умереть от скуки.

— От скуки? — Он улыбнулся. — Ну, от скуки мы тебя избавим.

Они проехали через деревню, там царили тишина и покой, а когда оказались на асфальтированной дороге, она почувствовала, как Ёран увеличил скорость, хотя держался за руль двумя пальцами.

Мея откинулась на спинку потертого сиденья, смотрела, как мимо скользят сосны, и даже не спросила, куда они, собственно, держат путь. Ее просто радовало, что она едет куда-то. Подальше от Силье.

— А чем вы занимались сегодня? — спросила она.

— Работали, — ответили братья хором.

— И что конкретно делали?

— Всего понемногу, — ответил Карл-Юхан. — Все касающееся животных и земли.

— Значит, вы крестьяне?

Они рассмеялись.

Мея наклонилась вперед между сиденьями и глазела на пустынную дорогу. Навстречу им не попало ни одного автомобиля, изредка они проезжали деревеньки, где не было видно ни души. Казалось, они были последними, кто выжил в этом мире. Если бы не присутствие Карла-Юхана, Мея бы испугалась. Но он барабанил ладонями по джинсам, и, даже не видя его лица, она знала, что он улыбается.

Первая встретившаяся им машина оказалась полицейским автомобилем, стоявшим на площадке для отдыха. Мея почувствовала, как Ёран сбросил газ.

— Черт, черт, черт!

— Успокойся, — сказал Карл-Юхан. — Он сидит там и спит.

Ёран все еще ругался, когда полицейский автомобиль остался позади. Мея обернулась, чтобы разглядеть, кто же сидит в нем, но стекла бликовали. Когда стало ясно, что их никто не собирается преследовать, Ёран ударил кулаком по приборной панели и издал победный крик.

— Что делает полиция в таком захолустье? — спросила Мея, пожав плечами.

— Интересный вопрос, — засмеялся Ёран. — Коррупцированные дьяволы, что им тут делать?

Карл-Юхан повернулся и подмигнул:

— Пожалуй, мне следует просветить тебя, что ни у кого из нас нет прав, поэтому встречи с полицией всегда немного волнительны для нас.

— Нет прав? — удивилась Мея. — А почему?

Ёран опустил капюшон, обнажив покрытые угрями щеки, и повернул зеркало заднего вида так, чтобы видеть ее лицо.

— Я вожу машину половину жизни, — буркнул он. — Почему я должен платить кучу денег государству, чтобы оно позволило мне делать это?

— У нас никогда не было машины, — вздохнула Мея.

Они приближались к какому-то городку. Широкая река разделяла его надвое. Внизу, в ложбине, виднелись коньки крыш, бросилась в глаза красная кирпичная колокольня. Ёран сбавил скорость, но все равно чуть не задавил перебегавшую дорогу кошку. Мея не стала спрашивать, где они, это не играло никакой роли. Какая-то часть ее надеялась, что ей не придется возвращаться назад.

Ёран свернул на заправку и припарковался у колонки. Карл-Юхан спросил, не хочет ли она мороженого, а когда они вылезли из машины, приобнял ее за талию. В скупо освещенном магазинчике не было ни души,

за исключением молодой и красивой черноволосой продавщицы с толстой косой, покоившейся на плече. Ёран снова натянул капюшон на голову и расчесал пятерней волосы на лбу. Они выбрали себе мороженое, и он предложил заплатить за всех. Мея слышала, как брат Карла-Юхана что-то сказал стоявшей за кассой девице, та улыбнулась ему, но явно не слишком искренне.

Когда они вернулись к машине, Карл-Юхан сел на заднее сиденье с Меей. Он наклонился вперед и похлопал брата по плечу:

— Как все прошло? Ты попросил ее номер?

— Нет.

— Чего ты ждешь?

— Она не захочет дать мне свой телефон.

— Откуда тебе знать, если ты так и не спросил?

Ёран сунул мороженое в рот и, повернув ключ зажигания, запустил мотор.

— Я же вижу, — ответил он. — О девицах вроде нее я могу забыть.

Всю дорогу назад Карл-Юхан обнимал Мею. Она закрыла глаза и задремала. На переднем сиденье Ёран за все это время не проронил ни звука из-под своего капюшона.

* * *

Лелле припарковался около Мараклеппена. Убедившись, что никого рядом нет, вылез из машины. Подошел к бездонной пропасти и встал так близко к краю, что по спине пробежал холодок. Из-под ног посыпался песок. Если верить преданиям, с этого места когда-то сбрасывали в пропасть старых и немощных, тех, кто уже больше не мог вносить свой вклад в общее дело.

Он закурил и сделал еще полшага вперед. Ему нравилось ощущение опасности: лучший способ убедиться, что кровь по-прежнему бежит по сосудам. Это было важно, потому что в последнее время он чувствовал себя скорее мертвым, чем живым. Иногда его посещала мысль прыгнуть вниз, но он знал, что не сделает этого. У него другая задача — выяснить судьбу Лины.

Позади припарковался автомобиль, дверь открылась, и к вырвавшемуся наружу треску помех, характерному для полицейской рации, добавился шум тяжелых шагов по песку. Не оборачиваясь, Лелле поднял

руку в знак приветствия. Он уже догадался, кто находился у него за спиной.

— Черт, Лелле, обязательно стоять так близко к краю?

Он повернул голову и посмотрел на полицейского:

— У тебя есть возможность избавиться от меня. Один толчок, и я стану не более чем дурным воспоминанием.

— Такая мысль действительно приходила мне в голову, честно скажу, — засмеялся полицейский.

Его звали Хассан, и он был другом Лелле, пусть и работал участковым инспектором. Они сблизились на почве исчезновения Лины.

Инспектор остановился в нескольких метрах от края и, глядя вдаль, положил руки на ремень. Лелле выбросил сигарету и тоже поднял взгляд. По ту сторону пропасти раскинулся черный лес. Здесь и там виднелись пятна водоемов и вырубок. На холме, напоминая о том, что человек доберется куда угодно, стояло несколько ветряков.

— Вот и снова лето наступило, — сказал Хассан.

— Да, черт побери.

— Чем ты тут занимаешься среди ночи?

— Ищу Лину.

— Тебе же известно мое мнение об этом.

Лелле улыбнулся и похлопал Хассана по плечу. Темная ткань униформы была теплой.

— При всем уважении мне глубоко наплевать, что ты думаешь на сей счет.

Хассан ухмыльнулся и причесал пальцами кучеряшки. При своих широких плечах он выглядел довольно внушительно. Лелле чувствовал себя доходягой по сравнению с ним.

— Насколько я понимаю, у вас нет ничего нового?

— Пока нет, но мы надеемся на трехлетие, может, кто-то осмелится излить душу.

Лелле посмотрел на блестящие ботинки Хассана, затем на свои, испачканные в грязи.

— Анетт организовала факельное шествие через всю деревню.

— Я слышал об этом. Хорошее дело. Мы меньше всего хотим, чтобы люди забыли.

— Меньше всего меня волнуют люди.

Солнце спряталось за тучами, и сразу похолодало.

— Кстати о людях, — сказал Хассан. — Ты помнишь Торбьёрна Форса?

— Того, который должен был ехать в одном автобусе с Линой в то

утро? Как я мог бы забыть этого черта?

— Я видел его в торговом центре на днях. С женщиной.

Лелле закашлялся. Он постучал себе кулаком по груди и, прищурившись, недоверчиво уставился на Хассана:

— Неужели Торбьёрн нашел себе подругу после стольких лет? Трудно поверить.

— Я просто рассказываю то, что видел.

— Только не говори, что он импортировал какую-то бедняжку из Таиланда.

— Она с юга. Молодая, значительно моложе его. Правда, выглядит слегка изможденной, но ей наверняка не больше сорока.

— Ничего себе. Как старому лису так повезло?

— Понятия не имею. И она не одна.

— Что ты имеешь в виду?

Хассан сжал челюсти.

— Она привезла дочь с собой. Довольно взрослую девушку.

— Ты шутишь?

— Хотел бы я, чтобы это было так.

* * *

Из-за хриплого голоса человек, который не видел, а только слышал Силье, решил бы, что она очень старая или серьезно больна. Мея смотрела на мать прищурившись, когда та наливала вино дрожащей рукой. Явно не первый бокал, судя по тяжелым векам и заплетавшемуся языку. Даже если Торбьёрн заметил это, он ничего не сказал, во всяком случае, в присутствии Меи. Он только посмотрел на нее своими добрыми глазами и спросил:

— Ты много болтаешься где-то, Мея. Тебе удалось познакомиться с кем-то из деревенских?

Силье вытянула руку и погладила ее по голове:

— Мея ужасно независимая, у нее не бывает много друзей.

— Да так, познакомилась кое с кем. С одним парнем.

Силье медленно повернула голову. Ее затуманенные глаза заблестели от любопытства.

— Вот как! И кто он?

— Его зовут Карл-Юхан. Мы случайно встретились на озере.

— Карл-Юхан, его действительно так зовут?

Мея сделала вид, что не услышала вопрос. Она смотрела на Торбьёрна, который сунул указательный палец за губу, выловил оттуда снюс и отправил в выскобленную тарелку.

— Его имя мне ничего не говорит, — сказал он. — Откуда этот парень?

— Из Свартшё.

— Из Свартшё!

Желто-коричневая слюна дождем окропила фарфор.

— Ты шутишь? Неужели один из парней Биргера Брандта?

Мея почувствовала, как у нее похолодело в груди.

— Ну да.

Торбьёрн довольно долго молчал, прежде чем выдать:

— Наверное, не мне судить, поскольку люди считают меня деревенским дурачком. Но Биргер и его жена настоящие оригиналы.

— Почему это?

Из легких Торбьёрна вырвался звук, похожий на тихий свист.

— Они создали некое подобие коммуны у себя. Хиппи не хиппи... Живут, как в девятнадцатом веке. Им, похоже, не по нраву современные технологии. Биргер не хотел, чтобы его сыновья ходили в обычную школу, и разразился ужасный скандал, насколько мне помнится. Он решил учить их дома, но муниципалитет был против.

— Они верующие? — спросила Силье.

— Черт его знает, но меня бы это не удивило.

Силье допила остатки вина и показала пустым бокалом на Мею:

— Ты не могла бы пригласить его к нам, чтобы мы могли на него поглядеть?

— Об этом можешь забыть.

— Ну же, пригласи его.

Мея повернула взгляд в сторону леса, где солнечный свет упрямо боролся с тенью. В воздухе в едином хороводе кружились тучи семян от одуванчиков и полчища комаров. Со своего места она могла видеть поляну, где они стояли на рассвете, после того как Ёран высадил их. И ей показалось, что головокружительное ощущение, возникшее, когда их губы встретились, вернулось.

Теперь Лелле направился по Серебряной дороге в южном направлении. Пока солнце пряталось за лесом, успел миновать Йерн и Болиден. Он особо не гнал и предусмотрительно сбрасывал скорость задолго до того, как видел камеры контроля. В Шеллефтео остановился заправиться и купил сигареты у ночной продавщицы, оторвав ее от телефона. В магазинчик заскочил водитель фуры в бейсболке с длинным козырьком, налил себе две большие чашки кофе из автомата. За окном магазинчика царили мягкие сумерки, окрашивая все вокруг голубым цветом, и Лелле подумал о море. Он сел в машину, закурил и попытался направить мысли в другом направлении, но, когда завел мотор, уже знал, что на перекрестке руки сами повернут руль налево, навстречу воспоминаниям.

Неловко стряхивая пепел за окно, он проезжал погруженные в сон усадьбы, загоны для скота, черные ленты лесов. Чувствовал, как постепенно воздух становится все солонее, и наконец увидел море. Солнце начало пробиваться сквозь тучи, небо просветлело. Лелле припарковался, вышел и вдоль заросшего кустами каменистого берега направился к тому месту, где когда-то стоял его дом. Сейчас от него и досочки не осталось, но ему все же удалось различить контуры фундамента под травой. Он стоял какое-то время и курил, чувствуя, как становится все труднее дышать и как сердце неистово бьется в груди.

В этом доме он провел свое детство. Здесь его отец умер от пьянства, и он часто сидел вечерами в одиночестве, пока мама работала. Ему было семь-восемь лет, когда он начал допивать из горлышка капли, остававшиеся после отца. Он быстро научился различать крепкие и слабые алкогольные напитки по одному только запаху, потом попробовал и самогон, и водку. Лет в десять впервые напился пьяным. На следующее утро проснулся и обнаружил блевотину рядом с кроватью, но не помнил, как его рвало. Мать конечно же замечала, что от него все чаще пахнет спиртным, но так ничего не сказала ни ему, ни отцу — отец тогда еще был жив. На алкоголь не следовало обращать внимание, это было главное правило, действовавшее в их семье.

Лина никогда не видела, как он пил, и слава богу. Эту часть своей жизни он похоронил здесь, у моря. Она никогда не видела дом, где он рос, и никогда не встречалась с бабушкой. Лелле солгал, что его мать умерла, а то, что отца давно уже нет, это было правдой. Став старше, Лина, естественно, стала задавать вопросы о его детстве, о родителях, но он всегда старался уйти от ответа, пообещав себе, что уж его-то ребенок никогда не будет без должного внимания из-за того, что взрослые увлекаются алкоголем... Он

покаялся себе в этом, но все равно потерпел крах. Остался у разбитого корыта.

Лелле спустился к берегу, который когда-то считал своим, нашел плоский голыш и пустил его прыгать по волнам с такой силой, словно был зол на море, словно оно было причиной всех его бед. Запах соли вызывал у него тошноту, и, чтобы избавиться от него, он потом еще долго сидел и курил в машине. Ему снова ужасно захотелось выпить, но он прогнал эту мысль, развернулся и поехал назад.

Он уже почти добрался до дома, когда внезапно как из ведра хлынул дождь. Пришлось остановиться, поскольку дворники не справлялись с потоками воды. Курил и слушал, как ливень барабанит по крыше.

На Лине были синие джинсы и белая футболка с длинными рукавами в тот день, когда она исчезла. То есть ничего, что могло бы защитить от непогоды. В первые дни после ее исчезновения он сильно беспокоился, что лето еще только начиналось, а у нее нет нормальной одежды, что она замерзнет или промокнет или что ее искусают комары. Об угрозе со стороны людей он и думать не хотел.

Позади него на площадке для отдыха остановилась машина. Он видел свет противотуманных фар, пробивавший стену дождя, но не мог рассмотреть водителя. Непогода неистовствовала, ветер прижимал ели к оградительной сетке, тянувшейся по обеим сторонам от дороги.

«Хорошо еще, что я сижу в железной банке», — подумал Лелле с благодарностью, и в этот момент по окну постучали. Он вздрогнул от неожиданности и выронил сигарету; упав, она прожгла еще одну дырку в коврик. Запах жженой пластмассы наполнил салон.

Лицо стучавшего закрывал капюшон; опустив стекло, Лелле увидел, что это пожилой мужчина со впалыми щеками.

— Я не собирался тебя напугать, — сказал незнакомец. — Мне просто хотелось узнать, нельзя ли одолжить твой телефон на минутку? У моего сдох аккумулятор. — Серые пряди прилипли ко лбу, ручейки воды стекали по бровям и дальше вдоль носа.

Лелле скосился на свой лежавший в держателе для термоса мобильник.

— Ты можешь сесть ко мне и разговаривать, — сказал он и кивнул на пассажирское сиденье. — Я не хочу, чтобы мой телефон промок.

Мужчина быстро обошел автомобиль и проскользнул в салон. С его одежды капала вода, над ним закрубилось облачко пара.

Лелле вылез наружу, пока мужчина набирал номер. Ноги затекли от долгого сидения, и он решил пройтись немного, чтобы размяться. Обошел

чужой «вольво» и, прищурившись, как бы ненароком заглянул внутрь. Мужчина оставил дворники включенными, и они метались из стороны в сторону по мокрому стеклу. В салоне горел свет, и Лелле смог разглядеть чашку с кофе в держателе. На застеленном черным брезентом заднем сиденье валялся всякий хлам: обертки от конфет, рыболовная леска, пустые пивные банки, ножовка, моток изоленты... На переднем сиденье лежало что-то белое. Футболка? Сквозь конденсат, осевший на стекле, он рассмотрел контуры лица своей дочери. Ниже была надпись: «Ты видел меня? Позвони 112». Да, точно... Одна из футболок, которые все эти годы заказывал и раздавала Анетт.

Кто этот мужчина? Он едет из Глиммерстреска?

Голова гудела от волнения, когда он вернулся к своей машине. Незнакомец вышел и протянул ему телефон:

— Спасибо за помощь. Извини, что так получилось. Я не хотел выгонять тебя на улицу в такую дождину.

— Да ладно, — кивнул Лелле. — Мне все равно требовалось размяться.

У мужчины не хватало одного зуба спереди, и, когда он улыбался, язык выглядывал через брешь.

— Ну и погодка, — сказал он. — Пришлось позвонить моей старухе, сообщить, где я. Иначе она бы сошла с ума.

— Твой дом далеко отсюда?

— Я живу в Хедберге... неблизко.

— Тебе надо ехать осторожно. — Лелле вытер лицо рукавом куртки.

— Тебе тоже.

Мужчина потрусил к своей машине. Проводив его взглядом, Лелле достал пистолет из бардачка и вбил в мобильник регистрационный номер автомобиля незнакомца вместе с описанием его внешности.

Мужчина, 50–60, 175–180, нормального телосложения, не хватает переднего зуба. Хедберг.

Автомобильные часы показывали 04:30. Неужели жена щербатого господина в такое время не спит? Лелле это показалось маловероятным. «Вольво» на площадке все еще стоял, и свет в салоне горел. Через зеркало Лелле увидел, что мужчина спокойно откинулся на спинку сиденья. Расстояние не позволяло рассмотреть, открыты у него глаза или нет. Похоже, не торопится... Или выжидает, пока он уедет?

Лелле снова взялся за мобильник. Хассан ответил на втором сигнале, несмотря на ранний час:

— Что опять?

— У меня есть регистрационный номер машины, которую ты должен проверить.

* * *

Торбьёрн настоял, что он приготовит для нее завтрак. Как только Мея спустилась из своей комнаты, его лицо озарила улыбка. Он предложил ей сесть за обшарпанный кухонный стол, а сам, включив радио, встал к плите. Он пытался заставить Силье составить им компанию, но в итоге сдался. Она не любила подниматься рано. Мея не помнила, чтобы они с матерью когда-либо завтракали вместе.

Торбьёрн сварил кофе в медной турке и выложил на стол больше еды, чем они могли съесть вдвоем: простоквашу, овсяные хлопья, яйца всмятку, батон, два сорта сыра, ветчину и какое-то темное мясо, которое Мея сначала проигнорировала, несмотря на все увещевания.

— Ты должна попробовать, девочка! Это копченая оленина, таких замечательных вещей у вас на юге нет.

В конце концов она уступила, отрезала себе кусочек и положила на язык. Постаралась не думать о том, что ест. Солёный, резкий и незнакомый вкус распространился во рту. Чтобы не обижать Торбьёрна, она сделала восторженную мину.

Он рассмеялся, и она увидела, что у него не хватает многих зубов. Вдобавок крошки цеплялись к усам, когда он откусывал булку. Но его вид не вызывал у нее ни малейшего раздражения.

Торбьёрн смотрел на нее как-то странно. Как будто смущался, как будто хотел поговорить о чем-то, но не решался.

— Твоя мама любит поспать.

— Она может проваляться в кровати весь день.

— Жаль, что она пропускает завтрак, это лучшая трапеза за весь день.

На нем была грязно-серая майка, и Мея чувствовала запах немытого тела, как только он начинал двигаться. И как справляется с этой проблемой Силье? Может, старается не дышать, когда лежит рядом с ним? Закрывает глаза и думает о лесе?

Торбьёрн вытер руки о брюки и провел тыльной стороной ладони по засеянному крошками усам:

— Моя матушка сейчас лежит в своем гробу и ухмыляется, Мея. В этом я точно могу поклясться.

— Да? И почему же?

— Потому что ты сидишь здесь. Она постоянно твердила мне, что я должен обзавестись детьми. В ее понимании это было важнее, чем просто найти себе женщину. Иметь кого-то, кто позаботится о земле, когда ты сам станешь старым и немощным.

Мея не знала, что ответить, поэтому потянулась за олениной. Положила большой кусок на хлеб и сразу же жадно вилась в него зубами. Надеялась, что это обрадует старикана. И он действительно улыбнулся.

Торбьёрн вылил остатки кофе в термос и потянулся за наушниками. Мея понятия не имела, в чем заключалась его работа, знала только, что он проводит целые дни в лесу. Как обычно, уходя, он надел зеленую куртку с кожаными накладками на локтях и оранжевый жилет, не сходившийся у него на животе.

— Не забудь, в сарае есть велосипеды, если тебе надоест сидеть здесь, — сказал он на прощание.

Когда Торбьёрн ушел, она приоткрыла дверь в комнату Силье. Ее встретил кислотоватый запах от пепельницы и недопитого вина. Мать лежала, раскинув руки и наклонив голову к плечу, как Иисус на кресте. Словно мертвая. На бледной коже, подобно синякам, выделялись соски. Грудная клетка поднималась при каждом вдохе. Именно в этом Мея всегда стремилась убедиться в первую очередь — в том, что мать дышит.

— Ты проснулась?

Она на цыпочках подошла к Силье, сунула руки ей под спину и, опершись о матрас, повернула на бок. Силье не издала ни звука, ничем не показала, что она в сознании. Мея подогнула худые колени матери к животу, и теперь та лежала, свернувшись калачиком. Еще несколько усилий, и лицо Силье оказалось у края кровати. Так было безопаснее всего. В случае, если мать будет блевать во сне.

* * *

Когда звонок телефона нарушил тишину, Лелле от неожиданности расплескал кофе, и только спустя время сердце перестало частить. Он подумал, что ему никогда уже не привыкнуть к этому звуку, телефон для него стал предвестником беды.

— Я проверил того мужчину... ну, из Хедберга, — сказал Хассан.

— И?

— Похоже, у тебя нюх на всякую мразь. Имя этого господина — Рогер Ренлунд. Его судили за изнасилование в семьдесят пятом и еще за избиение женщин в восьмидесятые... Теперь он на пенсии по инвалидности и вроде как унаследовал усадьбу в Хедберге после родителей. Живет там один с одиннадцатого года.

— Один? Ты уверен?

— Во всяком случае, он единственный числится по этому адресу, да.

— Он сказал, что звонил своей старухе. Я проверил потом номер, он принадлежит дому престарелых в Арвидсъяуре.

— Скорее всего, она работает там. Или ему нравятся пожилые дамы. Геронто... как его... фил, — блеснул познаниями полицейский. Рот Хассана был набит едой, когда он говорил.

Лелле бросил взгляд на кухонные часы. Они показывали пять минут первого. Обеденное время для нормальных людей.

— Ты встретишься с ним?

— На каком основании? Потому что у него футболка с изображением Лины? Такие есть у половины Норрланда.

Пальцы до боли сжали телефон.

— О'кей, — буркнул Лелле. — Я понимаю.

— Лелле, — устало сказал Хассан, — только не наделай глупостей, ладно?

Лелле сидел с опущенными жалюзи и изучал спутниковую фотографию усадьбы Рогера Ренлунда. Она стояла уединенно, сзади вплотную примыкал густой лес, а спереди раскинулся дикий луг. Загоны, судя по снимку, были пустые, ни коров, ни лошадей. Хлев, три небольших сарая и курятник... Возможно, погреб в правом углу участка, но это было трудно понять. В любом случае, места, чтобы спрятать кого-то или что-то, хватало. До ближайших соседей — почти пять километров. До владений Рогера Ренлунда никому дела не было, и это было большим плюсом, если щербатому есть что скрывать.

Лелле не хотел заикливаться на подобных мыслях, но они были его единственным утешением. Он ведь отказывался верить в смерть Лины и с самого начала заявил Анетт, что кто-то держит их девочку у себя. Кто-то в этом мире знал, где она находится, и он собирался найти ее, пусть даже ценой собственной жизни. В первое лето он стучался к каждому подозрительному мужику и просил разрешения заглянуть в подвал и на чердак. Его встречали и проклятиями, и горячим кофе — по-разному, и, убедившись, что Лины нет, он чувствовал еще большее опустошение. Со

временем он пришел к мысли, что Норрланд — умирающая земля. Здесь царило одиночество. Оно было разлито повсюду и распространялось, подобно эпидемии. И он все больше осознавал, что одиночество поглощает его самого.

* * *

— Тебе известна деревня под названием Хедберг?

— Да, конечно.

— Там есть некий Рогер Ренлунд, ты знаешь его?

Киппен прищурился и, выпятив губы, уставился на полку с сигаретами, словно там был написан ответ:

— Нет. Это имя ничего мне не говорит, а что?

— Я решил заявиться к нему без предупреждения.

— Хочешь попытаться счастья?

Лелле кивнул и разорвал упаковку сигарет:

— Если я не вернусь, ты знаешь, что тебе делать.

Киппен передернул плечами, дряблая кожа на шее качнулась, но он ничего не сказал, только тихо присвистнул.

В магазин вошли несколько молодых парней, и Лелле, сунув сигарету в рот, направился к двери.

Он припарковался на заросшей травой поворотной площадке, которую нашел через спутник, а дальше собирался идти вдоль ручья, чье русло вело к заднему двору Рогера Ренлунда. Шагнул в густые заросли кустов и молодых деревьев, доходивших ему до подмышек, и вверх взмыли целые тучи насекомых. Он заправил брюки в сапоги и натянул на голову капюшон, чтобы защититься от комаров, а еще немного спустя сломал ветку и принялся энергично обмахиваться. Жужжание над ним уменьшилось, и стало чуточку легче. Почва была сырой и топкой, свет ночного солнца едва проникал между деревьями. Комары возобновили атаку, норовя укусить в лицо. Пистолет покоился за поясом, и Лелле ощущал запах собственного страха, пропитавший кожу. Пожалуй, именно этот запах и привлекал чертов гнус.

Лелле не знал, чего он собственно боялся: то, что его обнаружит щербатый мужик, или то, что в его усадьбе он может найти следы Лины? Или не найти — это тоже вариант. О своей безопасности он думал меньше

всего. Что с ним будет, не играло никакой роли. Он с самого начала решил искать свою дочь любыми средствами, законными или нет, со всеми вытекающими последствиями. Но если покопаться... его пугало то, что сам он находился едва ли не на грани безумия, считая каждого одинокого мужчину потенциальным похитителем. Вряд ли его выводы так уж безупречны, но какие есть. У него был другой путь — глотать диазепам и зопиклон, проводить вечера, терзая социальные сети. Так, как это делает Анетт. Она не нарушает никаких законов, не бежит с пистолетом по чужим владениям среди ночи. Не ездит по мертвым деревьям и не ищет дочь среди развалин. Этим занимается он, и не прекратит заниматься, пока не найдет Лину.

К тому времени, когда Лелле добрался до края леса, футболка под рубашкой успела прилипнуть к телу, и жужжания комаров он больше не слышал по той причине, что от нервного напряжения у него шумело в ушах. Поляна поросла высокой травой, и можно было не прятаться, но Лелле присел на корточки среди цветов и поднял взор на двухэтажный хозяйский дом. В темных окнах отражалось ночное небо, никаких признаков жизни, даже собака не залаяла. Пригибаясь, он подошел ближе и увидел знакомый «вольво» у стены дома. Неподалеку под брезентом стоял то ли мотороллер, то ли мотоцикл. Миновав ржавую тачку, наполненную черной землей, он свернул к картофельному полю, где уже начала прорасти ботва.

В качестве первого объекта исследования Лелле выбрал дровяной сарай, находившийся ближе всего. Он еще раз прислушался, потом осмелился выпрямиться и направиться в его сторону. Однако очень скоро ему пришлось распластаться на мокрой земле. Тишину нарушил скрип петель, за которым последовал сухой кашель. Лелле пытался лежать неподвижно, но легким не нравилась сырость. Одежда промокла насквозь, и его затрясло. Он внезапно вспомнил, как в детстве провалился под лед. Цеплялся за край льдины окровавленными пальцами, а мгновенно протрезвевший отец бросил ему веревку и закричал: *«Держись за нее, сынок!»*

Сквозь траву Лелле увидел силуэт на крыльце дома. Ренлунд... Он был в зеленых трусах, живот свешивался через резинку. Хозяин усадьбы сунул пальцы в рот и свистнул; от опушки леса к нему побежала серая собака. Лелле вжался в землю и зажмурился, но собака его почему-то не учуяла. Ренлунд что-то сказал псу, они вместе вошли в дом, и дверь за ними закрылась. Лелле еще долго лежал, не меняя положения тела, потом пополз к дровяному сараю, поглядывая на окна хозяйского дома.

Последние метры он пробежал рысцой.

Дверь в сарай была приоткрытой, и он быстро прошмыгнул внутрь. Прищурившись, огляделся в темноте и почувствовал запах сухого дерева. Дрова лежали штабелями метровой высоты вдоль стены, и их с лихвой хватило бы на три зимы. Ренлунд, пожалуй, был мразью, как сказал Хассан, но он точно не лентяй.

Лелле направился к следующему сараю, там воняло гнилым сеном. Включив карманный фонарик, он увидел кучи сена в пустых стойлах и с помощью грабель проверил, не спрятано ли что-нибудь под ним. Судя по паутине и птичьему дерьму на перегородках, живности у хозяина не было.

У собачьей конуры валялись миски для еды, наполненные водой и землей. Собака явно тут не жила. Недалеко находился охотничий сарай с покосившимися стенами. На двери висели тушки двух зайцев, словно поджидавшие, когда с них сдерут шкуру. Заглянув внутрь через маленькое оконце, Лелле увидел, что там полно всякого инструмента. У торцовой стены громоздился стол для разделки туш.

Лелле снова оглянулся на хозяйский дом. Дом выглядел слишком большим для одного человека. Вот бы туда зайти... там наверняка хватает неиспользуемых комнат.

Особо не раздумывая, на автомате, он отправился к дому, но не успел преодолеть и половины расстояния, как в тишине громом прозвучал выстрел. Лелле согнулся и побежал. Через плечо он увидел Ренлунда, тот стоял на крыльце в своих «семейных» трусах, но теперь с ружьем под мышкой. Мужчина что-то крикнул, но Лелле не расслышал, потом прогремел еще один выстрел, и на этот раз пуля пролетела совсем рядом. Лелле бросился на землю и быстро пополз на четвереньках. Про собаку он забыл — и чуть дуба не дал, когда она залаяла у него за спиной. Псина прижала его к земле лапами и зарычала. Тяжелые шаги... Хриплый голос приказал собаке замолчать, и Лелле попытался подняться, однако Ренлунд поставил ему ногу между лопаток и надавил.

* * *

Мея сидела на террасе и таращилась на лес. Над верхушками деревьев раскинулось светлое ночное небо, отчего лес казался еще более мрачным. Тишину нарушал только храп Торбьёрна, прорывавшийся из спальни. Можно было бы пойти к себе, но она ждала Карла-Юхана. Он приходил

только ночью, если такое вообще случалось. Мея ловила каждый звук, надеясь услышать машину или тихий голос, не сводила глаз с лесной опушки. Она вспомнила о сигаретах и подумала, что одна сигаретка не принесет особого вреда. Но ей не хотелось вонять табаком, если он все-таки появится между елями.

В конце концов она утомилась сидеть и решила пройтись. Воздух был сырой и холодный, но она не собиралась углубляться в лес. Собака последовала за ней, но, как всегда, быстро свернула в сторону. Мея позвала ее, но ей не нравилось слышать собственный голос. Ветер гулял среди деревьев, колючие ветки, казалось, пытались схватить ее. Мея вернулась и, чтобы не идти в дом, направилась к сараю.

Дверь оказалась тяжелой и поддалась неохотно, но она все-таки открыла ее. Шагнув внутрь, осмотрелась. Как это ни странно, но в сарае она зашла в первый раз. Потолок был низким, под темным брезентом дремали велосипеды, одна из стен была сплошь увешана инструментами. Торбьёрн, похоже, питал особую страсть к топорам, их там было не меньше дюжины, и почти все лезвия закрывали кожаные чехлы. Мея провела по рукояткам кончиками пальцев, подумала, как это — замахнуться таким топором? — но не решилась попробовать. Потом попросит Торбьёрна показать.

Велосипеды оказались старые, без скоростей, на одном вместо багажника прикручен ящик.

За перегородкой была комната, на стенах которой висели звериные шкуры, а с потолка свешивался большой железный крюк. Посередине стоял деревянный стол, и, подойдя к нему ближе, Мея увидела, что вся его поверхность в засохших пятнах крови. Она поняла, что здесь Торбьёрн разделывает животных, от мяса которых ломились холодильники. Когда это дошло до нее, она резко попятилась назад.

Снаружи залаяла собака, и Мея уже собралась покинуть сарай, когда заметила еще одну дверь. Она подошла, взялась за ручку, и дверь с громким скрипом открылась.

Крохотное помещение с грязным окном, на полках, прибитых вдоль стен, длинными рядами теснились искусно вырезанные деревянные фигурки, от безобидных кроликов и белок до ковбоев и грудастых женщин. Пол толстым слоем покрывала деревянная стружка, в углу стояли ящики из-под бутылок, полные макулатуры.

Не такая уж это и макулатура... Глянцевые страницы изобиловали снимками обнаженных женщин в непристойных позах. Мея подумала о Торбьёрне, представила, как он сидит здесь, в сарае, вырезает поделки и

листает порнушку. Картинка была скорее грустной, чем смешной. Покопавшись в ящиках сама не зная зачем, она натолкнулась на стопку явно любительских пляжных фотографий. Молодые женщины в цветастых бикини... Похоже, они даже не догадывались, что их фотографируют.

Мея прищурилась, пытаясь различить лица, и вдруг почувствовала, что ее сейчас стошнит. Собака снова залаяла, и она торопливо сунула снимки назад в ящик. Жадно хватая ртом воздух, выскочила из тесной каморки, пробежала мимо разделочного стола и топоров на стене, выбежала на улицу и с шумом захлопнула тяжелую дверь за собой.

Собака сидела на террасе и ждала ее. Мея посадила собаку на цепь, быстро поднялась в треугольную комнату и, забаррикадив дверь, рухнула на кровать.

Ночь почти закончилась, и Карл-Юхан уже вряд ли придет. Ничего не изменилось. Она по-прежнему была одна, и ей не на кого было положиться.

* * *

Рогер Ренлунд варил кофе на дровяной печке. Лелле сидел в стороне на стуле и теребил коричневую полосатую клеенку, которую постелили, наверное, еще на заре шестидесятых. Серая собака растянулась на полу и сонными глазами наблюдала за ним. Ренлунд выплюнул жевательный табак в раковину и налил кофе в зеленые пластмассовые кружки. Напиток был крепким и черным, над кружками поднимался пар, хорошо заметный в лучах света.

— Извиняюсь за предупредительные выстрелы, — сказал он, — но я не целился в тебя. У меня постоянно воруют бензин в последние годы, и я решил приструнить воришек.

У Лелле все еще дрожали руки, когда он поднял чашку.

— Ничего страшного, — ответил он. — Мне тоже не следовало болтаться по твоей усадьбе среди ночи.

— То есть нам не за чем звонить в полицию?

— Нет, черт побери.

Они какое-то время молча пили кофе, и Лелле огляделся. Усадьба явно была очень старой, с мебелью, переходившей от поколения к поколению. Кухонный диванчик отличался изящной спинкой и когда-то кокетливыми желтыми подушками. Стены, обклеенные полосатыми обоями, украшали охотничьи ножи. На столе стоял букетик высушенных кошачьих лапок.

Ренлунд мял между пальцами щепотку жевательного табака и не сводил глаз с Лелле.

— Я узнал тебя, — сказал он. — Это же с тобой я встретился на днях ночью. Ты ведь одолжил мне телефон, чтобы я смог позвонить моей старухе!

— Все правильно.

Ренлунд нахмурил брови и опустил взгляд на фотографию Лины, лежавшую между ними на клеенке:

— Значит, это твоя дочь?

— У тебя есть футболка с ее фотографией. В машине.

— Ну да. Нас задело за живое ее исчезновение, меня и мою старуху. Мы несколько раз принимали участие в ее поисках в лесу за все эти годы.

Лелле посмотрел на него.

— А где твоя старуха? — поинтересовался он.

— У нее свой дом в Бактсьяуре, мы не живем вместе.

— Почему?

— Потому что я не хочу продавать родительский дом, а она свой.

— Ага, да, — кивнул Лелле. — И она трудится в доме престарелых?

Ренлунд удивленно уставился на него:

— Откуда ты знаешь?

— Ты ведь звонил туда, когда мы познакомились.

— Она предпочитает работать по ночам, — сказал он. — Поскольку ночью старики умирают. А ей не хочется, чтобы они уходили в одиночестве.

Лелле задумался, и на кухне снова воцарилась тишина, нарушаемая только шумными глотками кофе со стороны хозяина. Собака перевернулась на спину, выставив на обозрение свой белый живот.

— Я все еще не понимаю, что твоя дочь могла делать здесь, в моей усадьбе, — сказал Ренлунд.

Лелле с шумом наполнил легкие воздухом.

— Не знаю. Я знаю только то, что она исчезла три года назад и что моя работа — искать ее. — Он помолчал, прежде чем продолжить. — Я слышал о твоём прошлом, и... Но вообще, честно сказать, каждый мужик для меня — потенциальный похититель. Пока мне не удастся выяснить, что случилось с моей Линой, я буду косо смотреть даже на нашего короля. Поэтому тебе не следует обижаться.

Ренлунд наморщил лоб и какое-то время размышлял над его словами.

— Конечно, я понимаю тебя, — кивнул он наконец. — Будь у меня собственные дети, я бы действовал так же. А если говорить о моих

«подвигах» в молодости, так я глубоко сожалею о том, что натворил тогда. Но я могу поклясться тебе, что не имею никакого отношения к исчезновению твоей дочери.

День уже полностью вступил в свои права, когда Лелле потопал в направлении своего автомобиля. Он чувствовал взгляд Ренлунда у себя на затылке и, перед тем как войти в лес, повернулся и поднял руку. Мужчина помахал ему в ответ. Он стоял на крыльце и улыбался. Ружье — у стены, собака сидела рядом с хозяином.

Едва оказавшись вне поля зрения Ренлунда, Лелле побежал.

* * *

— Ты выглядишь просто ужасно! — Анетт сморщила нос. — Ну и воняет же от тебя!

— Спасибо за комплимент.

Она смотрела на него мокрыми от слез глазами. Лелле обнаружил новые морщины на ее лице, которых не помнил. Анетт и сама выглядела не лучшим образом. Но он ничего не сказал. У него не было времени привести себя в порядок. После ночи в Хедберге все тело болело, как будто его долго били.

Анетт достала салфетку из кармана и промокнула уголки глаз.

— Три года, — сказала она. — Три года без нашей девочки.

Лелле сумел только кивнуть, он знал, что волнение не даст ему говорить. Как и хотела Анетт, он протянул руку Томасу, державшемуся немного в стороне. Вокруг них собралась целая куча народа, однако Лелле видел только контуры, некую серую массу. Чувствовал взгляды на себе, но не различал лиц. Не мог.

Анетт и Томас зажгли факелы и раздали присутствующим. В свете факелов толпа ожила, из скопища тел превратилась в собрание людей, объединенных общей бедой. Лелле немного успокоился, почувствовал, что ему стало легче дышать. Поднявшись на мост, ведущий к старой школе, Анетт произнесла небольшую речь в своей обычной эмоциональной манере. Лелле толком ничего не понял, но ему еще чуточку полегчало от ее голоса.

Потом выступили другие. Участковый инспектор Оке Стоол коротко рассказал о расследовании и заявил, что поиски не прекратятся никогда.

Одна из подруг Лины прочитала стихотворение. Другая спела. Лелле стоял, опустив взгляд в землю, и желал только, чтобы все закончилось максимально быстро — как только все закончится, он снова сядет в машину и поедет по Серебряной дороге искать дочь.

— Лелле?

Голос Анетт оторвал его от этих мыслей.

— У тебя нет желания сказать несколько слов?

Все взгляды обратились на него, и он почувствовал, как лицо залил румянец. Факел потрескивал в его руке, но он все равно слышал всхлипывания вокруг. Откашлялся, облизнул губы.

— Я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы пришли сюда... Три года без Лины стали худшими в моей жизни. Легче нам не становится. Пришло время вернуть Лину домой. Мне нужна моя дочь.

У него перехватило дыхание, и он опустил голову. Больше сказать нечего. Кто-то похлопал его по спине, словно лошадь по холке. Лелле скопился на обувь, и понял, что это Стоол, бестолковый старый лис.

С зажженными факелами они начали вереницей двигаться к автобусной остановке, где Лину видели в последний раз. Компанию им составил репортер местной газеты, усердно снимавший все мероприятие. Лелле шел, опустив голову и подняв воротник. Воздух был сырой и наполнен ароматом сирени. Далеко впереди шли, обнявшись, Томас и Анетт. Остальные снова стали для него безликими силуэтами.

Когда впереди показалась стеклянная остановка, он почувствовал, как сердце учащенно забилось. Голова пошла кругом, он попытался взять себя в руки и в первую очередь успокоить дыхание. В душу снова закралась надежда, что Лина будет стоять там и ждать их.

Участники шествия его раздражали. Он не мог объяснить причину, но это было так. Друзья Лины и их родители, просто знакомые, учителя, соседи и соседи соседей... Кто-то из них мог видеть ее или же знать что-то. А может, и иметь отношение к ее исчезновению. Весь Глимерстрек казался ему подозрительным. Он знал, что будет подозревать каждого, пока не вернет Лину.

Когда они дошли до автобусной остановки, раздражение уже кипело в груди, и ему стоило больших усилий заставить руку, державшую факел, не дрожать. Воображение рисовало, как он расправляется со всей этой толпой. Казалось, он даже слышал их крики... Прогоняя наваждение, Лелле опустил взгляд на мокрый асфальт и принялся считать трещины в нем. Где-то впереди снова зазвучал голос Анетт. Его удивило, насколько спокойным он был.

Осмелившись поднять глаза, он увидел, что она раздает футболки, точно такие же, какую он видел в машине Ренлунда. Фотография Лины и подпись под ней: «Ты видел меня? Позвони 112». Скоро Лина улыбалась ему со всех сторон. Десятки лиц дочери окружили Лелле, отражались в исцарапанных стеклах автобусной остановки. Это невыносимо... Он опустил глаза. Вокруг теснились туфли на низких каблуках, ботинки, сапоги, кроссовки... Мелькнула глупая мысль: в чем была бы Лина, находишь она здесь?

Люди пели и плакали. Со всех сторон звучали голоса. Лицо Анетт блестело от слез, но и одновременно светилось от радости, ведь так много народу собралось. У Лелле появился неприятный привкус во рту. Зачем все это? Только время зря теряют.... Такое же ощущение возникало, когда он просматривал страницу Анетт в Фейсбуке и читал пустые комментарии, от которых не было никакой пользы.

Он поднял факел высоко над головой в попытке привлечь все взгляды к себе.

— Приятно видеть, что так многие хотят возвращения Лины, — сказал он и откашлялся. — Но, по-моему, важно не просто сидеть по домам и скорбеть, а активно заниматься поисками. Чтобы мы задавали вопросы и искали ответы. Поднимали камни и заглядывали под них. Чтобы мы давили на полицию, когда они не занимаются своей работой.

Он склонился на Оке Стоола, потом снова посмотрел на притихшую серую массу. Солнце висело высоко над деревьями, и ему пришлось сильно прищуриться.

— *Кто-то* из вас, возможно, знает что-то, — продолжил он. — Пришло время собраться с духом и признаться. Я и Анетт ждали достаточно долго. Мы страстно желаем возвращения Лины. А тем, кому ничего не известно, я просто хочу сказать: *кончайте* скорбеть и *начинайте* искать.

Он загасил факел в луже так, что огонь погас с сердитым шипением, потом повернулся спиной к остальным и ушел.

* * *

Мея крутила педали так быстро, как только могла, лишь бы быстрее уехать от усадьбы. Торбьёрн приготовил завтрак, но она не могла смотреть ему в глаза, поскольку ей сразу же вспоминались фотографии из сарая. Его

грустная мина вызывала у нее неприязнь, ей не хватало воздуха в тесной кухне. В итоге она взяла один из древних велосипедов и укатила, не сказав никому ни слова.

Солнце светило, но не грело, и она держала рот закрытым, чтобы не залетали комары. Хорошо еще, ветер не позволял им атаковать ее, а то бы загрызли до костей

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она увидела впереди какое-то жилье. Потом усадьбы замелькали одна за другой — прямоугольные, выкрашенные в красный цвет дома с аккуратными лужайками перед ними. Собаки лаяли ей вслед из своих будок, в загонах стояли лошади и отмахивались хвостами от мух. В нос бил смешанный запах навоза и зелени. Мея сбросила скорость, но так и не избавилась от неприятного ощущения. Дело даже не в Торбьёрне... Они с Силье жили во многих местах, но нигде она не чувствовала себя настолько чужой, как здесь.

Она выехала на широкую дорогу, которая вывела ее к церкви. За церковью было кладбище. Надгробия прятались в тени плакучих берез. Какой-то лысый старик убирал граблями траву и поднял руку, когда она проезжала мимо. Кроме него, она никого не видела. Усадьбы, казалось, дремали в солнечном свете. Ни машин, ни людей. Чем дальше она ехала, тем больше Глимерстрек напоминал деревню-призрак.

Но потом она услышала голоса и шум шагов. Мея остановилась и спряталась с велосипедом среди деревьев. По дороге шли люди с факелами в руках. Что-то вроде демонстрации... Струйки черного дыма поднимались к небу. Она чувствовала тепло от огня, когда они проходили мимо, но ей не хотелось попадаться им на глаза. Кто ж знает, по какому поводу они собрались. Среди них хватало и старых, и молодых, мужчин и женщин, и у всех были серьезные лица. Некоторые плакали. Мея затаила дыхание.

— Глядя на них, можно подумать, что она была рок-звездой, — прозвучал голос над ухом.

Она вздрогнула от неожиданности и уронила велосипед.

Повернув голову, Мея увидела девушку, сидевшую в зарослях брусничника. Примерно ее возраста, с покрашенными в розовый цвет волосами и большими деревяшками в мочках ушей. Девушка курила небрежно скрученную сигарету и, прищурившись, смотрела на Мею.

— Ты о ком?

— О Лине Густафссон. Это все ради нее.

Мея снова скосилась в сторону факельного шествия. Потянулась за велосипедом:

— Она умерла?

— Вероятно, но никто не знает наверняка. — Девушка сплюнула на мох. — Для того чтобы кого-то объявили святым в нашей дыре, достаточно просто исчезнуть бесследно. И все сразу начинают наперебой соревноваться в любви к тебе.

Меня отряхнула хвоя с сиденья велосипеда, еще раз посмотрела вслед веренице людей. Колонна напоминала горящую змею, ползущую в сторону холма.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась розововолосая.

— Меня, а тебя?

— Меня зовут Вороной.

— Вороной?

— Угу.

В уголках рта Меня мелькнула улыбка, но сразу же исчезла.

Ворона протянула ей самокрутку:

— Курнешь?

— Я завязала.

Ворона наклонила голову набок. Ее глаза, размалеванные тушью и тенями, в голубизне соревновались с небом.

— Ты приехала с юга?

— Угу.

— И что здесь делаешь?

— Я недавно перебралась сюда с мамой.

— Зачем?

Меня колебалась. Почувствовала, как покраснели щеки.

— Ее мужчина живет здесь.

— Да? И как же его зовут?

— Торбьёрн. Торбьёрн Форс.

Ворона расхохоталась, обнажив редкие зубы:

— Ты шутишь? Твоя мать с Порнобьёрном?

— Порнобьёрном?

— Да, его так называют, поскольку он обладает самой большой коллекцией порнухи в Норрланде. Это его главная забота. Все деревенские юнцы обычно стоят перед его окнами, чтобы хоть глазком взглянуть.

Меня с такой силой вцепилась в руль велосипеда, что руки заболели. От стыда у нее перехватило дыхание.

Ворона же улыбнулась с триумфом:

— Ты действительно не хочешь закурить? Судя по тебе, ты сейчас в этом крайне нуждаешься.

Мея отрицательно покачала головой, хотя затяжка не помешала бы. А Ворона защелкала зажигалкой, чтобы снова закурить. Огонь так и не загорелся, и зажигалка полетела в лес.

— Черт!

Мея сглотнула комок.

— Почему ты не участвуешь в факельном шествии? — спросила она.

— Я не лицемерка. Не собираюсь притворяться, что мне не хватает кого-то, кого я никогда не любила. Мне не нравилась Лина до того, как она исчезла, почему я вдруг должна вспылать к ней любовью?

— А почему она тебе не нравилась?

Ворона уставилась на свои коротко подстриженные и покрашенные в черный цвет ногти. Между костяшек пальцев у нее были вытатуированы символы. Мея стояла слишком далеко и не могла разглядеть какие именно.

— Лина без проблем могла захватить то, что ей не принадлежало. Понимай, как хочешь.

Мея кивнула, словно догадалась, о чем идет речь. Потом покатила велосипед назад к асфальту. Шествие уже исчезло за холмом, но запах факельного масла еще витал в воздухе.

— Мне надо ехать. Было приятно познакомиться, — сказала она.

Ворона отдала честь, втянула щеки и выпятила красные от помады губы.

— Привет Порнобьёрну! — крикнула она, когда Мея вернулась на дорогу.

* * *

К сожалению, он не помнил всего, и это его крайне удручало. Время сразу после исчезновения Лины сохранилось в его памяти только фрагментами: полицейский в прихожей, не пожелавший снимать куртку, перекошенное лицо Анетт, звонки телефона, от которых сжималось сердце. Все эти ничего не значившие лица, тараторившиеся на него со всех сторон.

Он отправился на поиски почти сразу же, пожалуй, в ту же ночь. Гнал, пока не добрался до Арьеplugа. Туда должна была поехать Лина. На вырубке уже стояли, образовав круг, двадцать три парня и девушки, готовые заняться посадкой леса на рассвете. В руках они держали саженцы елей и инструменты. Лелле направился к ним и стал вглядываться в лица, словно хотел убедиться, что ее среди них не было.

— *Я ищу свою дочь. Она собиралась работать здесь вместе с вами.*

От них воняло средством от комаров, и он так и не смог вспомнить, что они ему сказали. Помнил только, как сидел в черном джипе с открытым термосом в руках. Руководивший посадкой леса парень настоял, чтобы он отдохнул. Он говорил на финском шведском и позволил Лелле курить в машине.

— *Вам не стоит пугать молодежь. Иначе они не осмелятся снова приехать сюда работать.*

Он пообещал сразу позвонить, как только Лина появится. Если она появится.

В первое лето творилось черт знает что. В прихожей стояла испачканная глиной обувь. Почту ни у кого и мысли не возникало разбирать. На втором этаже Анетт спала, напившись своих пилюль, так крепко, что ее не удавалось разбудить. Впрочем, это его вполне устраивало, иначе пришлось бы постоянно выслушивать ее жалобы и плач. Но все равно состояние жены пугало. Таблетки стали стеной между ними. Сам он иногда позволял себе выпить. Крепко выпить. Без конца звонил в полицию. Периодически слышал свой собственный дрожащий голос по местному радио, когда просил людей поделиться любой информацией. И она потоком шла к ним со всех сторон. Якобы Лину видели в автомобилях, на обочинах дорог, на идущем в Данию пароме и на пляже в Пхукете. Они видели ее повсюду. И все равно ее не было нигде.

Лелле возвращался домой самой короткой дорогой через лес, крепко прижимая факел к себе. Ноги скользили по мху и утопали в земле. Он чувствовал вибрацию в кармане, но не стал доставать мобильник. Не желал слушать нытье Анетт — ему хватало собственного разочарования. Мучила жажда. Он подумал о «Лапройге» и пообещал себе два приличных глотка, но не более, чтобы забыть о чертовом факельном шествии и быть в состоянии предпринять следующую попытку. Он все еще чувствовал укоризненные взгляды односельчан на своем затылке, они, казалось, подгоняли его.

Даже не позаботившись разуться, он прошел в гостиную, оставляя на полу за собой следы глины, и, схватив бутылку, сделал большой глоток, отчего все сразу словно перевернулось в животе. Прижав тыльную сторону ладони ко рту, попытался побороть тошноту, но горло горело огнем. Отставив бутылку, он громко выругался. Выходит, с алкоголем всё.

Шум на втором этаже заставил его вздрогнуть от неожиданности. Он вытянул шею и посмотрел на потолок, покрытый трещинами, а потом,

затаив дыхание, прислушался. Все тело заныло от напряжения. Шум, напоминавший звук шагов, повторился и, похоже, доносился из комнаты Лины.

Лелле в три шага преодолел лестницу, споткнувшись наверху, приземлился на обе руки и, не обращая внимания на привкус крови на языке, пополз по коридорчику. Толкнул дверь локтем, а потом несколько секунд сидел на пороге, не понимая, что произошло. По комнате гулял ветер, раскачивая занавески и пытаясь сорвать плакаты со стен, и все из-за распахнутого настежь окна. Того самого окна, которое они не открывали уже три года, поскольку решили никогда не проветривать комнату Лины, чтобы там сохранился ее запах.

Перегнувшись через подоконник, Лелле посмотрел вниз на террасу. Можно было спуститься по водосточному желобу, а потом спрыгнуть в кусты сирени. Ему неоднократно удавалось застукать Лину на месте преступления, когда она пыталась ускользнуть из дома ночью этим путем.

Он обвел взглядом задний двор. Яблони, утопавшие в некошеной траве. Живая изгородь, отделявшая их от соседей, заросли кустов у леса, обозначавшие границу участка. Ветер усилился, и казалось, что все вокруг пришло в движение. Он не сразу заметил неподвижно сидящего в окруженной сиренью беседке человека.

Не раздумывая, Лелле перекинул ноги через подоконник и начал неловко скользить вниз. Повисел пару мгновений, собираясь с духом, потом разжал руки и упал вниз. Приземление прошло не совсем гладко, что-то вроде хрустнуло, но ноги работали нормально, когда он поднялся и побежал к беседке.

Сидевший там молодой парень с торчавшими темными волосами вскочил и ринулся к лесу. Он сильно хромал, как будто у него была травмирована нога.

— Нет смысла бежать, я же все равно видел тебя! — крикнул Лелле.

Достигнув края леса, парень упал, и тут Лелле настиг его. Схватив за волосы, повернул лицом к себе:

— Чем, черт возьми, ты тут занимаешься?

Микаэль Варг захныкал. Слезы оставлял грязные полосы на его бледном и испуганном лице.

— Отпусти меня, — взмолился он. — Пожалуйста.

Когда Мея вернулась в усадьбу и прошла на кухню, Силье устанавливала мольберт, собираясь рисовать лес. Абсолютно голая, она стояла так, что ее хорошо было видно из кухонного окна. Бледные бедра, казалось, светились на солнце, и Мея заметила, как у Торбьёрна на майке появились темные полосы пота.

— Твоя мама выглядит как греческая скульптура, — сказал он.

Мея подула на кофе и сделала вид, что Силье не существует.

— Я ездила на велосипеде в деревню, — сообщила она.

— Вот как?

— Там масса народа участвовала в факельном шествии. Ради какой-то исчезнувшей девицы.

Торбьёрн взял банку пива из холодильника и прижал к щеке:

— Да, это самая большая тайна наших мест. Все произошло несколько лет назад, но люди, похоже, еще не пришли в себя. До сих пор никто не может забыть.

— Что, по-твоему, случилось с ней?

— Черт его знает.

Торбьёрн открыл пиво, повернулся спиной к Мее и поискал глазами чистый стакан. Грязная посуда теснилась рядами на мойке. Губная помада Силье улыбалась с винного бокала. Мея уже разгадала тактику матери. Та прекрасно знала, что Торбьёрн никогда не осмелится бухтеть, во всяком случае, пока она ходит перед ним голая.

Убедившись в тщетности своих попыток, Торбьёрн сдался и стал пить прямо из банки, даже не стараясь подавить отрыжку.

— Люди говорят, что она собиралась уехать на автобусе и исчезла, пока ждала его. Но это не так, — буркнул он.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я там был! Мой тогдашний автомобиль постоянно барахлил, и приходилось ездить на автобусе по утрам. Потом мне устроили веселую жизнь. Полиция заявила и допрашивала меня. Они перевернули вверх дном всю мою усадьбу, хотя я даже и не видел бедняжку. Точно так же, как и водитель автобуса. Я думаю, ее вообще там не было, на этой остановке.

Он допил пиво и смял банку в руке, прежде чем отправить в ведро. У Меи мурашки пробежали по коже, несмотря на жару.

— То есть... они подозревали тебя?

— Они подозревали всю деревню! Я не был исключением. И лучше не становится, годы идут, а про эту девчонку ничего.

Силье фальшиво запела снаружи, требуя к себе внимания. Мея увидела

сквозь занавеску, как мать соблазнительно наклонилась к траве, где пряталась бутылка с вином. Наполнив бокал до краев, она манерно положила кисточку на плечо и залпом выпила алкоголь. У Торбьёрна заблестели глаза. Мея подумала о фотографиях, которые он прятал в сарае. Уж не сам ли он делал их?

— По-твоему, эта девица сбежала? Или кто-то увез ее? — спросила она.

— Меня особо не удивит, если ее папаша замешан. Всем известно, что Лелле Густафссон вспыльчив. Его выперли из нашей охотничьей команды, поскольку он постоянно устраивал скандалы. Допустим, разозлился на девочку. Потерял самообладание. Потом попытался спрятать концы в воду, когда пришел в себя. Такая у меня версия, да.

Он снял майку и вытер подмышки грязно-желтой тканью.

— Сейчас, я считаю, нам надо выйти на солнце, к твоей матушке, — сказал он. — Бесплезно сидеть здесь и переливать из пустого в порожнее.

* * *

Микаэль Варг сидел, обливаясь потом, на кухне у Лелле. Его травмированная нога покоилась на стуле, бледно-серое лицо дергалось, когда подступала боль. Лелле не мог понять, находился ли парень под воздействием алкоголя или наркотиков, но язык у него заплетался, а зрачки были сужены, как у хищного зверя.

— Зачем ты вломился в мой дом?

— Я не вламывался. Дверь была открытой.

— Что ты делал в комнате Лины?

Варг какое-то время грыз ноготь, взгляд блуждал по сторонам.

— Я не знаю.

— Не знаешь?

Лелле стукнул рукой по поверхности стола так, что фарфоровая посуда за дверцами старого шкафа задрожала.

— Тебе лучше не молчать, поскольку я не выпущу тебя, покуда не разберусь с этим.

Варг скривился:

— У меня жутко болит нога.

— А мне насрать. Если хочешь уйти отсюда живым, давай рассказывай. Что ты делал в комнате Лины?

— Я... Я хотел оказаться рядом с ней.

— Ты хотел оказаться рядом с ней и для этого вломился в мой дом?

Слезы текли по грязным щекам парня. Он даже не пытался вытереть их.

— На самом деле не только тебе ее не хватает. Я каждую минуту думаю о Лине. Я знал, что ты пойдешь на это чертово факельное шествие, и решил: у меня есть шанс снова оказаться рядом с ней. Мне просто хотелось увидеть ее комнату. Ее вещи. Вдохнуть запах ее одежды.

Лелле предостерегающе поднял руку:

— О'кей. Давай проверим, правильно ли я все понял: ради твоей исчезнувшей девушки устраивают факельное шествие, а ты *выбираешь не участвовать в нем?*

— Не так просто решиться, когда вся деревня косо на тебя смотрит.

— Не пытайся меня разжалобить, зря стараешься.

Футболка Варга была мокрой, в зеленых пятнах от травы. Нос покраснел. Парень изменился с тех пор, как бывал у них с Линой. Три года назад он не выглядел таким худым, и его смех наполнял весь дом. Анетт всегда нравилось, как он смеется.

Лелле наклонился через стол так близко, что почувствовал запах страха, исходивший от Варга:

— Покажи карманы.

Зрачки Варга расширились.

— Зачем? Я ничего не взял.

— Встань и опустоши карманы, пока я не выдернул тебе вторую ногу!

Судя по подергиваниям век, парень колебался. Он подчинился, только когда Лелле потянулся к нему. Дрожащими руками достал айфон с треснувшим дисплеем, складной нож, черный кожаный бумажник и выложил на поцарапанную поверхность стола.

Лелле взял портмоне и заглянул в него. Там лежали пятьдесят крон, пластиковая карта и две потертые фотографии Лины. На одной было только ее лицо. Она подмигивала в объектив и еле заметно улыбалась. На второй его дочь лежала на кровати в трусах и смотрела в сторону. Распушенные волосы едва прикрывали обнаженную грудь. От возмущения у Лелле перехватило дыхание, и он с такой силой залепил пощечину Варгу, что тот упал назад вместе со стулом.

— Что это еще за чертовы фотографии?!

— Они мои. Я их снял.

— *Ты их снял.* Ничего себе. А мне вот сейчас крайне интересно, знала ли Лина, что ты снимал ее голой? Да или нет? Говори!

Лелле навис над парнем, Варг сжался и закрылся руками:

— Само собой, знала! Мы были вместе, фотографировали друг друга. В этом нет ничего странного.

От злости у Лелле закружилась голова, стены комнаты заходили ходуном. Он схватил снимки и разорвал на мелкие клочки трясущимися пальцами. Обрывки дождем посыпались на стол. Потом он повернулся к Варгу, поставил на ноги и толкнул к двери:

— Убирайся отсюда, пока я не прибил тебя!

* * *

Две ночи Карл-Юхан не давал о себе знать. Как только Силье и Торбьёрн заснули, Мея расположилась на террасе. Она пила вино, оставшееся от Силье, но не для того, чтобы опьянеть, а чтобы отвлечься от мучительных мыслей, не позволить возобладать одиночеству. Сделав несколько глотков, закурила сигарету, и ей показалось, что псина укоризненно посмотрела на нее.

— Какое это имеет значение, — пробормотала она. — Он все равно не придет.

Но в эту ночь он пришел. И именно собака услышала его первой. Вскочила и побежала к лесу, натягивая цепь и дружелюбно семафоря облезлым хвостом. Увидев тень на опушке, Мея почувствовала зуд в животе. Торопливо загасила сигарету и вылила вино на землю.

Карл-Юхан улыбнулся своей фирменной улыбкой, заставлявшей все ее тело дрожать:

— Ты меня, что ли, ждешь?

— Нет. Я просто не могла заснуть.

Он обнял ее, и даже если почувствовал запах табака, не сказал об этом.

— Пойдем к озеру?

Мея кивнула.

Они оставили собаку на цепи и побежали к лесу. Толстые корни ставили им подножки, ветви деревьев хватали за одежду, но Мее не было страшно. Карл-Юхан взял ее за руку, и она улыбалась ему в спину, стараясь выдержать темп. Эйфория росла по мере того, как они углублялись в лес.

На озере они сели на большой валун, находившийся в воде. Было прохладно и, как всегда, светло. Карл-Юхан обнял ее, от него исходил слабый запах хлева.

— Я уже думала, ты меня забыл, — сказала она.

— Забыл тебя? — Он рассмеялся. — Да никогда в жизни!

— Если честно, я ждала и ждала, что ты появишься.

— У нас скопилось ужасно много дел в усадьбе. Никак не мог вырваться.

Мея посмотрела на его руки, они были грубые, в мозолях. Руки мужчины.

— Ты не сказал мне свой номер... Мы могли бы созвониться.

— У меня нет мобильного.

— Почему? — удивилась она.

— Мой папа не особо в восторге от всей этой техники.

Мея помолчала, слушая, как о камень бьется вода. У него нет телефона. Ничего себе... Она не решилась спросить: ну и как это — жить без такой нужной вещи? Ей показалось, что парень выглядит смущенным, словно стыдится этого. Может, они слишком бедные? Может, у его родителей нет денег даже на самое необходимое? Она могла бы понять. У них тоже случались провальные периоды, когда все деньги уходили на другое. Главным образом на вино и таблетки для Силье.

— А где твои братья? — спросила она, чувствуя, что пауза слишком затянулась.

— Им пришлось остаться дома, — улыбнулся Карл-Юхан. — Вообще-то я хотел побыть с тобой наедине.

У Меи перехватило дыхание, она смотрела на воду. Ветер приносил с собой прохладу и аромат хвои. Приятное волнение все больше охватывало ее.

Карл-Юхан прижался лбом к ее щеке:

— Ёран просил узнать, нет ли у тебя сестры.

Мея улыбнулась:

— У меня нет ни сестер, ни братьев, во всяком случае, известных мне.

— Наверное, одиноко расти так?

Она пожала плечами.

— А твой папа, где он живет? — спросил парень.

Мея сглотнула комочек, беспокойство легкой болью отозвалось в животе.

— Понятия не имею. Он сбежал еще до моего рождения. Мы никогда не встречались.

— Печально.

— Печально? — Она пожала плечами. — Трудно скорбеть по тому, чего у тебя никогда не было.

— А ты сильная, — с уважением посмотрел на нее Карл-Юхан. — Сам

бы я никогда не справился в такой ситуации. Без моей семьи я ничто.

Он убрал волосы с ее щек, прищурился и стал разглядывать из-под своих длинных белых ресниц. Мея перестала дышать, она не слышала больше ни шума воды, ни жужжания комаров. Видела только, как Карл-Юхан отгоняет их.

— Пошли купаться?

Они бросились в озеро; вода была такой холодной, что сводило ноги, а зубы сразу стали выбивать барабанную дробь. Карл-Юхан плыл впереди, и Мея очень быстро отстала: пловчиха из нее никудышная. Дно было илистым, и стоять на нем было неприятно. Карл-Юхан повернулся и позвал ее к середине озера, где находилось скопление камней. Но она почувствовала прикосновение рыбешек и направилась к берегу:

— Я замерзла.

У Карла-Юхана с собой были полотенца, и Мея, намотав одно из них на мокрые волосы в виде чалмы, наблюдала, как он разводит костер. Его движения были точными и легкими, когда он ломал сухие ветки и обдирал кору с деревьев. Толстые сучья он без труда переламывал через колено. И к чему бы ни прикасались его шершавые ладони, на них даже самой крошечной ранки не оставалось. Ей бы так... Живет здесь всего-ничего, а вся в царапинах, и болячки постоянно кровили и чесались.

— Знаешь, я чувствую себя здесь неудобно, — призналась она, когда огонь взмыл вверх, дотягиваясь искрами до самого неба. — Как бы потерявшейся.

Карл-Юхан взял ее руку в свою и прикоснулся губами к царапине, украшавшей тыльную сторону ладони, отчего у Меи пробежали мурашки по коже.

— Я научу тебя всему известному мне, — сказал он и наклонился так близко, что их лбы коснулись. — И ты будешь чувствовать себя в любых дебрях хозяйкой.

Глаза парня сузились. Его голос действовал опьяняюще. Мея опустила взгляд на его рот, как бы призывая поцеловать ее. Когда он понял, чего она хочет, Мея проверила, зажмурился он или нет. По словам Силье, нельзя доверять мужчине, если он целуется с открытыми глазами. *Если он не закрывает глаза, надо собирать вещички и сматываться.*

Глаза у Карла-Юхана оказались закрытыми. Даже щелочки не осталось.

Ночь жила своей собственной жизнью, не учитывая пожелания и намерения людей. Порой, как накануне, она натягивала прозрачный наряд, демонстрируя себя во всей красе, но чаще закутывалась в плотную пелену тумана, не позволявшую разглядеть ничего, и у Лелле не оставалось никакого выхода, кроме как смириться. Прислонившись к капоту машины, он наполнял легкие смесью из сырого воздуха и табачного дыма. Света фар хватало только на то, чтобы видеть на метр вперед. В таких условиях двигаться дальше было не только тяжело, но и смертельно опасно, и ему пришлось с горечью признать, что продолжить поиски в эту ночь вряд ли удастся.

Шум мотора за спиной заставил его обернуться. Автомобиль, полицейский... Он услышал звук открывающейся дверцы.

— Черт, Лелле, нельзя ездить в такую погоду.

— Я что, по-твоему, еду?

Сквозь дымку ночного тумана Хассан казался гораздо меньше, чем был на самом деле. В руке его блестел термос. Подойдя к Лелле, он отвинтил крышку и наполнил ее дымящейся жидкостью.

— Могу сопроводить тебя домой, — предложил Хассан, протягивая крышку.

— И чем я там буду заниматься?

— Отдыхать, Лелле. Что-нибудь съешь, примешь душ, посмотришь телевизор. То есть займешься тем, что делают все нормальные люди.

— Нет. Нормальный — не про меня. Я не в том душевном состоянии. — Он сделал глоток, сморщился и сплюнул: — Что это за дерьмо?

— Белый чай из Китая. Говорят, очень хорош для кровообращения.

— Вот черт, а!

Лелле вернул крышку с чаем полицейскому. Хассан рассмеялся и сделал несколько больших глотков, всем своим видом показывая, что получает огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие. Лелле сунул в уголок рта сырую сигарету и не без труда зажег ее. Вообще-то, он был благодарен Хассану за компанию, хотя никогда бы не признался в этом.

— Микаэль Варг вломился ко мне вчера... Во время факельного шествия, — уточнил он.

— Ты шутишь?

— Не шучу. Пришел домой и обнаружил его в беседке. Он выпрыгнул

из окна Лины. Вывихнул ногу.

— Почему же ты не позвонил мне?

— Сам разобрался.

Хассан прикрутил крышку на место и вздохнул:

— Могу я спросить, что ты с ним сделал?

— Да уж точно не угостил бабушкиным вареньем, если ты на это надеешься. Но я позволил ему уйти.

— Он пытался стащить что-то?

— Не-а.

Лелле посмотрел на огонек сигареты, которую держал между пальцами, и вспомнил испуганные глаза Варга. Впалые щеки... Слезы... Кажется, они были искренние.

— У него в бумажнике лежала фотография Лины. Она там без одежды.

— Из той поры, когда они были вместе?

— Ну да, надо думать.

Хассан втянул ноздрями туман, но ничего не сказал. Лелле швырнул сигарету в канаву и вытер влагу с лица рукавом куртки. К горлу подкатывала легкая тошнота. Было такое ощущение, что весь мир рыдает и... что скоро все станет известно.

— Ты же в гимназии преподаешь, — сказал Хассан. — Сам знаешь, какие теперь детки и как они относятся к фотографиям. Тут нет ничего необычного, приятель. Я с этим постоянно сталкиваюсь. Родители пишут заявления. Откровенные снимки расползаются в разные стороны и попадают не в те руки. Нынешней молодежи нравится экспериментировать. А рисковать они обожают. Для них это адреналин.

— Да, знаю. Но я не особо доверяю Варгу. Парень здорово опустился после исчезновения Лины.

— Возможно, он тоскует по ней?

— Да. Или его мучают угрызения совести.

Хассан оторвался от капота, и Лелле показалось, что машина вздохнула с облегчением.

— Может, мне заехать и поговорить с ним?

— Нет, не трогай его. Рано или поздно он выдаст себя.

* * *

Карл-Юхан захотел увидеть, как она живет. Мея сидела и тарасилась

на стену, пытаюсь унять беспокойство в животе.

— Ты же можешь надеть что-нибудь нормальное! — сказала она Силье, которая бродила по гостиной в нижнем белье.

Силье ошарашенно посмотрела на себя, на свои бесформенные трусы и заляпанный красной акриловой краской бюстгальтер.

— Ты же знаешь, какой я становлюсь, когда рисую, — сказала она. — Ничего не замечаю вокруг.

Мать исчезла в спальне, а когда вернулась, на ней было пурпурное шелковое кимоно, волосы завязаны на затылке узлом. Кожа на ее шее пылала огнем, и по взгляду матери Мея поняла, что та может выкинуть любой фокус.

Хруст гравия под колесами они услышали задолго до того, как появился сам автомобиль. Старый «вольво» Карла-Юхана был длинный и какой-то угловатый, с ржавыми крыльями. Силье наклонилась над плечом Меи так близко, что она чувствовала исходящий от матери запах вина.

— Он водит машину? Сколько ему лет?

— Девятнадцать.

— Все парни Биргера наверняка сидят за рулем лет с двенадцати, — прокомментировал Торбьёрн со своего места у стола. — В тех деревнях это нормально.

Силье разгладила кимоно.

— Какой милашка! — воскликнула она, когда парень вылез из машины. — Я и не знала, что ты такая легкомысленная, Мея!

Карл-Юхан протянул вышедшей встретить его Мее букет ромашек, которые уже начали увядать, а она неловко заключила парня в объятия. От его еще влажных волос пахло шампунем, на воротнике застегнутой на все пуговицы рубашки виднелись остатки щетины после бритья. Он не был «заурядным парнишкой», Мея поняла это по реакции Силье: когда Карл-Юхан вошел на кухню, мать явно пришла в восторг. По подбородку Торбьёрна, когда он здоровался, текла коричневая от жевательного табака слюна. Он поинтересовался относительно здоровья Биргера и представил Силье как свою «новую старуху». Силье рассмеялась, откинув голову назад и обнажив испещренные пломбами зубы. Она, конечно, уже успела выпить, но ее взгляд пока что оставался ясным, и она беззастенчиво обозрела гостя с ног до головы.

— Вы хотите кофе?

— Нет, мы поднимемся ко мне, — быстро ответила Мея.

Ладонь Карла-Юхана была холодной, когда она тащила его вверх по лестнице. Как только они переступили порог, Мея отпустила его руку:

— Ты должен простить мою мать. Она не совсем трезвая.

— Не переживай, она выглядит довольно приятной.

Карлу-Юхану пришлось наклониться, чтобы не удариться головой о балки крыши. Он огляделся, словно искал что-то, и задержал взгляд на рюкзаке, который лежал открытым, выставляя напоказ нехитрое барахлишко. Мея замерла, смущенная.

— Значит, так ты живешь...

— Это временно. Я не останусь здесь.

— Не останешься?

Она покачала головой:

— Осенью мне исполнится восемнадцать, и я уеду назад на юг.

Карл-Юхан прижал ее к себе:

— Я не хочу, чтобы ты уезжала, мы же только познакомились.

Парень нежно убрал в сторону ее волосы, скользнул пальцем по ключице и прошептал, что она не может уехать, «пока не увидит всего». Потом нашел ее губы, и скоро Мея уже лежала под ним на своей скрипучей кровати. Он был тяжелым и настойчивым и сразу полез руками ей под футболку. Мея начала расстегивать на нем рубашку. Грудная клетка парня вздымалась от быстрого дыхания. Интересно, сколько девушек лежало вот так с ним? — но она не захотела спрашивать. Скоро его рубашка оказалась на полу вместе с ее футболкой. У Меи гул стоял в голове. Она вцепилась пальцами в его плечи, словно не хотела отпускать от себя. Только услышав звонкий смех Силье этажом ниже, они остановились. Лицо Карла-Юхана внезапно покраснело.

— Торбьёрн говорил что-нибудь обо мне? О моей семье?

Мея колебалась.

— Только что вы хиппи, ну, вроде как, — прошептала она распухшими губами.

— Хиппи?

— Да. Сказал еще, что вы живете дарами природы. Как люди раньше жили.

Он обнажил все свои зубы, когда рассмеялся. Одна его рука покоилась на ее груди, как раз над сердцем.

— Может, поедем ко мне домой? Мои родители хотят встретиться с тобой.

— Ты рассказал им обо мне?

— Само собой.

— И что именно?

— Что ты самый замечательный человек, которого я когда-либо

встречал в жизни.

У Меи еще сильнее зашумело в ушах, словно лес ожил в голове. Карл-Юхан прижался лбом к ее лбу и улыбнулся глазами.

— Ну, что скажешь? Поехали?

Мея вся дрожала от радости. Язык не слушался. Она смогла лишь кивнуть.

* * *

Утром, когда туман немного рассеялся, он смог обследовать небольшое болотце, пройдясь вдоль края. Всю дорогу назад в машине стоял не самый приятный запах. Сапоги и брюки были испачканы красной глиной и мхом.

Добравшись до дома, Лелле первым делом разулся у перил террасы. Выпрямившись, он увидел, что входная дверь приоткрыта. Через щель разглядел в полумраке стоявшую в прихожей обувь, половик на полу... Пульс резко участился, и рука машинально легла на спрятанный за поясом пистолет. В одних носках он поднялся на крыльцо, прислушался и, прищурившись, осмотрел замок, но не обнаружил на нем никаких следов взлома. Боком протиснулся внутрь, стараясь двигаться как можно тише. Может, сам забыл запереть дверь? Неужели чертова память снова подвела его?

Сделав несколько шагов, он почувствовал слабый запах женских духов и насторожился — откуда ему тут взяться? На цыпочках прошел через прихожую мимо кухни, все так же крепко сжимая рукоятку «беретты». Попытался прислушаться, но слышал только стук своего сердца и свое же тяжелое дыхание. Аромат духов стал сильнее. Он повернул за угол и увидел, что из-под закрытой двери его кабинета пробивается свет. Немного постоял, схватился за ручку одной рукой, а второй поднял оружие. Рывком распахнув дверь, увидел двигавшуюся тень на стене, а потом силуэт. Раздался испуганный крик, и две белые ладони взметнулись вверх.

— Лелле!

— Что ты, черт возьми, делаешь здесь?

Он опустил «беретту» и изумленно уставился на Анетт. Та воспользовалась своим ключом, который так и не вернула ему, несмотря на его просьбы. Бледная, с разметавшимися по плечам волосами, она стояла рядом с обильно утыканной булавками и обклеенной стикерами картой

Вестерботтена и Норрботтена, висевшей на стене.

Немного придя в себя от испуга, Анетт всплеснула руками:

— Зачем ты наставил на меня пистолет? Ты что, действительно сошел с ума?

— Прости, я думал, кто-то вломился ко мне.

— Я звонила, но ты не открыл.

— То есть, по-твоему, ты можешь заявляться сюда, когда захочешь? Ты здесь больше не живешь, Анетт. Я хочу, чтобы ты вернула ключ.

Она подняла подбородок, посмотрела на бывшего мужа и сжала кулаки. Ее взгляд скользнул по его задубевшей от пота футболке, упал на рваные носки.

— Где ты был? Ты ужасно выглядишь. От тебя воняет.

— Я искал нашу дочь. Но и ты выглядишь далеко не лучшим образом.

Лелле поставил «беретту» на предохранитель и положил на книжную полку. Он боялся держать пистолет в руках, когда злился.

Анетт молча смотрела на него, у нее были красные глаза, словно после рыданий. Она повернулась к карте:

— Что это?

— А что это, по-твоему, напоминает? Это карта, дорогая.

— А для чего булавки?

— Ими помечены места, где я уже искал.

Она прижала кулак к губам, перестала дышать, но не плакала, а просто стояла неподвижно и, казалось, целую вечность таращилась на карту. Потом медленно повернула голову и снова посмотрела на него.

— Я пришла сюда сказать, что ты можешь прекратить свои поиски, — пробормотала она. — Лины больше нет. Она мертва.

* * *

Мея залезла в свой рюкзак в поисках подходящего наряда. Ей стало стыдно, что у нее так мало одежды. Пара застиранных джинсов и четыре выгоревших футболки. Носки неподходящего цвета. Сколько она себя помнила, ее всегда раздражало, что она постоянно ходит в одном и том же. И вдобавок выглядит грязной.

Но Карл-Юхан сидел на ее кровати, и его глаза светились от восторга.

— Ты прекрасна такая, какая ты есть, — сказал он.

Силье и Торбьёрн уже переместились в спальню, когда они спустились

на первый этаж. Собака сидела перед закрытой дверью и с грустной миной скребла лапой. Телевизор работал, но все равно не заглушал происходившее в спальне. Мея поспешила в прихожую.

— Ты не должна сказать, что мы уезжаем?

— Они ничего не заметят.

Указатель с названием «Свартшё» смотрел прямо в лес, а дорога представляла собой две глубокие колеи, разделенные полосой из травы. Ели стояли так близко, что ветки царапали боковые стекла. Просто не верилось, что впереди могло находиться какое-то жильё.

На лобовом стекле появились первые капли, и вскоре дождь стал настойчиво бомбардировать лес. Карл-Юхан, тихо насвистывая что-то, держался за руль так небрежно, будто машина сама знала, куда ей двигаться. Время от времени он косился на Мею и улыбался. Казалось, он хотел убедиться, что она действительно сидит рядом.

Мея пыталась сохранить непроницаемое выражение лица, чтобы не выдать творившееся у нее на душе. Она всегда сильно волновалась, когда ей надо было переступить чужой порог. Настоящие семейные дома были для нее незнакомыми мирами, она не знала, какие там действуют правила, потому что привыкла к матрасу, лежащему прямо на полу, к отсутствию туалетной бумаги в сортире и пустым кухням, если они вообще были. У них с Силье никогда не было ничего похожего на настоящий семейный дом. У Карла-Юхана все было иначе, и он, похоже, гордился своим домом.

Они подъехали к высоким воротам, сваренным из металлических балок. Сверху красовалась сделанная красками надпись «*Добро пожаловать в Свартшё*».

Мея глубже вжалась в сиденье, пока Карл-Юхан открывал створки.

— Какие огромные, — сказала она.

— Эти ворота поставили мы с братьями. Все, что ты увидишь в усадьбе, мы построили сами.

Лес расступился перед ними, впереди показался луг, на котором паслось множество коров. Чуть дальше, у леса, огромный, покрашенный красной краской дом с покрытой гравием площадкой перед ним. По сторонам были разбросаны хозяйственные постройки. Мея почувствовала зуд в животе, она и не представляла, что люди могут так жить.

Карл-Юхан показал ей конюшню и псарню; собаки, опираясь передними лапами на решетку, громко лаяли. Большое, как теннисный корт, картофельное поле пестрело молодыми всходами.

— Из-за леса не видно, но там, подалее, начинается болото, — сказал

парень.

— Как здорово здесь у вас...

Мея положила руки на живот, и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Она ненавидела встречаться с чужими родителями. Холодок пробегал по коже от их оценивающих взглядов. Особенно старательно лезли в душу мамыши.

«Чем занимаются твои родители?»

«Моя мама художница».

«Художница? Вот как. И что она рисует?»

«Она рисует картины».

«Среди них есть известные, пожалуй?»

«Я так не думаю».

«А твой папа? Чем он занимается?»

«Я не знаю».

«Ты не знаешь, где работает твой папа?»

«Он не живет с нами».

На этом расспросы обычно прекращались. Хуже всего обстояло дело, если они уже знали, что представляла из себя Силье. Тогда вообще никаких вопросов не задавалось.

* * *

Лелле смотрел в пол, лишь бы не видеть изможденное лицо Анетт. Но он слышал ее прерывистое дыхание, слышал, как она хлюпала носом.

— Первые два года я чувствовала ее, чувствовала, что она жива. Какая-то теплота появлялась в груди, когда я думала о ней. Но теперь ничего такого больше нет, словно огонь погас.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Анетт сделала несколько шагов к нему, обняла и прижалась щекой к плечу:

— Она мертва, Лелле. Наша дочь мертва. Я чувствую это с зимы. Что-то внутри меня сломалось... Я не могу объяснить это, но знаю, что все так и есть: Лина мертва.

— Не хочу слушать подобную чушь!

Он попытался отступить назад и вырваться, но Анетт прижалась мокрым от слез лицом к его футболке и вцепилась в кожу пальцами. В конце концов он перестал сопротивляться, затем обнял ее. Сначала слабо,

но потом обнимал все крепче и крепче, словно от этого зависела их жизнь. Он не мог вспомнить, чтобы они обнимались так раньше, словно их что-то разрушило изнутри.

Когда Анетт подняла лицо, он поцеловал ее, не раздумывая. Ее кожа имела слабый привкус соли из-за слез. Анетт суетливо начала срывать с него одежду, рывком расстегнула молнию на брюках, и он понял, что сам хочет близости. На полу Анетт обвила его ногами вокруг талии, и он вошел в нее. По ее щекам продолжали бежать слезы. Ногти Анетт глубоко вонзались в кожу, причиняя боль, и именно это — боль — требовалось ему сейчас больше всего. Боль.

Потом они лежали рядом и передавали друг другу сигарету. Солнце, словно ухмыляясь, заглядывало внутрь сквозь жалюзи и раскрашивало полосами их обнаженные тела.

Анетт провела пальцем по его ребрам:

— Ты похудел.

— Не бери в голову, мне нормально живется.

— Ты худой и грязный, да и спишь слишком мало. Ты убиваешь себя.

Она встала и начала одеваться. Лелле смотрел на покрытую веснушками кожу над ее грудью и подумал, что хочет снова прижаться к ее телу. Бедра горели от царапин. Что означает их близость? Может, она решила вернуться домой и собралась рассказать об этом Томасу? Или случившееся следует держать в тайне? Ему хотелось, чтобы она осталась, но в то же время он знал, что они не смогут быть вместе. Внезапно он почувствовал страшную усталость и подумал, что сейчас заснет голый на полу.

Анетт вышла, и вскоре он услышал, как она разбивает яйца на кухне; запыхтел перколятор, зажурчало радио. Потом до него долетел запах кофе, и Анетт позвала его есть.

Когда Лелле появился на кухне, она подняла жалюзи, и кухня утонула в лучах яркого света. На какое-то мгновение ему показалось, что все стало как прежде. Лина нежится в кровати на втором этаже, Анетт сейчас пойдет, встанет на лестнице и позовет ее. Солнце словно подтверждало, что ни о каких бедах и речи не идет.

Но когда Анетт наливала кофе, он увидел морщинки, нарисованные скорбью у ее рта. Она села напротив него, на то самое место, где и сидела обычно. Только теперь она явно чувствовала себя неуютно. На столе между ними дымился омлет. Лелле тошнило от голода, когда он воткнул в него вилку.

— Не сердись, но я имела в виду именно то, что сказала: я уверена, что

Лины больше нет.

— Это не играет никакой роли. Я все равно не сдамся, пока не найду ее.

* * *

Дома у Карла-Юхана все было отделано деревом и доминировали теплые тона. Уже на пороге Мею встретил пряный запах копченого мяса и сушеных трав. С ней поздоровалась женщина в переднике. Более смуглая и худая, чем Карл-Юхан, она имела те же мелкие черты лица. Улыбнулась, не показывая зубы, и обветренными руками затеребила лежавшую на плече серебристую косу.

— Ты, должно быть, Мея? Очень приятно познакомиться. Меня зовут Анита.

Она провела их на кухню, где сидел мужчина и чистил какое-то оружие, разобрав на детали. Его глаза напоминали узкие щелки, когда он поднял их на Мею. Окинул ее взглядом сверху донизу, словно снимал мерку, и Мея почувствовала, как у нее сначала защипало кожу, а потом все тело вспыхнуло огнем.

— И кто это у нас тут? — спросил он и показал на нее грязной тряпкой, которую держал в руке.

— Это Мея, — ответил Карл-Юхан, — моя девушка.

— Мея... Значит, я много слышал о тебе.

Биргер поднялся и раздвинул губы так, что Мея смогла увидеть черные бреши между его зубами. Он выглядел старым, даже, пожалуй, чересчур, чтобы иметь сына такого возраста, как Карл-Юхан, но еще достаточно крепким и сильным, в чем Мея убедилась, когда он пожал ей руку.

Ее угостили холодным молоком и ржаными булочками. Домашним черничным вареньем, окрашивавшим губы чуть ли не в черный цвет. Биргер рассказал об усадьбе и землях вокруг. Вековой лес и болото, пара озер. Хватает ягод, грибов и рыбы. По его словам, они смогли бы накормить целую деревню, и «с этой стороны все только улучшается». Анита стоя чистила корнеплоды с таким усердием, что ее худые плечи тряслись. Она особо не участвовала в разговоре. Да и Карл-Юхан тоже. Он просто сидел с блестящими глазами, крепко обняв Мею одной рукой. Свет падал ему на шею, и в его лучах проявлялись прятавшиеся близко под кожей вены. Тонкие, синие. Мее казалось, что она видела, как они

пульсируют.

— Карл-Юхан говорил, что ты приехала с юга, — сказал Биргер.

— Я родилась в Стокгольме, но мы жили везде понемногу.

— Мне тоже пришлось часто переезжать в молодости. Мои родители не могли заботиться обо мне, и я кочевал из одной приемной семьи в другую. Так нигде и не пустил корни. Растить в подобных условиях непросто, зато закаляешься и душой и телом. Именно поэтому я хочу дать моим сыновьям то, чего никогда не имел сам. Надежную крышу над головой. Спокойное существование.

Мее нравился его голос. Как он вибрировал, заполняя все пространство кухни. Морщинки, из-за которых создавалось впечатление, что Биргер наслаждается разговором, да и, наверное, своей жизнью.

Он подвинул к ней тарелку с булочками:

— Не стесняйся, ешь больше.

На кухне пахло едой и чистящим средством. Все поверхности блестели. Мея не заметила ни одной пустой бутылки или пепельницы. Древние часы тикали в углу. Плита имела темные железные дверцы для дров, на полке перед ней животом вверх лежал кот и таращился на них. Вокруг царил непринужденная атмосфера. Мея почувствовала, как ее мышцы расслабились.

— Ты должен показать ей животных, — сказала Анита, когда они попили кофе. — У нас есть новорожденные телята и козлята.

Вечернее солнце пылало над хлевом и лугом, где пасся скот. Они взялись за руки и направились в ту сторону. Ладони у Карла-Юхана были шершавыми. Под жужжание комаров он вел ее по пахучему разнотравью и представлял животных, как будто те были людьми. *Агда, Индра, Тиндра и Кнут. А это Алгот, но с ним надо держаться настороже.* Мея гладила теплые бока, телята касались ее рук мягкими губами, когда она кормила их сеном. Смешные козлята выписывали круги на своих еще слабых ножках, и Карл-Юхан обнимал их, как если бы это были домашние любимцы вроде котиков или собак.

— У вас здесь рай, — сказала Мея, когда они сидели, прислонившись спиной к стене хлева.

Было поздно, но до ночи еще далеко. Карл-Юхан вытаскивал соломинки из ее волос, и она вдруг подумала: а как это — проснуться рядом, да еще в таком красивом месте?

В тишине еле слышно заскрипела дверь, и скоро они увидели высокий силуэт, двигавшийся в сторону леса. Это был Ёран, старший из братьев. В

руках спиннинг. Словно почувствовав их взгляды, он обернулся и приветственно поднял удочку над головой. Мея и Карл-Юхан помахали в ответ.

— Он не может спать при свете, поэтому ловит рыбу на завтрак для нас всех.

— Рыбу на завтрак?

— Это ужасно вкусно. — Карл-Юхан поднялся, отряхнул джинсы и подал ей руку. — Заночуй здесь, сама увидишь.

* * *

Лелле проснулся на диване в гостиной. Снаружи звенел смех соседских детей, и понадобилось время, чтобы вернуться в реальность. Тело болело, когда он поднялся и направился на кухню. И только увидев сковороду в раковине, он вспомнил, что к нему приходила Анетт. В ушах снова зазвучал ее голос: *Лина мертва*, — и он потряс головой, пытаясь избавиться от неприятного воспоминания. Анетт всегда отличалась излишней суеверностью.

Сполоснул лицо и рот холодной водой. Из окна виднелись пустые садовые качели, он слышал, как цепи звенели на ветру. Целую вечность назад там сидела Анетт и водила над выпирающим животом подвешенным на цепочке обручальным кольцом.

— *У нас будет девочка, Лелле.*

— *Почему ты так уверена в этом?*

— *Я просто знаю.*

Лелле вытер лицо одним из кухонных полотенец и скосился на дверь кабинета. Корешки книг таращились на него из полумрака. Неужели они действительно лежали там вдвоем на полу?

Входная дверь была заперта, когда он пошел за газетой. Мокрый гравий хрустел под ногами. В почтовом ящике блестел ключ Анетт. Уехав от него, она отказывалась вернуть ключ, вероятно потому, что не могла полностью разорвать отношения. Собственно, дело было не в нем, а в доме. В доме, где выросла Лина... Но сейчас ключ лежал, поблескивая в почтовом ящике. *Лина мертва*.

Вернувшись на кухню, он вспомнил, как дочь шутила по поводу того, что он по-прежнему отдает предпочтение печатным изданиям. *Никто не читает газеты теперь, папа*. Он как наяву увидел Лину на ее обычном

месте за столом и даже, казалось, услышал ее пронизанный саркастическими нотками голос. Пахнувшая типографской краской газета полетела на столешницу. Словно Лина и правда сидела там, а он хотел позлить ее в ответ. *Это настоящая газета, а не какой-то чертов дисплей!*

В глаза бросился заголовок:

Исчезновение 17-летней девушки — полиция не исключает преступления

Полиция и общественность ищут 17-летнюю девушку, в ночь на воскресенье исчезнувшую из расположенного около Арьеplug лагеря. Пропавшая жила вместе с подругой в этом популярном месте вблизи Серебряной дороги. По словам подруги, девушка покинула палатку рано утром, но так и не вернулась. Подруга обратилась в полицию, и все воскресенье район обыскивали добровольцы и силы местной самообороны.

«На данный момент мы не можем исключить преступления и крайне заинтересованы в любой информации от общественности», — сказал Матс Ниemi из полиции Арьеplug.

У девушки светлые волосы и голубые глаза, рост 156 сантиметров. При исчезновении на ней были черная футболка с длинным рукавом, черные джинсы и белые кроссовки фирмы «Найк».

Лелле перечитывал заметку снова и снова, пока строчки не стали сливаться. Кофе жгло глотку. Он поднялся и принялся выхаживать между раковиной и столом. Соседские дети все еще играли за окном, но он больше не слышал их голоса. Почувствовав тошноту, наклонился над раковиной. Его рвало горячим кофе и желчью. Спина вспотела, руки начали дрожать. Когда живот отпустило, он сел на пол, зажал кулаками глаза и закричал.

* * *

Хассан был единственным, с кем он хотел общаться сегодня. Не только сегодня — так было уже давно.

— В чем дело, Лелле?

— Ты слышал?

— Слышал что?
— О семнадцатилетней девице, исчезнувшей в Арьеплуге?
Долгий выдох смешался с шумами полицейской рации.
— Еще слишком рано делать какие-то выводы.
— Уверен?
— Поиски по-прежнему идут полным ходом.
— Мне кажется, они не найдут ее. — Лелле услышал, как его голос задрожал. — Боюсь, все будет как с Линой.
— Я понимаю это, — сказал Хассан, — но пока еще нет оснований думать так...
— У них одинаковый рост, — перебил его Лелле, — до сантиметра. Он сам услышал, как это звучит, но ничего не смог поделать с собой.
— Здесь совсем другие обстоятельства, — сказал Хассан. — Многие указывает на то, что ее парень замешан.
Лелле устало рассмеялся. Почувствовал горький привкус во рту.
— Когда Лина пропала, вы, напомню, обвиняли меня. И чем все закончилось?
— Успокойся, Лелле...
— Я спокоен! Просто хочу быть уверенным, что полиция делает свою чертову работу. Не знаю, заметили ли вы, но, судя по описанию, девица похожа на Лину один в один. И обе исчезли вблизи от Серебряной дороги. По-вашему, это всего лишь совпадение?
— Пока слишком рано говорить о чем-то, и я не хочу толочь воду в ступе. С момента исчезновения прошли только сутки, еще велика вероятность найти ее.
Лелле закрыл лицо руками, щеки стали мокрыми от слез.
— Вы ее не найдете.
— Я очень надеюсь, что ты ошибаешься.
— Я тоже.

* * *

Мея была одна, когда проснулась. Простыня еще хранила запах Карла-Юхана. Закрывавшие окно ставни почти не пропускали свет. Она прищурилась, пытаясь разглядеть в полумраке свою одежду и мобильный телефон. Аккумулятор сел. Электронные часы на тумбочке показывали половину восьмого. Он всегда встает так рано? Стены украшали

фотографии боевых самолетов. Около окна стоял письменный стол, на нем громоздилась старая пишущая машинка, рядом лежала стопка книг. Мея оделась, подошла и провела пальцем по черным клавишам, остановилась на букве «С».

— Ты не спишь?

Карл-Юхан приоткрыл дверь. Она не могла видеть его лица, поняла только, что парень улыбается. Вошел в комнату и привлек ее к себе. От его одежды пахло сеном и животными. Волосы были влажными от пота.

— Ты хорошо спала?

— Здесь темно...

Карл-Юхан подошел к окну и открыл ставни, впустив внутрь серый дневной свет, сразу резанувший глаза. Взял ее за руки:

— Ты голодна? Хочешь позавтракать?

Все семейство сидело на кухне, когда она и Карл-Юхан спустились к ним. Биргер и Анита и два брата. Они с любопытством смотрели на Мею, когда та села. Мея расчесала волосы пальцами и уставилась на стол. Там было много всего: свежеиспеченный хлеб, от которого поднимался пар, когда в него вонзали нож, сыр трех сортов, ветчина, сваренные вкрутую яйца с пятнистой скорлупой. Молоко пенилось в кувшине.

— Все наше собственное, — сказал Биргер. — Более свежей еды просто не существует.

Мея почувствовала, как у нее от голода засосало под ложечкой.

— Карл-Юхан сказал, что вы обычно едите рыбу по утрам.

— И такое бывает. Ёран ловит ее для нас по ночам.

Ёран навис над столом, уронив руки на темную деревянную поверхности.

— Сегодня ночью не клевало.

Пер, сидевший рядом с ним с набитым ртом, ухмыльнулся и кивнул на Карла-Юхана:

— Этой ночью только у него клевало. — Крошки полетели через стол, когда он рассмеялся.

Карл-Юхан шутливо замахнулся на брата ножом для масла. Анита, чьи волосы снегом покрывали плечи, запротестовала. Женщина не могла усидеть на месте: бегала постоянно между кухонным столом и плитой, наливала кофе и мыла посуду. Каждый раз, когда она смотрела на Мею, на ее лице появлялась улыбка. Солнце и ветер хорошо поработали над ней, наградив своеобразной красотой. Мея подумала, что ей хотелось бы выглядеть так же, когда она достигнет пожилого возраста, — цветущей и

свежей.

— Твоя мама конечно же знает, где ты? — спросила Анита.

— Ну... вообще-то да. Догадывается. Мой телефон сел, я не могу позвонить.

— Я не поклонник мобильных, — строго произнес Биргер. — Это просто один из способов правительства и других структур власти контролировать нас.

Размешивая сахар в кофе, Мея почувствовала, как пальцы Карла-Юхана приземлились на бедро. Ей стало щекотно.

— Это приманка, — продолжал Биргер. — Они делают молодежь зависимой от необходимости постоянно находиться в контакте с миром. И одновременно над сосунками устанавливается полный контроль. Вас могут видеть, слышать, снимать. Все ваши перемещения отслеживаются.

Глаза Биргера напоминали пятна воды на замерзшем озере, когда он смотрел на нее. Две полыньи, притягивающие взгляд. Мея почувствовала, как футболка прилипла к телу под мышками. Свежий хлеб стал застревать в горле.

— И кто такие — эти «они»? — спросила она.

Ёран и Пер фыркнули, но Биргер перестал улыбаться.

— В том-то и проблема, — сказал он. — Они точно знают все о тебе, в то время как ты ни черта не знаешь о них.

* * *

Карл-Юхан притянул Мею к себе и поцеловал. Сквозь дождь она видела дом Торбьёрна, струи воды хлестали по темным доскам. Руки Карла-Юхана сжали запястье Меи.

— Не грусти. Мы увидимся вечером.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он уехал. Несмотря на ливень, Мея некоторое время стояла на раскисшем проселке и смотрела вслед, пока машина не исчезла за деревьями.

С нее капала вода, когда она появилась на кухне. Собака радостно запрыгала, захлестала хвостом по мокрым джинсам. Торбьёрн рыкнул на псину, чтобы успокоилась, и протянул Мее полотенце.

— Где ты была? — без улыбки спросил он. — Мы уже собирались

звонить в полицию,

— В Свартшё. С Карлом-Юханом.

С полотенцем на шее Мея протиснулась мимо Торбьёрна, ища взглядом Силье. Мать сидела и рисовала карандашами. Пока ее не было, мать покрасила волосы. Черные, как воронье крыло, локоны падали на плечи, придавая Силье совсем уж болезненный вид. Худые руки утопали во фланелевой рубашке Торбьёрна. Она не оторвала взгляда от листа бумаги, который держала перед собой:

— Неужели трудно позвонить? На твой телефон уходит куча денег, а ты даже не соизволила им воспользоваться!

— Аккумулятор сдох.

— Торбьёрн чуть с ума не сошел. Видела бы ты его. Он не спал всю ночь.

Мея покосилась на Торбьёрна. Немытые волосы торчали по сторонам вокруг лысины. На руках появились кровавые ссадины, словно он царапал себя.

— Ночью пропала девушка, — сказал он. — Само собой, всякие мысли лезут в голову.

При виде грязной посуды и лежавшего на полу черного мешка для мусора, набитого пустыми банками и бутылками, Мея всплеснула руками. Скривилась от паров пива и кислого запаха окурков. И тут же вспомнила кухню в Свартшё, как там все блестело и благоухало. Эта мысль придала силы. Она повернулась к Торбьёрну и вперилась в него взглядом:

— Я думаю это не обо мне вам следует беспокоиться.

* * *

Он увидел ее лицо по телевизору в новостях. Ханна Ларссон. Красивая блондинка с подведенными черной тушью глазами. Голубая палатка стояла рядом с блестящим, как зеркало, озером. Девушка настолько напоминала Лину, что у Лелле перехватило дыхание. Острая боль в груди, мучившаяся его периодически, снова вернулась, и он наклонился вперед, прижав кулак с левой стороны. Анетт давно предлагала ему показаться врачу, но он знал, что никакие лекарства не помогут, ведь причиной являлась скорбь, поселившаяся в его сердце.

Когда он поднял голову, перед камерой стояли родители Ханны. На бледных лицах написан страх. Отец срывающимся голосом молил с экрана

сообщить любую информацию. Все это было настолько знакомо, что вызвало новую вспышку боли. Счастливы те, кому не довелось испытать чувство полной беспомощности, возникающее при потере собственного ребенка... Мать пропавшей девочки не могла произнести ни слова. Когда вклинилась реклама, Лелле трясло как в лихорадке.

Внезапно он почувствовал взгляд Лины со стороны камина, вздрогнул и обернулся. Лина улыбалась с фотографии. *Только не сиди на месте, папа. Делай что-нибудь!* Он побродил по комнате и постарался восстановить дыхание, потом направился в прихожую, надел сапоги и куртку фирмы *Fjallraven* с огромным капюшоном, который надежно защищал от комаров. Похлопал себя по груди, убедился, что пачка сигарет и зажигалка на месте, и вышел наружу, даже не позаботившись запереть дверь. Уже вечерело, но солнце пока что висело высоко над верхушками елей, и он почувствовал, как на него наваливается печаль. Пахло свежескошенной травой и жареным на гриле мясом. Соседские дети прыгали на батуте с другой стороны кустов черной смородины. Растрепанные волосы взметались к небу. Он бы все отдал, лишь бы снова увидеть свое дитя.

Бедные родители...

Как можно жить дальше?..

Если бы все-таки нашли тело...

Лелле не собирался заниматься поисками чужого ребенка. Природа дарила слишком мало белых ночей, чтобы транжирить их. Летом каждая минута дорогого стоила. Но машина сама, вопреки его воле, повернула на север, к месту, где исчезла новая девушка.

* * *

У лагеря было полно народу. Лелле припарковался на поросшей травой площадке и почувствовал, как сердце сжалось при виде царившего вокруг хаоса. Белые, с синими и канареечно-желтыми вставками автомобили полиции, издаലെка бросавшиеся в глаза куртки сотрудников, вертолет, привлекающий внимание зловещим грохотом. И все это на фоне восхитительного пейзажа, в котором доминировало раскинувшееся насколько хватало глаз и ярко сверкавшее в лучах вечернего солнца озеро. Вдалеке, за вековым лесом, к небу вздымались горы, словно врата в другой мир. Лелле почему-то всегда становилось трудно дышать, когда он проезжал это место. Каждый раз начинала болеть душа.

Он натянул капюшон и направился мимо красных домишек к берегу, где стояла окруженная сине-белой оградительной лентой палатка. Волнение все больше охватывало его. Какой-то мужчина снимал палатку на камеру мобильного телефона, но к нему подошел полицейский и отогнал. В воде покачивалась красная лодка, человек в темном гидрокостюме держался за ее корму.

— Они прочесали все вокруг по нескольку раз, — сказал голос над ухом Лелле, — и, слава богу, ничего не нашли.

Он оторвал взгляд от поверхности озера и посмотрел на женщину, стоявшую рядом с ним. Она была одета в желтый жилет с отражателями и держала в руках записную книжку.

— Мы сейчас снова пойдем цепочкой. Если хочешь, присоединяйся. Мы будем рады помощи от любого.

Лелле молча кивнул. Женщина что-то записала в своем блокноте и показала в сторону берез, где уже собралась довольно большая группа. Кажется, она хотела узнать его имя, однако он не ответил — не слышал ее вопроса, потому что у него заложило уши.

Участок, который им требовалось обследовать, был сплошь покрыт густыми зарослями кустарничков и высокой травы, и ему приходилось высоко поднимать ноги, словно он шел по глубокому снегу. Справа от него пыхла пожилая женщина, а слева был мужчина, без умолку сыпавший рассказами о том, как в армии он был егерем и как им приходилось справлять большую нужду в лесу, где полно комаров. *Всю задницу съели.* Лелле молча двигался вперед, смотря себе под ноги; по долетавшим, как сквозь вату, крикам он пытался понять, насколько удачно проходили поиски. В воздухе витал тяжелый запах отчаяния. Голова раскалывалась. Точно так же они искали Лину три года назад, а потом перестали этим заниматься. Он злился на людей, а к некоторым испытывал лютую ненависть. Из-за бестактности, из-за попыток в качестве утешения похлопать его по плечу, словно он был животным. Не найдя его дочь, все эти люди вернулись к своим детям и продолжили жить обычной жизнью. До сих пор он не мог смотреть на людей так, как раньше.

К тому моменту, когда поиски закончились, у него прорвалась мозоль, и пропитанный кровью носок прилип к обуви. Им так и не удалось найти никаких следов исчезнувшей девушки. Ноги не гнулись, когда он шел назад к своей машине. Над озером висел легкий туман, и у воды по-прежнему двигались тени. Вокруг царила тишина. Ни криков, ни собачьего лая, люди ходят, понуро опустив голову. И это было ему хорошо знакомо, отчего стало совсем невмоготу.

Лелле едва не упал, споткнувшись о корягу, а когда выпрямился, увидел отца пропавшей девушки. Седые волосы, аккуратно зализанные во время телепередачи, сейчас стояли торчком, и все равно Лелле сразу узнал его. Он хотел пройти мимо, опустив голову, но не смог. Прошел через заросли и встал перед ним. Они смотрели друг на друга, и Лелле лихорадочно пытался найти нужные слова. Он услышал, как назвал собственное имя. Откашлялся, собираясь с духом.

— Моя дочь исчезла три года назад, — сказал он. — Если кто-то понимает, что ты чувствуешь сейчас, то именно я.

Отец Ханны Ларссон молча моргнул в ответ, его глаза стали белыми от ужаса. Лелле увидел это, и ему стало стыдно.

— Я есть в телефонном справочнике, если ты захочешь поговорить.

Больше он ничего не смог добавить. Он увидел, что своим появлением испугал мужчину, что тот узнал его. Пожалуй, видел в новостях, когда все только произошло с Линой и надежда на счастливый исход была еще велика. Прошло три года, и уже ничто не внушало ее. Опыт Лелле был кошмарным, никто бы не пожелал себе такого.

Вернувшись в машину, он какое-то время сидел, уронив голову на прохладный руль, и рыдал без слез. Его мучила совесть. Он стыдился того, что среди всеобщего отчаяния ему внезапно улыбнулась надежда. Он почему-то решил, что новое исчезновение изменит все.

* * *

— Ты не могла бы одеться?

Силье лежала в шезлонге. Белый треугольник на месте сбритых лобковых волос светился в лучах вечернего солнца. На поросшей травой кочке стоял бокал с вином, рядом — цветок из окурков, которые она сминала прямо о землю.

— Здесь такой воздух, что одежда ощущается лишней.

В ее голосе появились оттенки, предупреждавшие, что приступ мог произойти в любую минуту. То, что она покрасила волосы в черный цвет, было только началом. Мея подумала о докторе Роосе. Может ли он выписать лекарство? Или теперь, когда они переехали, Силье придется искать нового врача? В такой глуши вряд ли есть психушка, не говоря уже о центре экстренной психиатрической помощи.

Она провела у себя под носом сигаретой Силье, вдохнула запах табака:

— Я бросила курить.

— Почему?

— Поскольку это отвратительно и поскольку я обещала Карлу-Юхану. Силье закурила новую сигарету и выпустила дым в направлении Меи.

— Его действительно так зовут? — усмехнулась она. — И у него нет никакого прозвища, которое произносилось бы легче?

— А что не так с Карлом-Юханом?

— Слишком уж это имя претенциозное, тебе не кажется?

— Я считаю его очень красивым.

— Ты не должна делать все в угоду этому парню. Мужчинам необходимо сопротивление, иначе они устают от нас.

— Я не нуждаюсь в твоих советах.

Силье неловко подняла бокал, расплескав часть содержимого на траву. Наклонилась вперед и погладила Мею по волосам свободной рукой. Улыбнулась между облачками дыма:

— Моя маленькая умненькая Мея, ты не нуждаешься в моих советах и тебе не нужен никакой мужчина. Ты прекрасно можешь справляться сама, я всегда это говорила.

Мея отвернулась, чтобы мать не смогла дотянуться до нее со своими нежностями. Красное вино делало Силье сентиментальной.

— Карл-Юхан не такой, как все другие парни. Он действительно любит меня. По-настоящему.

— Вы спите друг с другом?

Мея сломала незажженную сигарету на две части, на джинсы посыпался табак.

— Это не имеет никакого отношения к делу.

— Я знаю, что тебе не хочется верить в это, но я твоя мать.

Они услышали шум мотора раньше, чем увидели автомобиль. Мея потянулась за лежащим на траве одеялом и поспешно набросила на Силье. Когда Карл-Юхан подъехал на своем «вольво», она уже стояла у дороги.

— Куда ты? — крикнула Силье.

— Я собираюсь праздновать Янов день в Свартшё, у Карла-Юхана.

Силье стряхнула пепел на траву и протянула руки:

— Если ты будешь отсутствовать все выходные, я бы хотела обнять тебя.

Мея сочла, что лучше не спорить — не дай бог, мать выкинет очередной фортель. Под руками матери покорно вдохнула запахи табака и краски для волос. Силье отодвинула ее от себя, подняла солнечные очки, и их взгляды встретились.

— Ты не такая, как я, Мея. Помни об этом. Тебе не нужен мужик, чтобы выжить.

* * *

Он вернулся в Арьеplug следующим вечером. Палатки уже не было, а в лагере установили «Шест обещаний» к Янову дню. Лелле избегал людей, исчез в зарослях и в одиночку занимался поисками. Он сдался, только когда от озера начал подниматься туман.

Усталость, сигаретный дым, бьющее в глаза низкое солнце сыграли с ним дурную шутку — проезжая Лонгтреск, он не увидел северных оленей. Вернее, увидел, но слишком поздно. Олени стояли вразброс на дороге, еще с ключьями зимнего меха на боках, из-под кожи выпирали ребра. Лелле инстинктивно вывернул руль, но ему не удалось избежать столкновения. Он услышал глухой звук и почувствовал удар. Мотор продолжал работать, и, дрожа от испуга, он наблюдал, как все стадо сорвалось с места. Недокуренная сигарета выскользнула из руки, упала на приборную панель перед лобовым стеклом и продолжила тлеть. Он взял ее трясущимися пальцами и вылез из машины.

На асфальте темным пятном выделялась туша. Четырехлетний самец, судя по размерам. Лелле громко выругался в тишине, когда увидел, что олень еще дышит. Грудная клетка периодически поднималась, на остатках белого зимнего наряда виднелись красные полосы крови. Ничего другого не оставалось. Лелле принес пистолет из бардачка, снял его с предохранителя и через несколько шагов оказался около раненого животного. Глаза оленя смотрели на него, когда он прижал ствол ко лбу и спустил курок. Конечности несколько раз дернулись, и все закончилось.

Сунув оружие за пояс, Лелле крепко схватился за задние ноги прямо над копытами. Ему стоило труда подтащить мертвое тело к канаве и столкнуть в нее. На дороге остался кровавый след. Он достал полотенце из багажника и вытер руки, пытаясь восстановить дыхание. Обследовал капот — вроде бы автомобиль выглядел неповрежденным. Как долго он сможет ездить, Лелле особо не заботило. Главное, чтоб не подвел, пока он в состоянии искать Лину. В лесу щебетали птицы, словно ничего не случилось, но стоило сесть за руль, холодная дрожь пробежала по телу, и он беззвучно заплакал.

Янова ночь окрасила лес и луга голубым цветом. Черные тучи комаров с громким жужжанием танцевали над дикими цветами. Ранее, днем, они зарезали свинью. Мея не видела этого, но слышала предсмертный визг, потом еще долго стоявший у нее в ушах. На склоне холма, где все происходило, осталась темная лужа крови, на которую сразу слетелись мухи. А потом мясо жарили на вертеле над костром. «Шест обещаний» отбрасывал длинную тень, украшали его венки, сплетенные Анитой. Биргер заставил всех водить хороводы, отчего сейчас болели бедра. Они не выпили ни капли алкоголя за весь вечер. И вот теперь Мея лежала щекой на грудной клетке Карла-Юхана. Она могла слышать стук его сердца.

— По-моему, я никогда не смеялась так много за всю мою жизнь, — сказала она.

— Я тоже.

Языки пламени вздымались к небу, отгоняя комаров. Биргер и Анита давно удалились, пожелав всем доброй ночи. Но молодежь не собиралась спать. За полночь у Пера развязался язык, и он беспрестанно нес какую-то ерунду о конце света. Мея не слушала его толком, все ее внимание было поглощено Карлом-Юханом. Она рисовала невидимые круги кончиками пальцев на его коже, считала родимые пятна на руках, щекотала мочку уха соломинкой, а он смеялся и еще крепче обнимал ее.

— Все начнется с ядерного оружия, — сказал Пер. — Чертова бомба убьет половину мирового населения. Останутся только сильные и подготовленные выживать. И мы начнем все сначала. Будем учиться на собственных ошибках. — Блеск его глаз мог поспорить с пламенем костра. — Или природа постарается погубить нас. Пожалуй, проснется супервулкан в Йеллоустоуне или что-то другое запустит в действие весь механизм. Оставшиеся в живых узнают, что произошло. Но, как бы все ни началось, будет война. Самая кровавая в истории человечества.

Он заявил это таким тоном, словно страстно мечтал о чем-то подобном. Голос дрожал от возбуждения. Он несколько раз ударил локтем Ёрана, сидевшего рядом с ним. Тот, похоже, не слушал брата, думал о чем-то своем, таращась на огонь. Время от времени он неистово чесался, словно кожа причиняла ему массу проблем. Впрочем, так оно и было.

Пер нарисовал черный крест на земле закоптевшей вилкой для гриля.

— Я не согласен с отцом, — продолжил он, — со всей его болтовней о вирусах-убийцах и болезнях. Конечно, подобное будет распространяться,

но этого недостаточно для уничтожения всего человечества. Вирусы — всего лишь один из способов уменьшения населения. Для полной гибели человечества понадобится настоящая война.

Мея, осмелевшая в объятиях Карла-Юхана, с вызовом посмотрела на Пера:

— Ты действительно веришь во все это?

— Во что?

— В то, что будет война?

— Самой собой, будет. Вспомни историю, люди всегда воевали. Проблема в том, что сейчас у нас есть оружие, способное уничтожить весь мир. Никто не спасется.

Он провел рукой по щетине на подбородке и посмотрел на Мею сквозь огонь.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Да самое простое. Как долго ты проживешь без электричества, водопровода и продовольственных магазинов?

Мея поводила кончиком пальца по мозолям Карла-Юхана на руках.

— Ну... Я не знаю.

— А как долго, по-твоему, мы продержимся здесь, в Свартшё?

Она покачала головой.

Пер поднял руку вверх и растопырил пальцы:

— Минимум пять лет. Может вечно. — Он повернулся к Карлу-Юхану: — Неужели ты не покажешь ей?

Карл-Юхан уткнулся носом в волосы Меи.

— Покажешь — что? — спросила она.

— Завтра, — пробормотал он. — Давай завтра.

— Да, а сейчас хватит уже, — внезапно сказал Ёран и поднялся.

Он ушел, но скоро вернулся с ведром воды и залил костер, а последние тлевшие угольки затоптал сапогами. Расчесанные прыщики кровили, но он этого, похоже, не замечал. Опустил руку к ширинке и исчез среди деревьев.

Пер бросил вилку, которую так и вертел в руках, в пепел.

— Только подготовившиеся выживут, — сказал он и посмотрел на Мею. — Другим останется надеяться на наше милосердие.

* * *

Они лежали рядом в темноте, недоступные для ночного солнца и

комаров. Тишину в комнате нарушало только глубокое дыхание Карл-Юхана. Его тяжелая рука покоилась у нее на бедре. Но Мея не собиралась убирать ее, наоборот, хотела удержать. Она думала о своей прошлой жизни в разных городах, о квартирах, которые они снимали с Силье. О лифтах, курсировавших между этажами. О вкусных ароматах на лестничных площадках, но не в их кухне. О шуме голосов через стенку. В те ночи, когда Силье не приходила домой, эти голоса становились всем для нее.

Проснулась она оттого, что рядом с ней завибрировал мобильник. Карл-Юхан отодвинулся, но Мея чувствовала его тепло. Прищурившись, она посмотрела на дисплей и увидела, что звонит Силье. Сначала ей не хотелось отвечать, но она почувствовала, как сердце быстрее забилось в груди. Еще не было и восьми утра. Силье никогда не просыпалась так рано, если все было в порядке.

— Алло?

— Мея, ты должна вернуться домой.

— Что произошло?

Силье хрипло дышала в трубку.

— Это Торбьёрн... пожалуйста, Мея, я хочу, чтобы ты приехала немедленно.

— Что там с Торбьёрном?

— Я не хочу оставаться наедине с ним ни минуты больше. Ты должна вернуться домой. Приезжай как можно скорее.

Из-за плохой связи она обрывками слышала отдельные слова. Судя по всему, Силье держала телефон очень близко к губам, когда говорила, как будто не хотела, чтобы ее слышал кто-то еще.

* * *

Лелле стоял на кухне в одних трусах и готовил кровянку — запеканку из крови, — когда около его дома припарковался полицейский автомобиль. Он поспешил в спальню, чтобы надеть джинсы и футболку. Джинсы были в пятнах и еще мокрыми после ночных поисков, но он не почувствовал этого. Сквозь щели в жалюзи он увидел Хассана. Униформа сидела на нем как влитая. Из-под фуражки выбивались черные кудри.

— Что там еще стряслось? — пробормотал Лелле.

Надежда, тлевшая в глубине души, вспыхнула с новой силой, заставив трепетать сердце. Может, они нашли что-то? Возможно, сейчас все

закончится. Или только начнется.

Он так резко открыл дверь, что Хассану пришлось отступить назад.

— В чем дело? — прокричал Лелле.

Хассан поднял руки:

— Я пришел не по поводу Лины.

Разочарованный, Лелле тяжело прислонился к дверному косяку, хотя слова Хассана одновременно принесли облечение. Ведь в голове крутился и худший вариант.

— А что тогда?

— Могу я войти?

Он шагнул в сторону и почувствовал на себе взгляд Хассана.

— Черт, Лелле, ты смотрелся на себя в зеркало?

Он поднял руку к волосам, в них запуталась хвоя.

— Не всем быть такими же ухоженными, как ты.

Гость потянул носом:

— Пахнет едой.

— Я готовлю кровянку, перекусишь со мной?

— Ты же знаешь, я не ем свинину.

— Да ладно, сделай исключение. Такое уже бывало.

Хассан снял темную полицейскую куртку и собрался повесить ее на спинку стула.

— Только не на этот стул! — воскликнул Лелле. — Мы не пользуемся им. Это стул Лины.

Хассан кивнул и повесил куртку на другой стул. Он ничего не сказал, только положил руки на стол и снова уставился на Лелле, просто сверлил его взглядом.

Лелле разложил кровянку по тарелкам. Хассан подозрительно покосился на нее, но сел и взял вилку.

— Ты может рассказать, в чем дело?

— Собственно, мне просто захотелось заглянуть к тебе.

— Заглянуть *ко мне*? В разгар рабочего дня?

Хассан подцепил на вилку кусок запеканки и долго рассматривал, прежде чем отправил в рот.

— Я знаю, что это время года трудное для тебя, — сказал он, жуя. — И просто хотел убедиться, все ли нормально.

— Ты можешь пропустить прелюдию.

Хассан скривился, глотая. Потом отложил в сторону вилку и посмотрел на Лелле.

— О'кей, — сказал он, — мы пропустим прелюдию. Где ты был в ночь

на воскресенье?

— Катался.

— А если точнее?

— Ездил на север и обратно по девяносто пятой дороге.

— Ты, случайно, не находился поблизости от Арьеплуга?

— Я часто проезжаю через него.

— В какое время ты там был?

Лелле пожал плечами:

— Возможно, где-то между тремя и четырьмя. Хотя нет, чуть позже.

— Ты останавливался у лагеря?

— Нет, насколько мне помнится. Останавливался, но не у самого лагеря.

— Черт побери, Лелле.

Лелле задумчиво рисовал чайной ложкой круги на поверхности брусничного варенья в розетке. Пожалуй, дело в том, что он считался подозреваемым ранее, хотя это его никогда не пугало. Скорее утомляло. Он ведь последним видел Лину, перед тем как она пропала, а теперь его видели в лагере после исчезновения Ханны Ларссон. Само собой, такое могли истолковать превратно.

— На днях ты заявил мне, что мы не найдем Ханну, — сказал Хассан. — Почему, собственно?

Лелле отодвинул в сторону тарелку:

— Просто у меня такое чувство. Она настолько похожа на Лину, что ни о каком случайном совпадении не может быть и речи. Есть какая-то связь.

— Три года — слишком долгий срок, чтобы провести ее.

Лелле почистил ногтем между зубов. Он не собирался сдаваться.

— А что, собственно, известно полиции об исчезновении Ханны Ларссон?

— Ничего такого, о чем бы я мог говорить с тобой.

— Вы вообще ни черта не знаете, другими словами.

— Я бы не нарывался на твоём месте, — буркнул Хассан незнакомым Лелле тоном.

— А её парень, что вы сделали с ним?

— Ничего. Он на свободе. Пока Ханна считается пропавшей, наши возможности ограничены. Ты же знаешь.

— Ты ведь не думаешь всерьез, что я имею хоть какое-то отношение к этому делу?

Хассан провел по лицу рукой, помассировал ввалившиеся от усталости щеки:

— Я бы хотел взглянуть на твой автомобиль.

— Ради бога. Ключи висят в прихожей.

Хассан выбросил остатки кровянки в мешок для пищевых отходов и тщательно вымыл свою тарелку, затем отправил ее в сушилку. Лелле смотрел на его бычью шею и грубые руки. Когда-то Хассан поднял его с пола, где он валялся в собственной блевотине, отнес на второй этаж, поставил ведро рядом с кроватью и сидел рядом всю ночь, что уж точно не входило в обязанности участкового полицейского. Именно Хассан вылил самогон из канистры и перебил все бутылки со спиртным в доме в тяжелое время после ухода Анетт.

У Лелле защипало глаза, когда он подумал об этом.

— Тебе известно, что в окрестных лесах живут ветераны войны? — спросил он.

Хассан закрыл кран:

— Ты сказал — ветераны войны?

— Да, я повстречался с бывшим солдатом ООН однажды ночью, когда искал Лину. Он живет в заброшенной усадьбе. Видел бы ты его, бородатый и грязный, выглядит как настоящий дикарь.

Хассан вытер руки о кухонное полотенце, его глаза были наполнены грустью.

— Ты не думаешь, что тебе стоит взять паузу?

— Паузу? — спросил Лелле дрожащим голосом. — Моя дочь пропала три года назад. Целых три года, а вы не нашли даже самого крошечного следа. Как, черт возьми, я могу взять паузу?

— Ты убьешь себя.

Жжение в глазах усилилось, Лелле устало махнул рукой:

— Будешь кофе?

— Я не успеваю, но спасибо за еду.

Хассан вышел в прихожую, и Лелле слышал, как зазвенела связка ключей. Через окно гостиной он видел, как Хассан натягивал синие резиновые перчатки, пока шел к его «вольво». Дверь машины не была заперта. Потом он наблюдал, как Хассан начал копаться среди всякого хлама. Полицейский делал это так рьяно, что пыль и пепел взметнулись вверх и закружились вокруг его головы.

Лелле обернулся и бросил взгляд на Лину, улыбающуюся ему с камина.

— Ты можешь поверить в это? — сказал он громко. — Сейчас они снова подозревают меня.

Он сидел на кухне и слушал пыхтение перколятора, когда Хассан вернулся в дом. Встал в дверном проеме с куском ткани в темных пятнах.

Лелле прищурился и увидел, что это полотенце, которым он вытирал руки после того, как сбил оленя.

— Все переднее сиденье в крови. Какого черта, Лелле?

* * *

— Тебе незачем идти со мной в дом.

— Не глупи, само собой, я пойду.

Карл-Юхан сунул руку под водительское сиденье и достал нож.

— Зачем ты его взял?

— Что тебе известно об этом Торбьёрне? Как давно вы знакомы с ним?

Мея сглотнула комок в горле. Во рту остался кислый привкус.

— Я не знаю. Он и Силье познакомились по Интернету.

У Карла-Юхана челюсти заходили ходуном. Он прищурился и посмотрел в сторону дома:

— Я хочу, чтобы ты держалась позади меня.

Он сунул нож в рукав свитера, прежде чем вылез из машины. Мея хотела запротестовать, но не произнесла ни звука, почувствовала только, как сердце быстрее забилось за ребрами. Она неохотно последовала за ним. Некошеную траву обильно покрывали капли росы, и обувь сразу промокла. Карл-Юхан остановился и постучал. Одну руку он вытянул перед Меей, чтобы не пустить ее вперед.

Дверь им открыл Торбьёрн. Он держал у лба окровавленное кухонное полотенце, глаза испуганно вращались.

— Она просто чокнутая, твоя мать! С ней невозможно разговаривать! — закричал он.

Карл-Юхан протиснулся мимо него и позвал Силье. Мея поспешила за ним, увидев, как в его руке блеснул нож.

Силье сидела в кухне на полу среди моря журналов. Волосы висят сосульками, тушь оставила черные дорожки на ввалившихся щеках. Она подняла пару журналов и потрясла ими. Мея знала, что там — грудастые девицы с раздвинутыми ногами и кокетливо задранными задницами.

— Весь сарай забит этим дерьмом, — простонала Силье. — Девочки, которым едва исполнилось восемнадцать. От такого блевать хочется!

Мея почувствовала, как пол закачался под ногами. Щеки покрылись румянцем стыда. Карл-Юхан сложил нож и сунул в карман. Его шея вспыхнула огнем. Позади они слышали хриплый голос Торбьёрна:

— Я оставался холостяком более сорока лет. У меня не было ничего, кроме этих журналов. Я собирался избавиться от них, но все руки не доходили. Согласен, мне нечем тут гордиться.

— Такая макулатура везде, — сказала Силье, — и он еще рассказывал мне, что ему надо постоярничать! *Постоярничать!*

Смех сменился рыданиями. Она закрыла лицо руками и задергалась, словно в агонии. Мея и Карл-Юхан стояли опустив руки, от растерянности они не знали, что делать. В конце концов Карл-Юхан повернулся к Торбьёрну:

— Я помогу тебе сжечь это дерьмо.

Они разожгли костер на холме и стали свозить к нему тачки журналов и старых видеокассет. Черный дым поднимался к нежно-голубому летнему небу.

Мея собрала свой рюкзак и ждала, сама не зная чего. Стояла в ванной перед зеркалом и смотрела себе в глаза, крепко сжимая край раковины. Щеки все еще горели от стыда. Потом пошла в кухню, налила из термоса кофе и стала пить, едва удерживая чашку дрожащими руками. В окно она видела, как двое мужчин трудятся в поте лица. Мышцы Карла-Юхана играли на солнце, когда он бегал с тачкой. Сможет ли она снова посмотреть ему в глаза?

Силье отгородилась от реальности с помощью своих любимых карандашей: сидела и рисовала костер твердой рукой.

— Это просто за гранью... — сказала Мея.

— Я ударила его по голове поленом. Заслужил.

— Ты звонишь и умоляешь меня вернуться домой, обнаружив, что у твоего мужчины коллекция порнухи в сарае. Ты хоть понимаешь, какой это идиотизм!

— Но я не знала, что мне делать. Была просто в шоке! Он якобы ушел столярничать, а когда я пришла туда, такое впечатление, будто попала в гнездо разврата. Везде молодые девицы — *твоего возраста, Мея*. Я настолько вышла из себя, что сразу начала орать. Слышала бы ты, как я кричала!

— Тебе, пожалуй, стоило подумать, прежде чем ты отправилась сюда. Пошарить еще по Интернету. Тогда, пожалуй, ты бы узнала, что вся деревня называет его Порнобьёрном.

— Ты шутишь!

Силье спрятала лицо за листом бумаги. Похоже было, что она снова собирается расплакаться. Но Мея услышала хихиканье.

— Здесь нет ничего смешного, — нахмурилась она. — Ты позоришь меня. Ты позоришь нас. Почему ты не можешь вести себя как обычный человек?

— Я сразу заметила, что он какой-то странный. Он не такой, как все другие мужики, по части секса...

— Прекрати! Я не намерена слушать твои рассказы!

Мея потянулась за рюкзаком и вышла на террасу. Дом едва не рухнул, когда она захлопнула за собой дверь. Направилась к Карлу-Юхану, оттолкнула в сторону тачку и вцепилась ему в запястье. Услышала, как слова вырвались сами собой:

— Забери меня отсюда. *Сейчас.*

* * *

В Свартшё все еще витал запах свинины, приготовленной на огне. Карл-Юхан и Мея сидели в машине с опущенными окнами, но все равно из-за духоты было тяжело дышать. Карл-Юхан поиграл ножом и спрятал его под сиденье.

— Стоило ли тебе оставлять маму в таком состоянии? — задумчиво произнес он.

— С ней случались вещи и похуже, поверь мне. Ей просто постоянно нужно внимание.

Он еле заметно улыбнулся:

— Ты видела, какая коллекция у него? Мужик, скорее всего, скупал всю порнуху, какую только мог найти.

Мея рассмеялась, и ей сразу стало легче. Чувство стыда, все еще мучившее ее, ослабило хватку.

— Не рассказывай никому, — попросила она. — Ни своим родителям, ни Перу с Ёраном. Это так стыдно.

— Обещаю.

По лесной опушке туда-сюда сновала Анита. Ее волосы блестели на солнце. Спина была согнута, и она не смотрела в их сторону. Мея заволновалась:

— Как думаешь, Карл-Юхан, Биргер и Анита не будут возражать, если я останусь у вас на какое-то время?

— Нет, они только обрадуются.

И все равно парень не спешил вылезать из машины, Мея видела, как

сердце трепещет у него под футболкой.

— Ты, пожалуй, сам не хочешь, чтобы я осталась?

— Как ты могла такое подумать! Но это серьезный шаг. И я хочу, чтобы ты знала, куда приходишь. Моя семья не совсем обычная.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы много работаем.

Мея вытянула руку и нежно убрала с лица Карла-Юхана белокурые пряди, почувствовала тепло, излучаемое его телом. Она никогда не встречала столь энергичного, полного сил парня.

— Это неважно, как много мне придется трудиться. Нет ничего хуже, чем жить с Силье.

Биргера они нашли в хлеву. В рабочем комбинезоне он выглядел моложе, седые волосы прятались под кепкой. Коровий навоз и мухи, похоже, нисколько его не раздражали. Да и почему это должно было его раздражать? Он отставил в сторону грабли, увидев, что они приближаются:

— Я бы обнял тебя, Мея, не будь я таким грязным.

Мея улыбнулась, хотя ей было немного не по себе. Внутри было душно, царил полумрак, к тому же она не привыкла к запахам животных, и ей не слишком нравилось находиться так близко от них. Какая-нибудь корова могла случайно задеть ее хвостом, отмахиваясь от слепней.

Карл-Юхан тоже выглядел неуверенным, и его голос звучал тихо, когда он, собравшись с духом, спросил:

— Ты не возражаешь, если Мея останется у нас на какое-то время? У нее проблемы дома. Так, небольшие, но...

Голубые глаза блеснули холодным светом на обветренном лице Биргера. Он перестал улыбаться, покрутил шеей, как бы разминая ее, и посмотрел на Мею. Она опустила взгляд на грязный пол, таращилась на комки глины и клочки сена у своих ног, смотрела, как ручейки мочи текут в щели между досками. Язык прилип к нёбу, и она уже пожалела о своей просьбе. Никто не хотел видеть ее под своей крышей. Давно уже следовало осознать, что люди с первого взгляда просекают ее никчемность. Никуда она не годится...

Но бархатный голос Биргера успокоил ее зашкаливающий от волнения пульс.

— Само собой, Мея может остаться у нас. Если ее мама не будет возражать.

От облегчения она испытала легкое головокружение, ноги ослабли. Карл-Юхан обнял ее и крепко прижал к себе. Она слышала их смех, но,

кажется, и сама смеялась.

Они оставили Биргера и поспешили на улицу. Глаза заслезились от яркого солнечного света. Карл-Юхан увлек Мею в тень и целовал, пока она не начала задыхаться.

Внезапно словно ниоткуда прозвучал голос Ёрана:

— Найдите себе какое-нибудь местечко поукромней.

— Эй, какого черта ты подкрадываешься? — зарычал Карл-Юхан.

Ёран ухмыльнулся и вытер руки о комбинезон. Брючины были небрежно заправлены в сапоги, по прыщавому лицу струился пот.

— Чего это вы такие довольные? — спросил он.

— Мея переезжает к нам, — ответил Карл-Юхан.

Ёран сделал шаг назад и покачнулся, споткнувшись.

— Это правда? — уставился он на Мею. — Ты будешь жить здесь?

— Какое-то время да.

Щеки Ёрана стали цвета спелого помидора. Он бросил взгляд на усадьбу, потом перевел на Карла-Юхана.

— Кому-то везет, — буркнул он и сплюнул на землю.

* * *

Время приближалось к полуночи, и Лелле уже не мог сидеть на месте. Бродил из комнаты в комнату и перебрасывал во рту незажженную сигарету. Хассан позвонил своему коллеге, и они изъяли машину. Якобы экспертам из Шеллефтео требовалось взглянуть на нее, хотя Лелле сто раз объяснил ситуацию.

— Я сбил оленя около Лонгтреска.

— По-твоему, я собака? Ты думаешь, я способен отличить кровь животного от человеческой?

— Мне необходима машина!

— Скажи спасибо, что мы тебя не забрали.

Пожалуй, зря он считал Хассана своим другом. Верил, что на него можно положиться... Нет, не стоит никого подпускать близко, это всегда только во вред. За три кошмарных года, прошедших после исчезновения Лины, давно уже пора понять, что в мире правят низость и коварство, и Норрланд далеко не исключение. Людям нельзя доверять, все очень просто.

В десять минут первого его терпение лопнуло. Лелле надел куртку, обулся и вышел в белую ночь. Птицы на короткое время замолкли, он

слышал только хруст гравия под сапогами. Погода стояла тихая, воздух благоухал травами и цветами. Он шел через сосновый лес, где у Лины когда-то был свой шалаш — милые детские забавы. Еще можно было разглядеть несколько гнилых досок, остальное провалилось и поросло сорняками. Он старался не смотреть в ту сторону.

Выйдя на Энгсвеген, Лелле двинулся в сторону Стургатан и чертовой остановки. Ноги сами несли его туда. Он закурил и, только сделав пару затяжек, решил подойти к стеклянному павильону. На потертой скамейке кто-то оставил наполовину пустую бутылку «Карлсберга», и он подумал, что было бы неплохо выпить пива в такое время.

Соблазн схватить бутылку и разом опустошить был велик, но тут до него долетели голоса. Присмотревшись, он увидел двух парней: один нес скейтборд, второй, припадая на одну ногу, ковылял за ним. Парни расстались на углу, ударившись кулаками, скейтбордист покатил вниз по Стургатан под треск маленьких колес, а его приятель похромал к остановке. У него были закрывавшие уши черные волосы, вокруг худых рук змеились татуировки, одна татушка поднималась к затылку. Под глазами темные круги, отчего парень казался накрашенным. Заметив Лелле, он остановился и спросил:

— У тебя не найдется сигареты?

Лелле почувствовал, как все его тело напряглось:

— Да, конечно.

Протянул пачку, парень подошел ближе. Как оказалось, татуировки у него были и на костяшках пальцев: на левой руке — четырехлистный клевер и несколько букв на правой.

— Что у тебя с ногой? — поинтересовался Лелле.

— Свалился со скейта.

— Ясно.

Лелле загасил свою сигарету и почувствовал взгляд парня на себе. Глаза у него были необычно светлыми, почти белыми, по крайней мере так казалось в полумраке.

— А ты, случайно, не отец Лины Густафссон? — спросил вдруг парень.

Лелле почувствовал, как сердце убищирило бег:

— Да, это так. Ты ее знаешь?

— Нет, но всем ведь известно, кто она такая.

Лелле кивнул. Ему понравилось, что парень говорит о его дочери в настоящем времени.

— Как тебя зовут?

— Йеспер. Йеспер Скууг.

— Ты учился в Таллбакской школе?

— Я окончил ее в прошлом году. Был на класс младше Лины.

Лелле не помнил, чтобы видел парня раньше, но, с другой стороны, после исчезновения дочери он никого толком не замечал.

— Я учил тебя математике?

— Должен был учить, но ты по большей части сидел на больничном.

Лелле внимательно посмотрел на парня — тот не мог спокойно стоять на месте, постоянно переминался с ноги на ногу.

— Значит, ты не общался с Линой?

— Сомневаюсь, чтобы она вообще знала о моем существовании.

— Вот как...

Йеспер сделал последнюю затяжку и избавился от окурка, на языке у него блеснул пирсинг.

— Она видела только Мике Варга.

— Да, тут ты прав.

— Эта парочка... Они были просто одержимы друг другом.

— Одержимы?

— Да, так все считали.

Лелле понадобилось время, чтобы переварить услышанное. Он достал пачку и предложил Йесперу еще сигарету. Впервые за очень долгое время он получал удовольствие, разговаривая с кем-то о Лине.

— Тебя наверняка интересует, почему я сижу здесь среди ночи, — сказал он.

— Она ведь отсюда исчезла, да?

— Все правильно.

— А ты сидишь и ждешь, что она вернется.

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Ну да, — согласился Лелле. — Пожалуй.

Йеспер быстро втянул в себя дым. Ночное солнце нарисовало серебристые полосы в его черных волосах. Несмотря на все свои татуировки, парень явно не отличался большой уверенностью в себе.

— Все любили Лину, — сказал он, — но никто не любил Варга.

— Этого мне не говорили.

Новая затяжка, сопровождаемая звоном крошечного колечка на языке.

— Он по-свински относился к нам, младшим, всегда смотрел на нас сверху вниз. — Йеспер смачно сплюнул на землю. — Строил из себя черт знает кого.

— Ну да, конечно, он всегда был заносчив.

— Лина была слишком хороша для него. Так считали все.

— Об этом я тоже понятия не имел.

Йеспер бросил окурок в лужу:

— Кое-кто говорит, что это его работа. Он якобы признался.

— Признался в чем?

— Что убил Лину.

Слова парня эхом отдались в голове Лелле.

— Кто так говорит?

— Мои знакомые ребята из Лайкасъярви. Братья. Они обычно продают алкоголь Варгу и его компании. По их словам, он признался по пьяни.

— Это, скорее всего, неправда, у Мике Варга есть алиби, полиция проверила его.

Снова звякнул колокольчик.

— Я только повторяю то, что ты слышал.

— Лина не умерла, — сказал Лелле и почувствовал, как его руки стали мокрыми от пота. — Никто не убивал ее, она жива.

Дзинь, дзинь, дзинь. Взгляд Йеспера бродил по лужам.

Лелле почувствовал, как его охватывает раздражение.

— Как зовут братьев?

— Юнас и Юнах. Братья Рингберги.

— Юнас и Юнах?

— Они близнецы.

Лелле достал мобильник и записал имена, затем попытался вспомнить, как далеко находился Лайкасъярви.

— Ты знаешь, где можно найти братьев?

— Они обычно болтаются в Глиммерсбергете в выходные. Продают алкоголь тамошнему молодняку.

Лелле записал и это, он изо всех сил старался держать себя в руках.

— Мне надо домой, — сказал Йеспер. — Ты собираешься сидеть здесь всю ночь?

— Пожалуй.

— Хочешь пива?

Лелле сглотнул. От волнения жажда усилилась.

— Не откажусь.

Йеспер снял со спины голубой рюкзак и, выудив из него бутылку «Короны», протянул Лелле.

— Летнее пиво, — сказал он, — лучше всего, если ты засунешь дольку лайма в горлышко.

— И так пойдет.

Парень отбросил назад волосы и поковылял в сторону поселка. Через несколько шагов он обернулся и крикнул:

— Я действительно надеюсь, что она вернется!

Лелле поднял над головой правую руку в ответ и пригубил пиво.

— Я тоже на это надеюсь.

Лелле опустошил бутылку одним махом, но не почувствовал даже намека на опьянение. Под крышей павильона было тепло, но он все равно никак не мог согреться. Дрожал, как будто простудился. Почему он только сейчас услышал об этих братьях? И потом, если ходили слухи, что Микаэль Варг признался в убийстве, то они, наверное, должны были дойти и до полиции?

Он бросил пустую бутылку в урну и побежал. Свернул со Стургатан и срезал путь через футбольное поле, хорошо еще, на нем были сапоги. В горле пересохло, когда он добрался до белойвиллы на вершине холма.

На подъездной дорожке между клумбами с уже набравшими цвет фиалками стоял полицейский автомобиль. Лелле пришлось согнуться пополам на крыльце, чтобы усмирить дыхание. Он положил всю руку на звонок, а потом начал стучать. Барабанил так, что грохот эхом отдавался на лесной опушке.

Наконец дверь открылась, и он упал прямо на грудь Хассана. Тот стоял в одних трусах, роскошная шевелюра включена.

— В чем дело?

— Братья Рингберги, — прохрипел Лелле. — Юнас и Юнах, ты знаешь, кто они такие?

Хассан скривился, словно у него схватило живот:

— Черт, Лелле, ты пил? От тебя пивом несет!

— Только одну бутылку, но это ерунда. Послушай, Хассан, ты должен выслушать меня. Я сидел на автобусной остановке... В общем, я познакомился с парнем по имени Йеспер, и, по его словам, братья Рингберги болтают кругом, что Микаэль якобы признался в убийстве Лины.

Последние слова оставили горький привкус во рту. Он отвернулся и сплюнул на землю, пытаясь избавиться от него.

Хассан почесал мускулистую грудь и зевнул:

— Ты хоть на часы смотрел? Ночь на дворе.

— Так ты знаешь этих братьев?

— А то. Каждый полицейский к северу от Сундсвалля знает эту сладкую парочку. Мелкая шпана, специализируются на продаже самогона

из-под полы в деревнях, ну и прочего бухла. Приворовывают, не прочь залезть в чужой дом. Все это тянется бог знает сколько времени. Юнас и Юнах кочевали между приемными семьями и заведениями для детей, требующих особого внимания, чуть ли не с пеленок

— Короче, эти парни утверждают, что Микаэль признался.

Хассан вздохнул:

— Братья Рингберги правдивы так же, как дикторы, читающие прогноз погоды. Все, что они говорят, по-моему, не стоит и гроша.

— Ага, как я понял, ты это слышал? Ну, про признание Варга?

— Лелле, пожалуйста, умерь пыл. За эти три года было столько слухов про исчезновение Лины... Сам знаешь. Мы прочесали усадьбу Варгов, даже собак привлекали. Мы даже на всякий случай проверили их дом в Виттанги, хотя это и далеко. Да, до нас доходили слухи относительно Варга, и мы часами обрабатывали его. Допрашивали больше сорока раз, но так никуда и не пришли. Он ни в чем не признался, а раз нет тела и нет никаких улик, мы не можем отправить его за решетку. Слухи — не повод. Тебе это известно столь же хорошо, как и мне.

— Похоже, вам нужен новый дознаватель, приятель.

Хассан прислонился лбом к дверному косяку и с силой зажмурился:

— Перестань, Лелле. Я знаю, что ты страдаешь, но я уже чертовски устал от тебя и твоих обвинений.

Лелле отступил назад. Земля под ногами качалась — сказывались нервы и утомление. Он посмотрел через плечо на полицейский автомобиль.

— Мне нужна машина, — сказал он. — Хочу прокатиться в Лайкасьярви и поговорить с братьями.

— Твоя машина находится в участке, — буркнул Хассан, впившись в него тяжелым взглядом, — и если я услышу, что ты куда-то ездил, то позабочусь, чтобы машину у тебя забрали до конца лета.

Лелле прислонился к ограде террасы. Постарался унять дрожь в ногах

— Вот что, поспи у меня, — услышал он. — А потом поговорим об этом.

* * *

— Я не хочу, чтобы ты оставалась наедине с Ёраном.

Губы Карла-Юхана щекотали Мее шею, и она повернулась в кровати так, чтобы видеть его глаза:

— Почему?

— Потому что ты моя девушка, — ответил он, — а у Ёрана всегда была привычка претендовать на мое.

Мея вскинула брови:

— Ты говоришь обо мне так, словно я твоя собственность.

— Я не это имел в виду, но ты же видишь, как он смотрит на тебя.

— Он может тарашиться как угодно и сколько угодно. Тебе не о чем беспокоиться.

Карл-Юхан привлек ее ближе к себе, горячее дыхание обожгло шею.

— Держись подальше от него, — сказал он. — Пообещай мне.

Он покинул ее на рассвете. Мея еще долго чувствовала приятную тяжесть в том месте, где лежала его рука. В комнате было жарко и душно, но Карл-Юхан обнимал ее всю ночь. Во сне она видела лес: как будто бежит по тропинке, а деревья пытаются дотянуться до нее и схватить колючими ветками. Большие клочья ее волос остались висеть на ветках.

Она потянулась к телефону и увидела сообщение от Силье.

Все наладилось. Я простила Торбьёрна. Он просит тебя приехать домой — хочет попросить прощения у тебя.

Мея поднялась и, открыв ставни, впустила в комнату солнечный свет. Понадобилось время, чтобы привыкли глаза. За окном была идиллия. *Пасторальная* — вспомнила она слово. Картинка, как в кино: по лугу бродят коровы, по стенам хлева ползут вьюнки. Несколько кур, прохаживаясь с важным видом, выискивают что-то на земле. Ей даже показалось, что она увидела Карла-Юхана у дровяного сарая. Он рассказывал ей, что они припозднились с дровами в этом году, и она, слушая его, кивала, словно понимала, о чем идет речь. Такая спокойная, размеренная жизнь казалась ей странной. Она привыкла жить как в горячке, все время менять места, знакомиться с новыми людьми, и о том, что ждет ее впереди, никогда не задумывалась. Ее существование напоминало путешествие по бурной реке, когда не знаешь, куда тебя вынесет течение.

Анита на кухне деловито сновала между микроволновкой и дровяной печью. Ее некогда белокурые волосы, теперь изрядно тронутые сединой, были спрятаны под кроваво-красным платком. Увидев Мею, она быстро заключила ее в объятия, стараясь не испачкать мукой. Под полотенцем лежало несколько горячих буханок свежего хлеба, в воздухе витал

приятный запах варенья. Мея почувствовал, что голодна.

— Биргер хочет поговорить с тобой, — сказала Анита.

— Со мной?

— Да. Он на псарне.

Мея всегда любила собак. Но собаки в усадьбе скорее напоминали волков. Их было семь, все с густой шерстью и злыми глазами, неотрывно следившими за каждым ее движением. Карл-Юхан объяснил, что собаки у них рабочие, а не цепные. И лучше их не гладить, хотя у нее даже мысли такой не возникало.

Биргер держал в руках по ведру, когда она пришла, мышцы были напряжены.

— Доброе утро, Мея. Тебе хорошо спалось?

— Да, спасибо.

— Что ж, это радует.

Подбородок у него дрожал, когда он улыбнулся. Поставив ведра, Биргер осторожно положил руки ей на плечи, словно боялся, что она сбросит их:

— Я рад, что ты с нами.

Мея опустила глаза на его рабочие ботинки, перепачканные навозом и землей. От ведер поднимался запах гнили.

— Да, я тоже рада.

Биргер отпустил ее, подхватил ведра и, шагнув в загон, начал раскладывать рыбы внутренности по мискам; собаки нетерпеливо крутились вокруг него. Мея стояла по другую сторону решетки и дышала ртом, чтобы не чувствовать вони. Старалась не смотреть на розовые кишки, быстро исчезающие в жадных пастьях.

— Как ты, пожалуй, уже поняла, мы здесь, в Свартшё, трудимся не покладая рук, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Если ты собираешься жить с нами, я жду от тебя, что ты тоже не останешься в стороне.

Мея подняла голову:

— Мы всегда жили в городах, и я мало что знаю о деревенской жизни.

— Не беспокойся об этом. Мы научим тебя всему, что умеем. Лучшей школы тебе не пройти.

Биргер вывалил остатки рыбьих потрохов прямо на землю, и над ними сцепились две собаки. Он огрел одну из них ведром.

— Я подумал, Мея, тебе следует начать с курятника. Будешь отвечать за сбор яиц и поддержание чистоты. Анита тебе все покажет. Так нормально?

— Звучит замечательно.

— Ну вот и решили.

Он обнажил редкие зубы, и при виде черных дыр Мея почему-то подумала о клавишах пианино. За оградой собаки начали скулить над чисто вылизанными мисками.

— Еще одно дело, — сказал Биргер, выудив из кармана очки и нацепив их на глаза, — и это, конечно, тебе не понравится. Я хотел бы забрать у тебя твой смартфон.

Мея прижала пальцы к животу, который уже урчал от голода, ведь она так и не позавтракала. Если надавить на живот достаточно сильно, урчание прекращалось, но сейчас дело было в другом — ей хотелось нащупать телефон.

— Почему? — спросила она.

— Потому что мобильники — это средство наблюдать за нами. Мы приняли совместное решение здесь, в Свартшё, оставаться как можно более независимыми от окружающего мира, а для этого нам пришлось отказаться от ряда штук.

Мея вынула из кармана телефон и сжала в руке. Биргер сунул пальцы под дужки очков и вытер влажные уголки глаз. Он смотрел на нее с сочувствием.

— Понимаю, это трудно. Твое поколение выросло с зависимостью. Вам надо постоянно находиться в контакте со всеми. Мои сыновья сопротивлялись, когда я сказал, что от телефонов и планшетов надо отказаться. Но мы все-таки приняли это решение исключительно для обеспечения нашей безопасности.

— Но это единственный способ, каким моя мама может связаться со мной!

— У нас есть стационарный аппарат. Дашь ей номер, и она сможет позвонить, когда захочет. — Он вышел из загона и закрыл дверь на засов. — При всем желании, Мея, я не могу сделать исключение для тебя. Одни и те же правила у нас для всех.

Мея взвесила мобильник на руке и почувствовала зуд в спине.

— Я только отправлю последнее сообщение Силье.

Пальцы стлкнувались, когда она принялась быстро набивать текст. Всего два предложения. Отправила эсмэску и протянула смартфон Биргеру. Почувствовала, какой легкой стала рука, когда он взял гаджет. Как ни странно, на душе тоже полегчало. Без телефона Силье не могла добраться до нее. Теперь она была свободной.

Лелле проснулся на рассвете, когда солнечный свет просочился внутрь и попал ему в лицо, отразившись от натертого до зеркального блеска дубового пола Хассана. Шея затекла, так как несколько часов соприкасалась с подлокотником дивана — он не мог позволить себе использовать шикарные декоративные подушки, опасаясь случайно испачкать их слюной. К долетавшим до него звукам фортепианной музыки — играло радио — примешивался треск разбиваемых о сковороду яиц. Лелле заставил себя встать и поплелся на кухню. Щеки были красными, как у нашкодившего подростка. Ему было стыдно, сразу вспомнилась первая зима, когда он беспробудно пил. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не Хассан.

В дизайне современной, белой как снег кухни преобладали прямые линии. Он замер на пороге, опасаясь нарушить эту стерильную чистоту.

Хассан повернул голову:

— Ага, вот и он. Тебе удалось поспать?

— Ну... где-то час. Не знаю.

— Садись поешь.

Хассан отложил в сторону лопатку и потянулся за тарелками.

— Спасибо, но мне надо идти.

— Надеюсь, ты не собираешься совершить какую-нибудь глупость?

— Что ты имеешь в виду?

— С братьями Рингбергами шутки плохи.

— Со мной тоже.

Хассан посолил и поперчил яичницу и начал есть прямо из сковороды.

— Ты действительно думаешь, что за исчезновением твоей дочери стоит Микаэль Варг? По-твоему, у него хватило бы ума в течение трех лет обманывать нас всех?

— Я ничего не думаю, я уже перестал этим заниматься. Я знаю только то, что мне необходимо залезть в каждую лисью нору, чего бы это ни стоило.

— Братья Рингберги это не нора. Они хитрые молодые подонки. И не остановятся ни перед чем.

Лелле почесал щеки, на которых за последние дни успела отрасти колючая щетина.

— Похоже, их требуется поставить на место раз и навсегда.

— Ты можешь пообещать мне оставить Рингбергов в покое?

Лелле прищурился, смотря на встроенные в потолок светильники:
— Позвони, когда я смогу забрать машину.

* * *

Четыре яйца в день. Иногда пять. Мея регулярно обходила курятник. Сначала она боялась, что злобные птицы набросятся на нее, как только она войдет. Было что-то пугающее в том, как они тарасились, как дергали шеями. В первые дни она оставалась в курятнике ровно столько, сколько требовалось для сбора яиц. Но потом осмелела и стала задерживаться, наблюдая за птицами. Куры много гадили, и стоило труда поддерживать чистоту. У нее появилась любимица. Маленькую несущку постоянно клевали остальные, включая петуха. Однажды Мея увидела ее почти без перьев. Бедняжка сидела, забившись в угол, а на опилках было немало кровавых пятен.

Вопрос решился просто. Анита дала Мее банку с дегтярной мазью:

— На, возьми. Помажь, и они оставят ее в покое. Здесь не из-за чего слезы лить.

Карл-Юхан справлялся с дровами с помощью пилы и топора. Мея наблюдала за ним со стороны. Ее возбуждало блестящее от пота тело. Не было и мысли о том, что от него будет вонять, когда он придет к ней, о мокрых пятнах, которые останутся на ее одежде после объятий. Как только выпадала минутка, они прятались в высокой траве и, забыв об усталости, ласкали друг друга. Полностью отдавались страсти, пока кто-нибудь криком не извещал, что пора снова приниматься за работу.

За едой обычно собиралась вся семья. Биргер и Пер любили порассуждать о конце света. Несмотря на все их старания избегать современную технику, по вечерам они слушали радио, но не просто радио, а определенную волну, считая, что только на ней можно получить крайне важную информацию, то, о чем никогда не говорится в обычных новостях. На этой волне вещали о выживании и о том, как подготовиться к кризисным ситуациям, начиная с того, какие предметы первой необходимости следует запастись, и заканчивая тем, как вырезать аппендицит собственными руками. Тема приближающихся катастроф за столом всегда была главной. Биргер и Пер развивали собственные теории. С умным видом они рассуждали о заговорах США и России. О биологическом

оружии и обмане со стороны СМИ. Порой, войдя в раж, они стучали по столу с такой силой, что старый фарфор дребезжал.

Мея не понимала, как можно относиться к таким вещам всерьез. Сама-то она могла думать только о Карле-Юхане, да и как тут не думать, если он постоянно напоминал о себе, касаясь голым коленом ее обнаженных ног или незаметно запуская ей пальцы под шорты. Он все время улыбался уголками рта, и Мея тоже начинала улыбаться

— И чего вас так насмешило? — однажды поинтересовался Биргер, и Мея смутилась — она не привыкла быть в центре внимания.

— Мы стоим на пороге мирового коллапса, а Швеция сократила численность сил гражданской обороны, — продолжил Биргер. — Что ты думаешь об этом, Мея?

— О чем? — Перехватив насмешливые взгляды Пера и Ёрана, она покраснела.

— Почему, по-твоему, мы уменьшили вооруженные силы?

— Наверное, они обходятся очень дорого.

Пер прыснул так, что крошки из его рта полетели через стол, но Биргер этого не заметил.

— Власти хотят, чтобы именно так мы и думали, — заявил он дружелюбно. — На самом же деле они желают нашей гибели, чтобы мы оказались абсолютно беспомощными, когда в наш дом придет беда.

— Оставь Мею в покое, — попросил Карл-Юхан, — незачем ее пугать.

— Я просто хочу, чтобы она все правильно понимала, хочу открыть ей глаза. Мир, к сожалению, не комната для игр.

Вечером, когда они с Карлом-Юханом лежали обнявшись, Мея спросила, верит ли он сам во все это.

— Люди не желают верить в худшее, чего бы это ни касалось, — ответил парень. — Нам не хочется готовиться ни к чему заранее. Мы обычно начинаем действовать только, когда уже становится слишком поздно. Благодаря моему отцу я научился думать как человек, настроенный на выживание в любых условиях, научился всегда быть готовым ко всему и по возможности предвосхищать беду.

— Но, наверное, тоскливо всегда верить в худшее?

— Гораздо хуже потерять всё за одну ночь — всех, кого ты любишь, собственную жизнь — по той простой причине, что ты не смог или не захотел посмотреть в глаза истине.

— Так ты правда веришь, что все будет так плохо? Что война может прийти сюда, в Швецию?

Карл-Юхан положил подбородок ей на ключицу. Его голос был хриплым от усталости.

— Да, я верю в это. Все указывает на такое развитие событий. Но это не играет никакой роли. Мы готовы ко всему, что бы ни случилось. А ради тебя я готов пожертвовать жизнью.

Ночью ей приснилось, что она была той самой курицей, которую щиплют другие птицы. Будто бы сидела на солнечной кухне Аниты, и они набросились на нее. Только это были не птицы, а Биргер и все остальные. Рвали и трепали острыми клювами, пока вместо перьев не осталась покрытая пупырышками кожа.

* * *

В субботу вечером небо висело низко над деревьями. Темные тучи угрожали в любой момент разродиться дождем. Лелле надел резиновые сапоги и натянул на голову капюшон. Он долго взвешивал в руке пистолет, но в конце концов решил не брать его с собой. Посчитал, что так будет лучше. Машину он еще не получил, но до Глиммерсбергета было рукой подать. Йеспер рассказал ему, где они обычно собирались по выходным. Где можно найти братьев Рингбергов и Варга.

Он пошел через березовый лес и издали почувствовал запах дыма. Над Глиммерсбергетом, накрывая его своей тенью, возвышалась гора. С востока наверх вела укатанная дорога, позволявшая сберечь силы и время, если подниматься на автомобиле. Но раз машины нет, так нет, что ж теперь. В этом даже были свои преимущества. Лелле выбрал незаметную тропинку, змеившуюся с южной стороны. Как быстро выяснилось, она была прилично заросшей, и ему приходилось постоянно лавировать между скользкими валунами.

Скоро он уже мог слышать музыку и смех. Судя по всему, там было довольно много народу. Мышцы ног болели от напряжения, и он остановился на уступе усмирить дыхание. Ему показалось, что Лина находится рядом, пусть даже он не мог видеть ее. Вспомнилось, как они поднимались сюда на снегоходе зимой, когда над головами танцевало северное сияние, а из-за сильного мороза брови и ресницы покрывались инеем. Ее глаза тогда лучились восторгом.

— *Такое впечатление, словно там ангелы машут крыльями.*

— Ты так считаешь?

— Неужели ты не видишь, как они летят?

У него заныло сердце, и он сложился пополам, приложив руку к груди. Небо опустилось еще ниже, дождь усилился. Уже через несколько секунд прохладные ручейки побежали по щекам вниз и пробрались под воротник. Голос Лины долетел до него сквозь шум дождя.

— Иди домой, папа, тебе нечего делать здесь.

Потом он снова услышал музыку и голоса, только уже реальные, и продолжил путь. Преодолея последний отрезок и присел на корточки в зарослях. На поляне было полно молодых парней. Они сидели вокруг костров, в небо летели искры, и Лелле показалось, что он чувствует жар на мокрых щеках. Земля вибрировала: тяжелая музыка, рок. Его нос уловил запах гашиша. Лелле узнал нескольких учеников из своей школы. Он вроде увидел Йеспера, но не мог сказать этого наверняка.

Он попытался подавить волну негатива и, сделав глубокий вдох, вышел из укрытия. Остановился у ближнего костра и окинул взглядом сидевших. Некоторые тут же прикрыли банки с пивом и побросали самокрутки в огонь. Лелле решил сразу объясниться.

— Я здесь не для того, чтобы мешать вам развлекаться, — сказал он. — Я ищу братьев Рингбергов, Юнаса и Юнаха. Вы видели их?

Молодой парень с остекленевшим взглядом встал и, покачиваясь, подошел к Лелле:

— Ты коп, что ли?

Музыка затихла, теперь он слышал стук собственного сердца. Парни стали подходить со всех сторон, окружили его, как волки добычу.

— Я не полицейский, — выставил он ладонь; неприятно было осознавать, что голос дрожит.

Здоровенный детина шагнул вперед и посветил ему в лицо карманным фонариком:

— Я тебя знаю. Ты учитель из Таллбакской школы.

Парни загудели, переговариваясь

— Все правильно, — подтвердил Лелле, закрывшись руками от света. — И мне абсолютно наплевать на то, чем вы тут занимаетесь.

Парень опустил фонарик:

— Зачем тебе понадобились братья?

— Хочу поговорить с ними относительно одного слуха.

— Какого еще слуха?

— Возможно, им что-то известно об исчезновении моей дочери. — Лелле сунул руку в карман и достал фотографию Лины: — Это моя дочь.

Как многие из вас знают, она пропала с автобусной остановки в Глиммерстреске три года назад, и если кому-то что-то известно о ее исчезновении, я прошу рассказать. Еще не поздно сделать это.

Пустые взгляды в ответ. Непроницаемые лица. От страха и отчаяния на Лелле нахлынула злость.

— Неужели никому из вас нечего сказать?

Он сдвинул капюшон и огляделся. Парни старались не смотреть на него, и ему захотелось броситься на них. Избить, запинать ногами. Он пожалел, что не взял с собой пистолет. С его помощью удалось бы развязать им языки.

Постояв еще немного, он повернулся и зашагал в сторону тропы. У елей, за которыми она начиналась, кто-то крепко схватил его за руку.

— Я — Юнас Рингберг, — раздался голос.

* * *

У Меи все болело. Полдня она металась с тачкой: грузила дрова и складывала их в поленницы, пока плечи не запротестовали. В итоге, когда Карл-Юхан и его братья исчезли в направлении озера, чтобы искупаться, она не смогла составить им компанию. Лежала, приходя в себя от усталости.

Внезапно как из-под земли перед ней выросла Анита. Одета, как всегда, в просторную рубашку, волосы заплетены в косу.

— К тебе посетители, Мея. Там, у ворот.

Мея издали увидела «форд» Торбьёрна. Пятна ржавчины на нем напоминали кровавые раны на теле, и она вспомнила затравленную курицу. Торбьёрн прохаживался перед капотом. С ним была Силье. На матери были темные очки, и она курила сигарету. Одета в обрезанные джинсы и когда-то белый топ. Растрепанные волосы уж точно не улучшали общую картинку. На Мею волной нахлынула неприязнь.

— Что вам надо?

— Мы хотели посмотреть, как у тебя дела, — сказал Торбьёрн. — Твоя мама очень беспокоилась.

Силье сдвинула очки на лоб, окинула Мею взглядом:

— Боже, какая ты грязная! Чем ты занималась?

— Работала.

— Работала? Тогда, надеюсь, тебе платят за это. Твоя одежда в

ужасном состоянии.

— Во всяком случае, она у меня есть. В отличие от тебя.

Торбьерн встал между ними и поднял ладони, взывая к перемирию:

— Сейчас, мне кажется, вам надо немного успокоиться. Мы хотим, чтобы ты вернулась домой, Мея.

— Свартшё — мой дом теперь.

Его темя в лучах солнца блестело, как стекляшка.

— Если все из-за моих журналов, могу поклясться, я завязал с этим. Избавился раз и навсегда. Благодаря Силье и тебе у меня появился шанс начать новую главу моей жизни...

— Это не имеет никакого отношения к делу. Я просто хочу жить здесь. С Карлом-Юханом, — уточнила Мея.

— Мы считаем это не слишком хорошей идеей.

— Мне плевать на ваше мнение.

Торбьерн беспомощно покосился на Силье, казалось, он вот-вот расплачется.

— А что думают об этом Биргер и Анита?

— Они приняли меня с распростертыми объятиями.

Силье вернула очки на нос и задрала подбородок, ее губы крепче сжали сигарету.

— Ты вообще думала, как я смогу связаться с тобой сейчас, когда ты избавилась от телефона?

— Ты можешь позвонить Биргеру и Аните, у них есть телефон. Спроси меня, и все дела.

Силье покачнулась еле заметно:

— Ты совсем потеряла разум?

— Прекрати!

— Почему ты избавилась от телефона?

— Сделала так, и все. По крайней мере, теперь мне больше не придется выслушивать твоё нытье по поводу счетов.

Силье наклонилась ближе к ней.

— У них здесь какая-то секта? — прошептала она. — Они использовали Карла-Юхана в качестве приманки, чтобы подцепить тебя на крючок?

Мея громко рассмеялась.

— Езжай домой и проспай, — сказала она, — ты живешь в придуманном, очень далеком от реальности мире.

Рот Силье перекосило от злости. Она загасила сигарету о ржавый кузов машины и открыла дверь со стороны пассажирского сиденья впереди.

— Ты знаешь, где меня найти, когда все закончится, — буркнула она. — Поскольку всему всегда приходит конец. — Стук двери эхом выстрелил среди сосен.

Торбьёрн по-прежнему стоял около машины. Он с мольбой посмотрел на Мею.

— Ты слишком молода, чтобы уезжать из дому, — сказал он. — Тебе еще даже восемнадцати нет.

— Спроси у Силье, сколько ей было, когда она сбежала от родителей.

— Мы скучаем по тебе, знай это. Мы скучаем по тебе оба.

Он смущенно переминался с ноги на ногу, не спуская с нее взгляда. Мея почувствовала, как слезы подступили к глазам, и бросила взгляд в сторону тропинки, ведущей к озеру: а вдруг появится Карл-Юхан? Затем откашлялась, стараясь не расплакаться.

— Мы приедем навестить вас. Я обещаю.

— Я действительно на это надеюсь, и не позволяй Биргеру заездить тебя.

— Не позволяй Силье заездить *тебя*.

Он улыбнулся в ответ и вроде даже хотел заключить Мею в объятия, но Силье нажала на клаксон, и ему пришлось поторопиться.

— Позвони мне, если темнота найдет ее, — крикнула Мея ему вслед. — Пообещай!

* * *

Парни, чьи лица смутно белели под капюшонами, стащили Лелле с тропинки и увели подальше в заросли, где их никто не мог видеть. Лелле незаметно сунул руку в карман джинсов и сжал в кулаке связку ключей. Грудная клетка дергалась, ему не хватало воздуха.

— Я не собираюсь поднимать шум, — предупредил он.

От парней пахло алкоголем. Тот, кто назвался Юнасом, наклонился к Лелле так, что их носы почти коснулись.

— Ты кто вообще? — спросил он. — Какого черта ищешь нас?

Он сунул руку за спину Лелле, извлек бумажник из его заднего кармана, достал оттуда водительское удостоверение и в свете фонарика изучил его. Лелле не противился, сильнее сжав ключи.

— Леннарт Густафссон, — прочитал Юнас и перевел взгляд на Лелле. — И ты действительно не коп?

— Я не коп. И мне наплевать, чем вы тут занимаетесь. Я пришел сюда, поскольку услышал, что у вас может быть какая-то информация относительно исчезновения моей дочери.

— Нам ничего о ней не известно.

Лелле взял из рук парня бумажник и достал фотографию Лины.

— Это моя дочь, — сказал он дрожащим голосом, — моя дочь. Прошло три года с тех пор, как ее у меня забрали. *Три года!* И я готов на все, лишь бы узнать, что же на самом деле случилось с ней. *Вы понимаете?*

У парней желваки заходили на щеках, оба нервно топтались на месте.

— Звучит дьявольски трагично, — пожал плечами Юнас, — но мы к этому не имеем никакого отношения.

— Пожалуй, нет, но вы же болтаетесь везде и где-то заявили, что вам известно, кто стоит за исчезновением Лины.

Братья обменялись быстрыми взглядами.

— Мы просто слышали слухи, как и все другие.

— И какие слухи?

— Ну, много всего за эти годы болтали...

— Уточни.

Юнас поднял глаза к небу и вздохнул:

— Не хочу сыпать соль на рану, но твоя дочь гуляла с настоящим подонком.

— Насколько я понимаю, ты имеешь в виду Микаэля Варга?

— Пожалуй, так его зовут. Все называют просто Варгом.

— И чем же он так плох?

— Он обычно покупал алкоголь у нас. Платил хорошо, во всяком случае, сначала. Пока его подруга не исчезла. А как исчезла, он полностью слетел с катушек. Звонил каждый вечер и просил дать в кредит. И не только алкоголь. Выпивал он больше, чем у него было денег с собой. Такое нам не нравится.

Лелле подумал о Микаэле Варге, вспомнил, как тот, качаясь, шел по траве, сложив пистолет из пальцев. Как вломился к нему в дом, когда все были на факельном шествии, а потом сидел на кухне и плакал. От неприязни у него запершило в горле.

Стоявший перед ним Юнас мял порцию снуса между пальцами.

— Однажды нам пришлось поехать к нему домой, чтобы стрясти оплату. У него тогда крышу снесло. Он начал болтать, что сам сделал это.

— Сделал что?

— Убил ее.

Лелле почувствовал, как земля начала уходить из-под ног, и прижался

спиной к сосне. Юнас произнес это, словно речь шла о погоде. *Убил ее.* Второй брат стоял рядом, предпочитая не смотреть в сторону Лелле.

— Ты можешь точно повторить, что он сказал?

— Много времени прошло, я не помню дословно. Сказал, что они поссорились и он сорвался. Хвастался, что никто никогда не найдет ее.

Лелле опустился коленями на мокрый мох. Он почувствовал, что его вот-вот вырвет, наклонился и открыл рот, но напрасно. Земля под ним вибрировала.

— Почему вы не пошли в полицию?

Братья рассмеялись. Между зубов Юнаса виднелся жевательный табак.

— Мы не разговариваем с копами, когда можем избежать этого.

— Но здесь речь идет об исчезновении семнадцатилетней девушки! Если Варг действительно признался, это меняет все.

Злость заставила Лелле подняться, но мысли не успели за действиями. Он качнулся к Юнасу и вперился в него взглядом, пальцы сжались в кулаки, он хотел разорвать на куски этого парня. Все его тело жаждало этого. Причинить боль. *Убить.*

Юнас отступил. Их было двое, но они явно побаивались его одного.

— Вы трусливые твари, — сказал Лелле. — Трясетесь только за собственные шкуры, а жизнь семнадцатилетней девушки для вас ничто. Продаете наркоту детям, спаиваете. Таких, как вы, надо расстреливать.

Юнас завопил и, схватив Лелле за куртку, притянул к себе. Лелле попытался вырваться, уголком глаза заметив, как второй брат поднял нож. Холодная сталь обожгла горло.

— Понимаю твой гнев, — прошипел Юнас. — Если бы пропала моя дочь, я бы грыз зубами землю, чтобы найти виноватого. Но мы не имеем никакого отношения к такому дерьму, и мне не нравится твоя позиция.

Металл чиркнул по коже, что-то теплое побежало по шее за воротник — то ли пот, то ли кровь.

Юнас все еще держал его, но Лелле с толикой разочарования подумал, что его мучения, пожалуй, не закончатся сегодня. Так и вышло. Юнас подал знак брату убрать нож, а потом толкнул с такой силой, что Лелле упал между деревьев.

— В следующий раз мы не будем столь же терпеливыми, — сказал Юнас. — Тебе надо найти Варга, на нем и изливай свою злость.

Еще какое-то время Лелле лежал на спине. Он видел, как братья побежали. У него и в мыслях не было преследовать их — они больше ничего не могли ему дать.

Суставы налились свинцом, не хотели подчиняться. Землю вокруг

мягким ковром покрывал мокрый мох, холод все больше проникал в тело. Сосны качались над его головой, и в этом шуме он слышал: «Убил ее... Никто никогда не найдет ее...»

* * *

Мея никогда не жила в настоящей семье. И она решила изучить жизнь семейства Брандтов, в которое так неожиданно попала, с близкого расстояния, попытаться разобраться, как у них все устроено. Не вызывало ни малейшего сомнения, что верховодил тут именно Биргер. Когда он входил в комнату, все сразу начинали искать, чем занять руки; ему редко требовалось говорить хоть слово — хватало одного его присутствия, чтобы все встало на свои места.

Аниту он называл «любимая», и ему нравилось целовать ее в белую макушку, но Мея быстро поняла, что это всего лишь игра. Она видела что-то вроде этого между Силье и ее мужчинами и в конечном счете с разочарованием сделала вывод, что никакой любовью тут и не пахло, Биргеру и Аните просто приходилось терпеть друг друга. Анита постоянно напевала, работая, поэтому все в усадьбе знали, где ее искать, — шли на голос. Но когда Биргер находился рядом, она предпочитала молчать.

Братья Брандты были очень разными. Карл-Юхан — говорун, он обычно притягивал все внимание к себе. Если в семья и были любимчики, то, бесспорно, это место занимал ее парень.

Пер много смеялся, его громкий смех часто разносился по дому, заражая остальных. Он отлично ладил с животными и коллекционировал ножи. По вечерам Пер втыкал острые лезвия в яблоко и оставлял так на ночь. «Сталь становится тверже в кислой среде, — объяснил он Мее. — Нет ничего хуже хрупкого ножа».

Ёран вечно старался уйти куда-нибудь, спрятаться. Ходил в натянутом на голову капюшоне, чтобы никто не видел расцарапанное лицо. Прыщи, мучившие его, гноились, прорываясь, кровоточили и не собирались исчезать. Мея делала вид, что не замечает его ран, смотрела прямо в глаза. Но в его взгляде пряталось что-то неприятное. Он тарачился на нее со скрытой злобой, словно ее присутствие каким-то образом мешало ему.

Однажды Мея лежала, раскинув руки и ноги в стороны, на поляне среди цветущих седмичников. Если прищуриться, эти нежные цветы напоминали снежинки. Краем глаза она видела, что кто-то подошел,

подумала, что Карл-Юхан, и с блаженной улыбкой протянула руки. Но ожидаемой реакции в ответ не получила. Приподнявшись, она увидела, что это был Ёран. Жидкие сальные волосы падали на багровые щеки.

— Что, решила, я Карл-Юхан?

— Почему ты подкрадываешься ко мне?

— Это твоя мама приезжала вчера?

— Угу.

— Она выглядит такой молодой.

— Она родила меня в семнадцать лет.

— Ничего себе.

Он сел скрестив ноги. Из уголка рта торчала травинка. Так как солнце светило Мее в глаза, она не видела язвы на его лице.

— Твоя мать, наверное, хочет, чтобы ты вернулась к ней?

— Угу.

— И что ты ответила?

— Я сказала, что мой дом теперь здесь.

Ёран переместился ближе, коснулся коленом ноги Меи. Кожа у него была холодной, несмотря на теплый день.

— Она расстроилась?

— Моя мама как ребенок. Мне всегда приходилось заботиться о ней.

— Но сейчас у тебя есть Карл-Юхан. И мы.

Мея улыбнулась, глядя на цветы.

— Это единственное, чего мне не хватает, — продолжил Ёран. — Девушки. Того, с кем бы я мог делить все на свете.

— Тогда не сиди здесь — ищи свою девушку.

— По-твоему, я этого не делаю? Никому не нужен парень с такой рожей, как у меня. И если бы только рожа.

Он покрутил шелушившимися руками, и Мея отвела взгляд. На счастье, она услышала голос Аниты. Та приближалась к ним. Белая коса била ее по спине, вид был сердитый.

— Что ты там сидишь? — крикнула она Ёрану. — У тебя же непочатый край работы на картофельном поле.

— Я просто немного отдохнул.

— Вижу, вижу.

Ёран встал и провел по заднице ладонями, отряхиваясь, но, прежде чем уйти, подмигнул Мее, словно их связывала какая-то тайна.

Анита протянула ей руку и помогла подняться. Когда они встали друг напротив друга, глаза женщины потеплели.

— Послушай, Мея, — сказала она, — мои сыновья вьются вокруг тебя,

как пчелы вокруг улья...

Мея смутилась, и Анита, увидев это, улыбнулась:

— Веришь ты или нет, но я тоже была молодой и красивой когда-то, поэтому знаю, как все бывает. Порой устаешь от излишнего внимания.

— Ты и сейчас красивая.

Анита рассмеялась так громко, что ее смех эхом пролетел над поляной.

— Ты добрая, — сказала она. — Но если мои парни станут слишком докучать, скажи мне. Обещаешь?

— Да, — кивнула Мея.

* * *

Лелле боялся сойти с ума. Боялся, что в один прекрасный день не выдержит, сломается. Постоянно ведь балансировал на краю, чувствовал, как бездна манит его.

Он проснулся от боли в животе. В солнечный лучах танцевала пыль. Улыбка Лины на фотографии скорее напоминала ухмылку. Он окинул себя взглядом — ее взглядом. Грязные джинсы и давно нестиранная рубашка. Полинявшие, желтые от пота носки. На полу стояла полная окурков пепельница. Если бы Лина сейчас вошла, она бы развернулась на пороге. Решила бы, что это не ее дом. Лелле вздрогнул от этой мысли.

Все утро ушло на уборку. В пылесосе пришлось дважды менять мешки. Кожа на руках стала как вареная, когда он перемыл всю посуду, а щеки чесались после того, как он прошелся по ним безопасной бритвой.

Потом он сидел за кухонным столом и тупо таранился в газету. Там была заметка о Ханне Ларссон, по сути, не сообщавшая ничего нового. Интенсивные поиски в окрестностях Арьеплуга не принесли никаких результатов. Полиция просит людей поделиться любой возможной информацией. Все шло по накатанным рельсам, как и три года назад.

Пистолет лежал в кобуре на бюро. Лелле видел его уголком глаза — оружие придало решимости. Домашние дела отвлекли от тяжелых мыслей только на время. Пора приниматься за дело.

Куртка спрятала и «беретту», и бутылку «Лапройга». Гараж по-прежнему пустовал, и Лелле пошел пешком через лес. Шел и шел, стараясь не думать слишком много. Он достаточно долго наблюдал за Микаэлем Варгом и хорошо его изучил. Тот редко покидал родительский дом, нигде никогда не работал, друзей, если они у него были, растерял. Этого говнюка

интересовали только алкоголь и рыбалка.

Как и ожидал, парня он нашел на озере. Варг сидел на камне среди камышей и удил рыбу. С другой стороны озера слышались крики и смех купавшихся детей. Свободной рукой Варг отгонял комаров. Он был голый по пояс, позвонки на его спине напоминали плавник.

Лелле в нерешительности стоял на опушке. Шум в ушах заглушало жужжание комаров. Он не боялся получить серьезный отпор — в конце концов, у него с собой пистолет.

Варг не услышал его приближения. Повернул голову, только когда Лелле вошел в воду, и выронил от испуга удочку:

— Чего ты хочешь?

Лелле даже не позаботился снять обувь и подвернуть джинсы — добрался до камня и сел рядом с парнем. Камень был загажен дерьмом чаек. Из рыбацкого ящика Варга торчала бутылка водки емкостью 0,37 литра. Лелле бросил взгляд в сторону купавшихся детей и, убедившись, что никто не мог их видеть сквозь камыши, достал виски:

— Выпьешь немного?

Варг удивленно моргнул. Потянулся за бутылкой и, сделав глоток, даже не поморщился.

Лелле попытался улыбнуться:

— Тебе не кажется, что нам пришло время зарыть топор войны? Ради Лины.

— Ты серьезно? — вытаращился на него Варг.

— Лучше не станет, если мы будем враждовать.

Парень вернул бутылку, и Лелле, в свою очередь сделав глоток, скривился. Его и так тяготила необходимость притворяться, а тут еще виски обожгло горло. Тело начало потеть под курткой.

— Такое ощущение, словно жизнь закончилась, когда она пропала, — сказал Варг. — Я чувствую себя живым трупом.

Лелле махнул бутылкой:

— Выпей еще, станет легче.

Варг кивнул, сделал пару приличных глотков, вытер рот тыльной стороной ладони и склонился на Лелле:

— Ты не пытаешься меня отравить, я надеюсь?

— А что, должен?

Они натянуто улыбнулись друг другу и некоторое время молчали, глядя на воду, по которой плясали солнечные зайчики; оба по очереди прикладывались к горлышку. Лелле почувствовал, как под действием алкоголя злость начала угасать. Детский смех и плеск воды делали свое

дело. Он подумал о Лине — его дочь тоже любила купаться в озере.

— Я тут встречался с парочкой твоих друзей... там, на горе, — сказал он.

— Вот как?

— Угу. С близнецами. Они похожи как две капли воды. У них какие-то дела с тобой?

Уголком глаза он видел, как у Варга напряглась нижняя челюсть. Пальцы с силой сжали удилице.

— Ты, вероятно, имеешь в виду братьев Рингбергов?

— Да, именно так их зовут. Рингберги. Юнас и Юнах. Они много чего рассказали о тебе.

На шее Варга забился пульс.

— Я думал, ты пришел зарыть топор войны.

— Так и есть. И для этого тоже. — Лелле поднял обе руки. — Разве ты видишь его у меня? Я не хочу ссориться. Я хочу услышать правду, Микаэль. От тебя.

— Какую еще правду?

Лелле наклонился ближе к парню. Почувствовал, как гнев вспыхнул в нем с новой силой.

— Почему люди болтают, что ты признался в убийстве Лины?

— Я не знаю, о чем они говорят.

— Если верить братьям Рингбергам, ты действительно признался.

— Несут всякую чушь! В чем я мог признаться? Я ничего не делал.

— Ты хвастался, как избавился от тела. Якобы никто не найдет ее.

Лицо Варга перекосила гримаса злобы. Голос стал громче.

— Это неправда. Я никогда не причинил бы Лине вреда. *Никогда.*

Лелле отставил бутылку. Обвел взглядом лес и посмотрел в сторону купавшихся детей. Потом все произошло быстро. Он вытащил пистолет из куртки и прижал ствол к ребрам Варга. Когда снял «беретту» с предохранителя, глаза парня наполнились страхом. Удочка, упав в воду, покачивалась у валуна.

— Ты сошел с ума!

— Всё так, я чокнутый, и если ты хочешь остаться живым, предлагаю тебе все рассказать.

— Но я ничего не сделал!

— Почему близнецы говорят, что ты признался?

Грудная клетка Варга дергалась. Пистолет оставил красный след на голой коже. Лелле мучила изжога, хотелось пить, но палец неподвижно лежал на спусковом крючке. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем

он почувствовал, что парень сейчас сдастся.

— О'кей, — сказал Варг. — Я расскажу.

Молчание. Слышно было, как он глотает. Лелле начал терять терпение:

— Рассказывай давай!

— Хорошо, хорошо! — Нижняя губа Варга дрожала. — Я... я задолжал братья Рингбергам кучу денег. Они преследовали меня, угрожали вломиться в дом и ограбить всю семью. Обещали убить меня. Я был в отчаянии, хотел, чтобы они отстали...

Варг начал задыхаться, слезы душили него. Худое тело тряслось.

Лелле убрал пистолет.

— Единственное, что я могу сказать в свое оправдание: я был в отчаянии... Струсил... Ужасно струсил. Короче, солгал близнецам. Ляпнул, что сделал это... Лишь бы они струхнули — типа, я такой крутой — и отвалили. Я подумал, если они поверят, что я способен на такое, то не осмелятся на разборки со мной, оставят меня в покое, и это сработало! Они отстали.

У Лелле голова пошла кругом. Он наклонился к Варгу:

— То есть, если я правильно понял, ты взял на себя вину в смерти моей дочери *ради уважения со стороны каких-то чертовых наркоторговцев?* Так?

Варг склонился над своими худыми коленями и горько всхлипнул, как мальчишка-первоклассник, а Лелле переполнял гнев. Пистолет дрожал в его руке. Он уже видел, как поднимает оружие и прижимает ствол к пульсирующему виску. Как птицы взмывают вверх от выстрела. Почувствовал, как кровь дождем брызжет в лицо. Услышал, как прекратился детский смех, услышал вой полицейской сирены, почувствовал холодную сталь наручников... Увидел разочарование в глазах Хассана, который уже не сомневался, что он, Лелле, потерял рассудок.

Голос Лины привел его в чувство. Она стояла у кромки воды и молила убрать оружие. Лелле пришел в себя, спрыгнул с камня и побрел к берегу. Варг крикнул что-то вслед, но он не понял что. Не хотел оборачиваться. Не мог. Его охватил ужас — полшага оставалось до убийства.

Он побежал через заросли, подальше от озера и Варга. Подальше от собственного безумия. Но вскоре его затрясло так сильно, что пришлось остановиться. Он сел на землю и пошарил рукой, нащупывая, за что бы ухватиться, — лес вокруг качался. Наклонившись над мхом, он стал блевать, пытаясь вместе с содержимым желудка избавиться от страха. Блевал и блевал, пока не осталось ничего, кроме ощущения пустоты. Потом на трясущихся ногах пошел в березовую рощу, где припекало солнце и

трава доставала почти до пояса, упал и лежал в полном убеждении, что никогда не сможет подняться снова.

* * *

Мея знала, что они скрывают какие-то вещи от нее. Некие тайны, принадлежавшие только семье, частью которой она не являлась и, пожалуй, вряд ли когда-нибудь станет по-настоящему. Ей оставалось только ждать и надеяться. И она понимала, что вовсе не Карл-Юхан посвятит ее в главные секреты, если это сочтут возможным, а только его отец.

Однажды утром, когда она находилась в курятнике, внезапно появился Биргер, и она сразу догадалась, что он принял решение, что сейчас все произойдет.

— Ни одного яйца? — поинтересовался он.

— Нет пока.

— Надеюсь, они не начали лениться? Я имею в виду кур.

— Нет. У нас в запасе больше яиц, чем мы можем съесть.

— В этом и смысл. Всегда надо иметь излишек. Тогда появляется возможность запастись на черный день.

Мея посмотрела на свою собственную тень и тень Биргера, и ей показалось, что они оба выглядят неземными существами.

— Когда я была маленькой, у нас дома часто отсутствовала еда, — сказала она. — Нет ничего хуже пустой кладовки.

— Согласен с тобой, Мея. Меня и самого множество раз укладывали в постель с пустым животом, — признался Биргер. — Но большинство людей никогда не сталкивались с ситуацией, когда есть совсем нечего. И они пребывают в заблуждении, что всегда так и будут жить в достатке. — Он замолчал и посмотрел на нее сверху вниз: — Мне кажется, тебе пришла пора увидеть нашу кладовку.

— Я ее уже видела, — пожала она плечами.

В ответ Биргер только ухмыльнулся и повел ее в направлении молодого ельника. Мея удивилась, как легко он двигается для своего возраста и комплекции.

Наконец Биргер остановился среди зарослей и стал убирать ветки и дерн, пока не показался люк. Мея стояла затаив дыхание, а Биргер опустил на колени и сдвинул тяжелую крышку.

В темноте была лестница, он начал спускаться, позвав Мею за собой.

Однако она не двинулась с места — так и продолжала стоять наверху.

— Я не люблю маленьких замкнутых пространств, — буркнула она.

Биргер засмеялся:

— Вот спустишься и посмотришь, какое оно маленькое.

Скоро она могла видеть только его лысеющую макушку. Ей стало не по себе, и она обернулась: а вдруг появится Карл-Юхан? Тогда можно будет позвать его и спуститься вместе. Но Карла-Юхана не было, и, так как Биргер продолжал настойчиво звать, пришлось спускаться.

Она нерешительно поставила одну ногу на лестницу, потом вторую... В нос ударил запах сырой земли. Деревянными ступенькам, казалось, не будет конца, но Мея все-таки спустилась и присоединилась к Биргеру, уже приоткрывшему дверь, из-под которой пробивался теплый свет.

— А теперь приготовься, девочка, — сказал Биргер торжественно и толкнул дверь вперед. Но прежде чем он сделал это, Мея вспомнила Торбьёрна и его коллекцию порнографии. Ей сразу стало трудно дышать, будто кислород вот-вот закончится, даже голова закружилась.

Однако она тут же обо всем забыла, как только увидела огромную, как спортивный зал, комнату. На дощатом полу, оживляя обстановку, вкривь и вкось лежали половики всех цветов, а стены снизу доверху занимали полки. На них теснились банки с консервами, металлические ящики с красивыми этикетками, в каких обычно продают печенье и бакалею, длинными рядами стояли керосиновые лампы, спиртовки и аккумуляторы. Но полу — огромные канистры с водой, у дальней торцевой стены — три двухъярусные кровати, снабженные спальными мешками. На вешалках висела одежда всевозможных размеров, на стеллаже — зимние шапки и варежки, внизу — обувь на все сезоны. С крюков таращились десять противогозов. Аптечка: три ящика со средствами первой помощи, упаковки лекарств, несколько пар костылей и инвалидная коляска.

Отдельно — оружие, целый арсенал. Больше десятка ружей стволами вниз, несколько пистолетов. Сотни коричневых картонных коробок с боеприпасами. Само собой, остро наточенные ножи, топоры и прочий инструмент.

Биргер начал показывать и объяснять. Прежде всего он сообщил, что еды и воды здесь хватит по меньшей мере на год. А керосина и иного топлива — вообще хоть залейся. Да еще новенькие аккумуляторы с хорошим зарядом, да еще солнечные батареи...

— Никто не сможет добраться до нас. Мы готовы ко всему.

Мея сразу вспомнила католического священника, предпочитавшего Господа всем мирским соблазнам. Силье пыталась совратить его, когда они

одно лето жили на Готланде. Священник долго молился за столом, а то и отказывался от еды и сна и не замечал женской красоты. Мею он поразил глубиной своей веры. Она до сих пор помнила, как светились его глаза и дрожали губы, когда он начинал говорить о святых и о Боге. От его голоса дребезжала стоявшая на полках фарфоровая посуда, когда он пел на латыни. Ей тогда тоже захотелось верить во что-нибудь столь же неистово и беззаветно, чтобы вера сочилась буквально из всех пор и она, Мея, могла заражать других своей убежденностью. Та же самая вера — фанатичная, истовая — была у Биргера, хотя верил он отнюдь не в Бога. Глядя на его позолоченные искусственным светом редкие волосы, на испещренное морщинами лицо, она подумала, что Биргер, пожалуй, напоминает ангела. Падшего ангела. Люцифера.

— У государства нет никаких стратегических запасов на случай чрезвычайной ситуации, Мея. А у нас есть. Здесь ты в полной безопасности. И здесь тебе никогда не придется голодать, — сказал он.

* * *

Лелле зашел слишком далеко с Варгом. Пока он бежал к деревне, казалось, что палец все еще давит на спусковой крючок. И хуже всего было то, что ему действительно хотелось выстрелить. Положить конец всему. Сначала продырявить голову парню, а потом направить ствол на себя. Только два выстрела — и все бы закончилось.

Хассан ползал на четвереньках вокруг клумбы. Рядом с ним быстро росла куча сорной травы. Из открытого окна вырывались звуки классической музыки. На скамейке стоял бокал мартини, в блюдечке лежали оливки.

Лелле осторожно, словно живое существо, положил «беретту» на сорняки. Хассан поднялся и отряхнул брюки, на руках у него были садовые перчатки.

— Что это?

— Я хочу, чтобы ты забрал у меня оружие.

— Это твой пистолет?

— Он не зарегистрирован, если ты это имеешь в виду.

Хассан прищурился и с угрюмой миной оглядел Лелле:

— Что у тебя на шее?

Лелле коснулся царапины, оставленной ножом одного из близнецов:

— Ерунда, просто поранился, когда брился.

Хассан явно не поверил, не снимая перчаток, он поднял «беретту» с травы и тщательно осмотрел:

— Надеюсь, ты никого не застрелил.

— Именно поэтому я и хочу, чтобы ты забрал его. Пока я не сделал это.

* * *

Силье могла добраться до нее только одним способом — с помощью стационарного телефона, и она звонила довольно часто. Главным образом ныла, чтобы Мея вернулась.

— Это имеет отношение к исчезнувшим девушкам, — заявила она в очередной раз. — Торбьёрн никак не может расслабиться. Он просит тебя приехать домой, поскольку тут ты будешь под нашей защитой.

— Я здесь в большей безопасности, чем когда была с тобой.

— Не понимаю, почему ты так враждебно настроена.

Когда Мея рассказала Биргеру о звонках Силье, он только улыбнулся:

— Средства массой информации из всех сил стараются нагнать страху. Привыкли делать из мухи слона. Исчезнувшие девушки — разве это материал для первой полосы? В том, что молодежь отправляется в дорогу, никого не предупредив, ничего сенсационного нет. Такое постоянно происходит. Анита и я проделывали то же самое, когда были молодыми, и с нами не случилось ничего плохого. Наоборот...

Однако он все равно потребовал, чтобы парни и Мея не катались нигде по ночам. По его словам, за воротами Свартшё росла коррупция и становилось все больше проблем, от которых им следовало держаться подальше. На всякий случай он начал запирает ключи от машин в бюро, несмотря на протесты Карла-Юхана и его братьев.

В Свартшё не было телевизора. Карл-Юхан не знал почему именно, но если верить ему, они всегда так жили. Главу семейства Мея не стала спрашивать, опасаясь нарваться на долгие разглагольствования вместо ответа. У них был компьютер, но Биргер не спускал с него глаз. Ее попытка проверить Фейсбук вызвала явно недовольство с его стороны.

— Когда ты перестанешь быть такой наивной, Мея? Социальные сети — лучший способ наблюдения за нами.

Радио, очень *специфическое* радио, и такие же специфические подкасты — вот что приветствовалось. По вечерам, когда они все собирались в гостиной, Биргер сидел в своем кресле, молитвенно сложив руки на груди и весь обратившись в слух. Больше всего ему нравился Джек Джонс. Этот американец из Би-би-си якобы прекрасно знал все тонкости механизма коррупции. Анита держала вязание в руках, спицы тихо позвякивали, соприкасаясь, словно непрерывно нападали друг на друга. Пер и Ёран валялись на диване, а Мея и Карл-Юхан предпочитали оленью шкуру у камина. Мее нравилось смотреть, как жар красит щеки Карла-Юхана румянцем, как языки пламени отражаются в его глазах. Этого Джека Джонса Мея не слушала, его голос был фоном, никоим образом не мешавшим им наслаждаться обществом друг друга.

Когда Джонс заканчивал говорить, Биргер обычно брал слово, требуя всеобщего внимания.

— Мея, малышка, тебе известно, как мы с Анитой познакомились? — спросил он однажды вечером.

Братья отреагировали на его слова громкими стонами и вздохами, но Биргер и ухом не повел. Мея сразу выпрямилась, поскольку вопрос был задан ей.

— И как же? — вежливо поинтересовалась она

— Ну, это случилось, когда мы стали братом и сестрой.

— Биргер, в самом деле!

Спицы замерли в руках Аниты. Комната тут же наполнилась громким смехом, и, посмотрев на Карла-Юхана, Мея увидела, что тот покраснел.

— Не биологическими, конечно, — уточнил Биргер. — Просто в юности мы оказались в одной приемной семье, вот так и породнились.

— Стоило мне увидеть ее, — продолжил он и показал на Аниту, — я уже знал, что как сестра она меня не устроит. Она ведь была красавицей по меркам того времени, точно как ты, Мея. Фатальная женщина, способная вскружить голову самому холодному мужчине, даже не пытаясь это сделать. — Он поцокал языком.

Анита смущенно покраснела.

— Естественно наш приемный отец положил на нее глаз. Хорошо еще, дом был маленький, с плохой звукоизоляцией, что помешало ему реализовать гнусные намерения. Я застал его на месте преступления, когда он пытался засунуть руку ей под юбку...

— Биргер, — одернула Анита мужа.

Спицы замелькали быстрее, зазвенели громче. Биргер подошел, положил руку ей на плечо и только потом продолжил:

— Я, конечно, врезал ему от души. Он ударился головой о стену и отрубился. Мы с Анитой подумали, что он концы отдал, так что собрали пожитки и подались в бега. Решили держаться подальше от всяких властей и заботиться о себе самостоятельно. Взяли судьбу в свои руки и без посторонней помощи стали счастливыми. Мне было семнадцать, а Аните на год меньше, когда мы оказались вдвоем против всего мира.

Биргер наклонился и поцеловал жену в темя.

Когда он снова продолжил, голос его слегка дрожал.

— Понадобилось десять лет, чтобы скопить на эти земли. И еще больше времени ушло, прежде чем появились мальчишки. Мы всего лишь хотели создать семью, иметь много детей, но даже за это пришлось побороться. Ёран родился после нескольких выкидышей. И пусть я никогда не верил в Бога, но в какой-то день уже находился на грани того, чтобы к этому Богу воззвать. А потом и двое других не заставили себя долго ждать. Так у нас появились трое ребятишек, и наши мечты сбылись.

Биргер впился взглядом в Мею и Карла-Юхана. Его нижняя челюсть выпятилась, когда он улыбнулся.

— Чтобы преуспеть в жизни, детки мои, нужен правильный партнер. Готовый делить с тобой и печали, и радости. Если такой имеется, можно осуществить любые мечты. Посмотрите на нас.

Он повернулся к Аните и, взяв ее руку в свою, поднес к губам. При этом он чуть не проткнул глаз спицей, чем здорово развеселил сыновей.

А Мея подумала о Силье, о том, как мать постоянно искала себе мужчину и ни с кем не оставалась надолго. Подумала, насколько несчастливой и беспокойной стала ее собственная жизнь из-за вечных поисков матери. Она положила голову на плечо Карлу-Юхану и пообещала себе никогда не следовать примеру Силье.

«Я должна двумя руками держаться за мою любовь», — подумала она.

* * *

Во сне он всегда находил Лину лежавшей в воде. Бледную под темной поверхностью. Распухшую от долгого пребывания в озере. Когда он вытаскивал ее на берег, повторялась одна и та же история: он стаскивал с себя футболку и закрывал мокрое тело дочери, но вода продолжала струиться по волосам, вытекала изо рта и пустых глазниц. Поток нарастал и каждый раз уносил Лину неизвестно куда. Он просыпался, и постельное

белье всегда было влажным.

Из объятий сна его вырвала гроза. Он сел на кровати и вздрогнул, оглядев себя в свете вспышек молний. Все его тело украшали синяки и ссадины после ночей, проведенных в лесу. На распухших от комариных укусов запястьях запеклась кровь — вероятно, он расчесывал их, когда спал. Все тело зудело и воняло.

Лелле встал и пошел в душ. Ему вспомнилось, как он прижимал пистолет к ребрам Варга и уже был готов выстрелить. Его затрясло, несмотря на горячую воду. Он закрыл лицо руками и безудержно зарыдал.

Электричество из-за грозы отключили, и он на ощупь пробрался в кухню, оставляя за собой мокрые следы. Только успел найти свечи, как ожил мобильник. Голос Анетт подозрительно вибрировал, и в душу сразу закралась тревога.

— Я звонила на домашний номер, но ты не ответил.

— Я был в душе.

— Ага.

Она замолчала, явно собираясь с духом. Это не предвещало ничего хорошего. Лелле зажег свечи свободной рукой и сел за стол. Он слышал ее дыхание.

— Я звоню, потому что мне надо кое о чем тебе рассказать... Пожалуй, это станет шоком для тебя... Я была почти уверена, что уже слишком стара для этого, но оказывается...

— Говори, — перебил он ее резко и подумал: «Вряд ли меня теперь что-нибудь удивит».

— Я беременна, — проямлила Анетт. Раскаты грома заглушили ее слова.

Лелле плотнее прижал телефон к уху:

— Что ты сказала?

— Я беременна. У нас с Томасом будет ребенок.

— У вас с Томасом будет ребенок?

— Да.

Лелле рассмеялся, хотя в этом не было ничего смешного. Посмотрел в сторону своего кабинета и, когда снова сверкнула молния, увидел, что дверь приоткрыта. Как много времени прошло с тех пор, как они лежали там? Он и Анетт.

— Ты уверена, что это ребенок Томаса?

— Само собой...

— Если я правильно помню, не так давно мы...

— Все это забыто и мхом поросло. То, чем мы занимались, не играет

никакой роли...

— Ага, ясно.

Свечи отбрасывали длинные тени на стол.

— А Лина? — спросил он после паузы.

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя уже есть один ребенок — дочь, исчезнувшая три года назад.

Мы должны тратить всю нашу энергию на ее поиски, ты так не считаешь? Или таков твой способ продолжать жить: родить нового ребенка вместо того, который у тебя уже есть?

Голос Анетт на другом конце линии задрожал.

— Надеюсь, способность радоваться вернется к тебе в один прекрасный день, — сказала она. — И ты придешь в себя.

Утром он получил назад свою машину. Хассан выглядел слегка смущенным, когда протянул ему ключи, сказав, что никаких следов человеческой крови не обнаружено.

— В следующий раз, когда ты собьешь оленя, тебе надо написать заявление, чтобы мы смогли связаться с саамами.

Рука Лелле задрожала, когда он взял ключи, ему не терпелось снова отправиться в дорогу.

Он сделал это почти сразу же, не дожидаясь ночи. Курил с закрытыми окнами, так что дышать становилось все тяжелее. Пепел, кружась, падал на приборную панель и держатель для термоса. Но его это нисколько не волновало. Он вспоминал, как все было в первый раз, когда Анетт рассказала ему о своей беременности. Они только недавно съехались, и он сварил яйца на завтрак. Анетт крепко спала, он разбудил ее, и она сказала, что яйца отвратительно пахнут. Странно было это слышать, потому что она любила яйца. Потом, сидя за столом в махровом халате, она заявила, что ее тошнит от кофе, и Лелле уже было подумал, что они съехались слишком поспешно, оказывается, он плохо знает эту женщину. Анетт стояла у приоткрытой двери на террасу, он подкрался к ней сзади и, сунув руку между лапами халата, взял ее за правую грудь. Он сделал это игриво, без всякой мысли причинить неприятное ощущение, однако Анетт закричала, словно ее ударили ножом, а потом разрыдалась. Сквозь всхлипывания она сообщила ему, что ей на аборт в следующий понедельник, и показала письмо из районной поликлиники. Так ему все стало известно.

Он настоял, что отвезет ее. Анетт сидела, сердито поджав накрашенные губы, и таранилась на еловый лес; всем своим видом она демонстрировала нежелание разговаривать. После Варутреска она

пожаловалась на тошноту и сказала, что ей надо выйти. Лелле курил, пока она блевала в придорожную канаву.

— Вот видишь, ты не готов стать отцом, — поддела она его, когда вернулась. — Ты же дымишь как паровоз.

— Я брошу сразу же, если мы сохраним ребенка.

Он держал недокуренную сигарету в пальцах, а Анетт подошла так близко, что он учуял, как от нее воняет кислым. Они стояли и зло пожирали друг друга глазами, но в конце концов Анетт вытерла рот тыльной стороной ладони и устало опустила плечи.

— Гаси сигарету, — сказала она. — Я хочу домой.

С того дня он не курил семнадцать лет, а теперь сидел в машине обсыпанный пеплом. Его попытки посчитать, сколько недель прошло с того утра в его кабинете, ни к чему не привели. В памяти осталось только, что Анетт приготовила потом яйца. Она действительно любила их.

Он опустил стекло и выбросил окурок на покрытый трещинами асфальт, а затем отправил вслед за ним и всю пачку. Анетт могла отнекиваться сколько угодно, но он все равно знал, что и сейчас она носила его ребенка.

Часть вторая

Тишина была хуже, чем темнота. Она не слышала ни ветра, ни дождя, ни птиц. Ни шагов, ни голосов. Казалось, никакого мира снаружи не существовало. Она прикладывала ухо к стенам и пыталась уловить хоть какой-то звук, но все ограничивалось ударами ее сердца. Руки были покрыты царапинами. Старые синяки пожелтели от времени. Она не дралась больше. Не могла. Кровеносные сосуды распухли под кожей, как будто она начала стареть преждевременно, как будто жизнь постепенно вытекала из нее.

Висевшая на потолке лампа отбрасывала на стену ее тень, и она вдруг решила помахать собственной тени. Увидела, как ее собственные длинные пальцы махнули в ответ, помогая бороться с одиночеством.

Комната была идеально квадратной формы и напоминала ящик. У одной стены стояли койка и тумбочка. На тумбочке нетронутая еда. Термос с супом и завернутые в пленку бутерброды с сыром. Она понюхала суп, когда голод стал невыносим, но ее сразу стало тошнить, как только она сделала первый глоток. Тело не принимало еду, как будто все ее естество протестовало против того, что ее держали взаперти.

С другой стороны, около двери стояло служившее туалетом ведро и еще одно, наполненное водой. Она старалась не пользоваться ими, насколько могла. Ела и пила так мало, что ей почти не требовалось писать. А на мытье у нее просто не хватало сил. Грязные волосы слипшимися прядями лежали на плечах, оставляли жирный отпечаток на подушке, и, насколько она понимала, пахло от нее не лучшим образом, пусть даже она не могла это чувствовать. Она надеялась, что зловоние заставит его держаться подальше.

Она пыталась скоротать время с помощью сна, а когда валяться на кровати становилось невозможно, бродила кругами по своей темнице, пока ноги не начинали болеть. Простукивала стены в поисках пустот. Упорно пыталась услышать что-то иное, помимо собственного дыхания, хотя и понимала всю бесполезность этого занятия. Без дневного света было трудно судить, как много дней она провела здесь. Время делилось только на бодрствование и сон. Она подолгу таращилась на дверь. Ее собственная кровь выделялась на светлом металле пятнами ржавчины. Она не стучала по ней уже давно, понимая, что ее все равно не выпустят. Садины никак не хотели заживать в темноте. Он предлагал сделать ей перевязку, но она

вместо ответа сворачивалась калачиком, колючками вверх, подобно ежику. Последнее, чего она хотела, так это чтобы он прикасался к ней.

* * *

Лелле пил холодный кофе маленькими глотками и смотрел на склоненные над партами головы. Ручки тихо скрипели в тишине. Пожалуй, мода на длинные волосы снова вернулась, поскольку у многих парней пряди свисали на лица, и им приходилось постоянно откидывать их назад. Девицы отличались бóльшим разнообразием причесок. Одна из них частично покрасила челку в розовый цвет, другая выбрила приличный участок прямо над ухом. И парни, и девчонки сидели с такими скучающими минами, что ему становилось не по себе, когда он думал об этом.

Лина была старше их всех на данный момент. Ей уже должно было исполниться двадцать, во что верилось с трудом. Казалось, целая вечность прошла с тех пор, когда она говорила, какие страны хотела бы посетить. Таиланд, Испанию, пожалуй, США. Ей хотелось работать няней, заниматься чужими детьми.

— *Что ты знаешь о детях?*

— *Но это, наверное, не так трудно?*

Порой он фантазировал на сей счет. Что Лина сейчас едет по автостраде где-нибудь в Калифорнии, ветер треплет ее волосы, а на заднем сиденье сидит пара малышей из богатого семейства. Вовсе она не исчезла, нет.

Еще одно лето закончилось безрезультатно. Осенний семестр воспринимался как наказание, ведь пришлось прекратить поиски и выйти на работу. Новые ученики знали его историю. Он видел это по их взглядам. Смотрели на него с любопытством и состраданием, и от этого все переворачивалось внутри. Но никаких вопросов не задавали. Все в Глимерстресске и так знали, что произошло. Родители боялись, что с их детьми может случиться что-то подобное. Детям вбивали в голову никогда не ходить поодиночке и всегда быть настороже. Он сомневался, что кто-либо оставлял теперь своего ребенка на автобусной остановке ждать опаздывающий автобус. Да еще и исчезновение Ханны Ларссон подлило масла в огонь, напомнило, что опасность вовсе не миф и даже в таком маленьком населенном пункте, как Глимерстресск, важно следить за

детьми.

Но на самом деле с учениками ему было проще, чем со взрослыми. Когда урок заканчивался, они покидали класс, а он еще долго сидел в тишине. В кафетерий идти не хотелось из опасения, что к нему непременно кто-то набьется в компанию со своими участливыми разговорами. В учительской он держался особняком. Сразу шел к кофеварке и задерживался около нее надолго. И сейчас мешал кофе ложкой, хотя не использовал ни молоко, ни сахар. Позвякивание металла о фарфор действовало на него успокаивающе. За окном покачивались на ветру пожелтевшие и уже начавшие сбрасывать листву березки. Тонкая пленка льда все чаще затягивала лужи.

Учитель обществоведения Клаус Форсфьёлль встал рядом и принялся с энтузиазмом рассказывать об охоте на лосей. Лелле вежливо хмыкал, но не спускал взгляда с замерзших луж. Форсфьёлль положил руку ему на плечо. От него пахло бананом и солеными лакричными конфетами.

— Да будет тебе известно, друг мой, мы всегда помним о твоей дочери, когда выбираемся в лес, — сказал он.

Лелле повернулся к нему, посмотрел в бесцветные глаза, почувствовал, как мурашки пробежали по спине.

— С чего ты вдруг решил, что она должна быть там?

Форсфьёлль смущенно поджал губы и мгновенно покраснел:

— Я ничего такого не имел в виду, просто хотел сказать, что мы думаем о Лине, смотрим в оба.

Лелле опустил голову, внезапно осознав, что зря вогнал коллегу в краску.

— Спасибо, — кивнул он, — это многое значит для меня.

Форсфьёлль взял свой кофе и подсел к другим учителям, непринужденно о чем-то болтавшим. Взгляд Лелле упал на Анетт, которая, восседая на стуле, что-то рассказывала, по своему обыкновению размахивая руками. На ней был темный джемпер в обтяжку, и выпиравший вперед живот сразу бросался в глаза. Ноги задрожали, и он схватился за подоконник. Чашка упала на пол. Все повернулись к нему, готовые утешить в очередной раз, выразить сочувствие. Пол качался, когда он поспешил прочь. Казалось, коллеги кричат ему вслед:

— *Бедняга! Как ты справляешься?*

Ничто заранее не предвещало его появление. Просто начинали скрипеть петли, когда открывалась тяжелая дверь. Если лампа была выключена, он тянул за шнурок, а потом, щурясь, смотрел на нее. Она чувствовала его взгляд на себе даже сквозь закрытые веки, когда притворялась спящей.

Убедившись, что она дышит, он тянулся к ведрам, и она успевала увидеть лестницу позади него. Темную лестницу — никаких признаков дневного света. Он выливал мочу, и наполнял чистой водой другое ведро, а ставя ведра на пол, оставлял лужи на бетоне.

Дверь запиралась автоматически — она никогда не слышала лязга ключей. Однажды, в самом начале, когда у нее еще хватало сил, она попыталась наброситься на него. Стояла у двери и напала, как только он появился с ведрами, аж брызги полетели во все стороны. Но все впустую. Он треснул ее по спине пластиковым ведром с такой силой, что она потом не могла встать. Даже не сопротивлялась, когда он отнес ее на кровать и трогал своими мерзкими руками.

На лице у него всегда была маска с прорезями для рта и глаз. Глаза казались неестественно светлыми на фоне черной ткани. Она никогда не видела его волос и решила, что под маской скрывается лысая черепушка.

Его возраст тоже не удалось определить. Наверное, моложе ее отца, но знать наверняка она не могла. В крошечной комнате он выглядел огромным, как медведь. Но, может быть, ей это только кажется. Двигался он легко, несмотря на тяжелые рабочие ботинки, и обладал мягким и тихим голосом, словно голосовые связки находились глубоко в животе. И от него обычно исходил кисловатый запах свежего пота, словно он приходил к ней после пробежки.

— Почему ты не ешь?

Он собрал нетронутую еду и положил новую. Рядом с овощами, от которых еще поднимался пар, лежал блестящий от жира кусок мяса. Тошнота напомнила о себе почти сразу, хотя от голода сосало под ложечкой.

— Я не могу, мне хочется блевать, когда я пытаюсь что-то положить в рот.

— Может, ты хочешь чего-то особенного? Что ты любишь?

Она слышала, каких усилий ему стоило сохранять мягкий тон, на самом-то деле голос прямо вибрировал от злости.

— Мне нужен свежий воздух. Только пара вздохов. *Пожалуйста.*

— Не начинай.

Он открыл крышку термоса, наполнил и протянул ей. Пар приятно

коснулся шелушившихся губ. От напитка исходил приятный аромат.

— Это настой шиповника, — сказал он. — Выпей несколько глотков, и тебе станет лучше.

Она коснулась губами крышки, притворилась, что пьет. Впилась взглядом в его ботинок, к которому прилип пожелтевший лист:

— Что, уже осень?

Он замер, потом начал пятиться к двери.

— Когда я вернусь, мне хотелось бы увидеть, что ты все съела.

* * *

— Мне приснилось, что ты забеременела.

Карл-Юхан вышел из нее, оставив на простыне липкое пятно. Мея поморщилась:

— Звучит как кошмар.

— Ты была бы очень красивая с животом.

Она пошла в ванную и закрыла на щеколду дверь, чтобы он не смог последовать за ней. Почистила зубы, вымыла голову и немного подкрасила тушью ресницы. На большее не хватило времени. Когда вернулась, он по-прежнему лежал в кровати и улыбался. Целуя его, она почувствовала исходящее от него тепло. Он притянул ее к себе:

— Тебе действительно так надо уезжать? Разве ты не можешь остаться здесь? Со мной.

— Я опоздаю на автобус, если ты не отпустишь меня.

Он крепко держал ее одной рукой, а другой взъерошил волосы. Мея вырвалась:

— Обязательно было портить мне прическу?

— Какая разница? Перед кем тебе красоваться?

Ни Биргер, ни Карл-Юхан не верили, что она закончит гимназию. Считали ее затею пустой тратой времени. Мее пришлось неоднократно объяснять, что она пообещала самой себе получить аттестат и добиться в жизни большего, чем Силье. Та бросила школу, когда забеременела.

— Твоя мать ничего не потеряла, — сказал Биргер. — Произвести на свет ребенка значительно важнее, чем сидеть за партой и позволять промывать себе мозги хитрым лакеям шведского государства.

Она могла бы уступить, поскольку не любила школу. Причина самая простая: они с Силье никогда не жили на одном месте достаточно долго,

чтобы успеть привыкнуть. Каждый раз, как только она начинала осваиваться в новом классе, упакованные сумки уже стояли в прихожей. Силье абсолютно не заботило, что учебный год в разгаре, если у нее вдруг возникало желание переехать. Но именно это и служило стимулом для Меи. Она не хотела повторить судьбу матери. Стремилась найти свою дорогу в жизни.

* * *

До Серебряной дороги, где ходил автобус, было три километра. Ни у кого не находилось времени подвезти ее, поэтому она шла пешком, что в предрассветных сумерках не доставляло особого удовольствия. Биргер предупредил ее, что в темном ноябре это будет не слишком приятно. Он оказался прав. Лес черной стеной окружал ее с двух сторон, и Мея старалась не отрывать глаз от тропинки, змеившейся перед ней, лишь бы не видеть теней между деревьями.

Код от замка ворот состоял из восьми цифр, которые ей пришлось запомнить, поскольку они не разрешили записать их. Позднее она узнала, что это была дата рождения Биргера. Ворота громко заскрипели в тишине, и она почувствовала на себе взгляд хозяина усадьбы — он явно наблюдал за ней из окна. Мея тщательно закрыла ворота и трусцой побежала мимо уже почти облетевших берез. Ей показалось, что в воздухе пахнет снегом.

Она запыхалась, пока добралась до трассы, и встала на обочине, чтобы водитель автобуса не проехал мимо. За рулем сидел маленький мужчина с красным лицом, он пил кофе из термоса и частично проглатывал слова, когда спросил что-то. Кажется, задал вопрос о Биргере.

Автобус постепенно наполнялся школьниками из окрестных деревень. Она не видела домов, только указатели, показывавшие куда-то между деревьями. Все радостно здоровались, и в салоне скоро стало шумно. Мея прислоняла лоб к холодному стеклу, когда кто-то входил, или делала вид, что дремлет. Она чувствовала любопытные взгляды, но никто ей не докучал.

Таллбакская школа находилась в унылом желтом кирпичном здании. От окон тянуло холодом, и многие сидели в куртках. За вращающейся входной дверью в ряд стояли покрашенные в зеленый цвет шкафчики. Мея повесила свою куртку на крючок, полезла на полку, где лежали книги, и вытянула пластинку с круглыми синими таблетками. Отколупнула одну и

проглотила без воды. Закрыв шкафчик, она увидела ухмылявшуюся Ворону, чьи розовые волосы торчали в разные стороны.

— Твои родители знают, что ты жрешь противозачаточные пилюли?

— Я переехала к Карлу-Юхану.

У Вороны глаза округлились от удивления.

— И он не знает? Ну, про таблетки?

Мея улыбнулась:

— Он хочет, чтобы я забеременела.

* * *

Когда он пришел в следующий раз, шиповниковый отвар был выпит. Он него пахло холодным воздухом и гнилыми листьями. Ей даже не пришлось спрашивать, закончилось ли лето.

— Меня радует, когда ты ешь, — довольно кивнул он.

На этот раз он принес булочки с корицей и молоко. Аромат, распространившийся по комнате, вроде как благотворно подействовал на обоих.

— Ты можешь ненадолго остаться? — попросила она.

От неожиданности он остолбенел. Глаза настороженно таращились на нее из дыр в черной ткани. Вместо ответа он опустил на пол спиной к двери и почесал щеки, словно под маской пряталась борода.

Она протянула ему пакет с булочками, изображая саму кротость:

— Тоскливо есть одной.

Кивнув, он взял булочку; черная ткань ожила, пока он жевал. Сама она не могла есть — от страха кусок не лез в горло.

— Ты не мог бы снять маску?

— Когда ты перестанешь задавать глупые вопросы?

Он ухмыльнулся, словно дразнил ее. Искорка надежды вспыхнула в ее сердце. Как бы заставить его смириться над ней?

— Ты сам их испек?

— Не-а.

— Купил?

— Я тебе ничего говорил насчет любопытства?

На нем был темный свитер фирмы «Хелли Хансен», растянутый внизу. Он взял еще одну булочку, прожевал, отряхнул крошки с груди. Услышав нотки раздражения в его голосе, она машинально прижалась к стене. Ему

не нравилось, когда она задавала вопросы.

Он поднялся с пола и сел на кровать, невольно заскрипевшую под его весом. Она закрыла глаза, когда его пальцы заскользили по ткани ее футболки, а потом по телу. Он постучал костяшками по ее ребрам:

— Тебе надо есть, ты угасаешь прямо на глазах.

— У меня нет аппетита. Мне нужен свежий воздух.

Она заставила себя встретиться с ним взглядом, переступая через страх. Его белки были в красной сеточке, словно от наркотиков или бессонницы. Зрачки расширены. И от него по-прежнему пахло осенью.

Контакт глазами он воспринял как приглашение. Она попыталась вырваться, но он только сильнее вдавливал ее в кровать. Она впиалась ногтями в его холодные пальцы, попыталась убрать их, чем разозлила его. Он силой ударил кулаком по спинке кровати.

— Тебе надо научиться быть благодарной, — прошипел он. — За все, что я делаю для тебя.

Она не видела, как он уходил, слышала только, как с шумом захлопнулась дверь. Потом снова наступило одиночество.

* * *

Уже начало смеркаться, когда Мея вышла из школы. Ворона стояла под плакучей березой и скручивала сигарету. Украшавший язык пирсинг обнажился и блестел, когда она облизывала бумагу. Розовые волосы завивались от сырости.

— Пойдешь со мной в пиццерию? Я угощаю, — пригласила она Мею.

— Не могу. Мой автобус уходит скоро.

— Тебе не скучно в Свартшё?

— Нет, мне нравится там.

— Понятно, у тебя же есть Карл-Юхан для времяпрепровождения. — Ворона огляделась и затянулась сигаретой без фильтра. — Как он? В постели, я имею в виду.

— Не твое дело.

— Черт, какая ты скучная! — Ворона громко рассмеялась. — Судя по цвету твоих щек, я бы сказала, что парень соответствует ожиданиям. — Мея подняла воротник, а Ворона продолжила: — Я всегда считала его милашкой. Немного странным, конечно, но милашкой.

Мимо них проехал автомобиль. Мея сразу же узнала ржавый кузов, и

ей стало не по себе.

Торбьёрн опустил стекло, повис над рулем. Он был один, без Силье. Широко улыбнулся, поздоровался с Вороной, покачал головой, когда та выпустила в него струю дыма, затем спросил:

— Мея, у тебя найдется немного времени?

Она скривилась, обошла машину и села на переднее сиденье:

— Что-то случилось?

— Нет-нет, все идет своим чередом.

Торбьёрн поднял стекло, сделал тише радио. На приборной панели и в держателе для термоса валялись фантики от конфет, пахло в машине не очень. Мея положила рюкзак на колени, скосилась на часы. Автобус на Свартшё отправлялся через десять минут. Ей следует поторопиться.

— Чего ты хочешь?

— Дело касается Силье. Она спит целыми днями. Не хочет есть.

— Она перестала рисовать?

Он тяжело вздохнул, подтвердив ее худшие опасения.

— Запиши ее на прием. Но районной поликлиники будет недостаточно. Тебе надо найти психиатра.

— Что мне делать, если она откажется?

— Тогда забери вино и не давай, пока не согласится.

Он обеспокоенно провел пальцами по усам. Посмотрел на нее печальными, как у собаки, глазами:

— Честно говоря, это из-за того, что она скучает по тебе, и мне ужасно стыдно, что ты уехала из-за меня.

Мея посмотрела на желтое здание школы:

— Я уехала не из-за тебя.

Он выбил пальцами барабанную дробь по рулю под аккомпанемент щеток стеклоочистителя.

— Как у тебя дела в Свартшё?

— Хорошо.

— Все нормально с Биргером и его семейством?

— Угу.

— Как это — жить вместе?

— Прекрасно.

— То есть ты не жалеешь ни о чем?

Она прищурилась и посмотрела в сторону березы. Волосы Вороны выглядели необычно в сером свете умирающего дня.

— Нет.

— Здесь нечего стыдиться, скажи, если жалеешь. Вы же оба молодые,

вся жизнь впереди.

— Я не жалею.

Кислое дыхание Торбьёрна наполнило салон, когда он вздохнул.

— Вы не могли бы приехать и поехать с нами как-нибудь? Ты и Карл-Юхан? Мы скучаем по тебе, как я уже говорил.

— Мм...

Он снова посмотрел на нее печальными глазами:

— Я с удовольствием стал бы твоим отцом, если бы ты только дала шанс.

Мея обняла рюкзак и потянулась к двери:

— Мне не нужен отец.

* * *

Она лежала на кровати и играла с собственной тенью. Строила планы своего освобождения вместе с силуэтом, пристроившимся по соседству на стене. Ей следует держать ведро-туалет наготове, когда откроется дверь. Плеснет ему в глаза мочу, чтобы он не видел, как она поднимет тумбочку, единственный предмет в комнате, который можно использовать в качестве оружия. Ударит его со всей силы по голове, лишит сознания и пробежит мимо него. Вверх по лестнице. Она не знала, что там снаружи, есть ли еще запертые двери, но решила рискнуть.

Порой его не было по несколько суток — кто ж его знает, когда он придет. Часов у нее не было, и ориентировалась во времени она по еде. Если он долго не появлялся, еда засыхала или портилась. Иногда она боялась, что дверь уже никогда не откроется. Это казалось странным, но при всем страхе перед ним ей хотелось, чтобы он поскорее пришел. Подохнуть в одиночестве — это было страшнее.

Она поставила тарелку с засохшей едой на пол и попробовала поднять тумбочку. Сделанная из дерева, она была тяжелой, и вдобавок поднимать ее было неудобно. Вскоре у нее заболели руки и грудь.

— Нам надо есть, — сказала она тени на стене. — Если мы хотим, чтобы все получилось.

Она проснулась от вспышек камеры. Он стоял над ней и фотографировал, кожа державшей объектив руки была красной и шелушащейся, возможно, от холода. Она натянула одеяло на себя и закрыла

лицо руками. Он стащил с нее одеяло, обнажил живот и бюстгальтер и перестал снимать, только когда она заплакала.

Тяжело дыша, он заходил по комнате:

— Ты же почти ничего не съела! Пытаешься уморить себя голодом?

— Мне нездоровится, нужен врач.

Он бросил на нее настороженный взгляд, как бы предупреждая не делать глупостей, убрал засохшую еду в мешок для мусора и положил новую: колбасу, картошку и тертую морковь. Плюс еще два термоса и плитку молочного шоколада.

Она увидела, как тень на стене пришла в движение.

— Я думала, ты не придешь больше.

Он ухмыльнулся:

— Значит, скучала по мне?

Она потянулась за шоколадкой, развернула ее:

— Ты пахнешь зимой. Холодно снаружи?

— Не буду говорить, как пахнешь ты. Разве ты не видишь воду и мыло? Неужели трудно помыться?

Она отломил кусочек шоколада, положила на язык и снова заплакала.

Он прикоснулся к ее волосам:

— Может, помочь тебе помыть голову?

Она подтянула колени к груди — тень на стене последовала ее примеру. Слезы текли по щекам, смешиваясь с соплями. Шоколад приобрел солоноватый привкус.

— Зачем ты фотографировал меня?

— Потому что хочу видеть тебя, даже если я не здесь.

— Ты живешь один? Или у тебя есть семья?

— А в чем дело? Ты ревнуешь?

— Я просто любопытная.

— Любопытство может дорого обойтись.

Его рука соскользнула ей на щеку. Она старалась не шевелиться, прилагала максимум усилий, чтобы не отпрянуть. Он провел по ее губам большим пальцем.

— Есть у меня семья или нет, — сказал он, — я в любом случае хочу быть с тобой.

Девчушка стояла на остановке в ожидании автобуса. Уличный фонарь горел, освещая ее рассеянным светом, белокурые волосы выбились из-под натянутого на голову капюшона. Именно на волосы он и среагировал. И на то, что она была одна.

Не задумываясь, Лелле пересек левую полосу и подъехал к стеклянному павильону. Опустил стекло с пассажирской стороны и махнул ей. Он знал, что это не Лина, но все равно нахлынуло разочарование, когда он убедился, что перед ним не его дочь.

Девушку звали Мея, и она была новенькой в их школе. Она сидела у окна и проводила большую часть урока, рисуя изящные узоры на полях тетради. Пока он не трогал ее особенно — пусть освоится, и к тому же она выглядела очень одинокой, ранимой.

Мея нерешительно сделала несколько шагов к его машине, он видел, как блестели глаза, прятавшиеся в тени капюшона.

— Я еду домой, подвезти тебя?

Она скосилась на дорогу — автобус так и не пришел.

— До Свартшё, где я живу, более десяти километров.

— Не играет никакой роли, меня все равно некому ждать.

Девчушка колебалась, взвешивала, как ей поступить. Потом сделала два быстрых шага к машине, открыла дверь и проскользнула на сиденье. От нее пахло дождем, вся куртка была мокрой.

Лелле развернулся и поехал по Серебряной дороге назад.

— На автобус особо нельзя полагаться, — сказал он.

— Да, постоянно опаздывает...

Он включил дальний свет и, прищурившись, посмотрел в сторону леса. Скоро все побелеет. Ветви деревьев склонятся под тяжестью снега, а земля замерзнет почти на полгода. Еще одна зима. Он не знал, как переживет ее. Почувствовав, что Мея косится на него, попытался встретиться с ней взглядом, но она быстро отвернулась.

— Значит, ты живешь в Свартшё?

— Угу.

— С Биргером и Анитой?

— Ты знаешь их?

— Так себе. Вы родственники?

Она покачала головой:

— Их сын, Карл-Юхан, мой парень.

Люди обычно морщили носы, когда дело касалось Биргера Брандта и его семейства, хотя никто, похоже, особо не знал их. Они редко появлялись в деревне, и было непонятно, как они обеспечивают себя всем

необходимым. Хотя чего тут непонятного — свое хозяйство, охота... Эти Брандты вызвали волну недовольства, когда забрали сыновей из школы, заявив, что сами научат мальчиков всему, как это делали в прошлом. Лелле не знал, чем все закончилось, пошел ли социальный департамент на уступки, но он никогда не видел их в школе.

— Ты куришь? — спросила Мея внезапно.

— Только летом.

В машине пахло табачным дымом, конечно. Запах впитался в ткань сидений, да он и не убирался в салоне, честно говоря. Пепел лежал тонким слоем на приборной панели. Ему стало немного стыдно.

— А ты куришь? — спросил он.

— Нет, я бросила.

— И хорошо. Сигареты — зло.

— Карл-Юхан говорит, что государство специально подсовывает табак народу с целью избавиться от слабых.

Лелле скосился на нее:

— Я никогда не слышал об этом раньше. Но ведь государство борется против рака?

Мея вздохнула, смотря в темноту:

— Ослабленное население дает государству больше пространства для маневра. Так говорит Биргер.

— Вот как...

Лелле закашлялся от неожиданности, он изо всех сил старался не рассмеяться, чтобы не обидеть девушку. В первое лето он искал Лину на землях Биргера. Они все помогали ему, Биргер, его жена и их сыновья. Дали ключи от сараев и погребов, позволили исходить всю территорию вдоль и поперек.

Он наблюдал за девчушкой уголком глаза, обратил внимание на оставшиеся после лета веснушки. У нее были худенькие плечи, она выглядела хрупкой, как первая льдинка, образовавшаяся, пока зима еще не пришла по-настоящему.

— Как долго ты живешь в Свартшё?

— С лета.

— А где жила раньше?

— Везде понемногу.

— Судя по диалекту, ты приехала с юга.

— Я родилась в Стокгольме. Но жила повсюду.

— А как твои родители относятся к тому, что ты так рано ушла от них?

— У меня только Силье, и ее это не волнует.

Ей явно не нравились вопросы. Пальцы беспрестанно находились в движении, барабанили по коленкам, нервно теребили джинсы. Он подумал о Лине, о том, как тяжело было общаться с ней. И тем труднее, чем старше она становилась. Словно годы увеличивали пропасть между ними, постепенно делая чужими. Что бы он ни говорил, Лина кривилась и закатывала к небу глаза. Тогда это злило, но сейчас ему этого не хватало.

Мея подняла руку и показала на указатель между деревьями:

— Ты можешь высадить меня там.

— Нет, я отвезу тебя до дома.

Она обеспокоенно заерзала на сиденье, словно ей не понравилась его идея, но Лелле сделал вид, что не заметил этого. Захотелось узнать, почему девчушка добровольно поселилась в столь уединенном месте, неужели только из-за юношеской любви? В Свартшё не было ничего привлекательного — один только лес вокруг.

У ворот он остался сидеть за рулем, пока Мея набирала код.

— Парень Биргера Брандта, наверное, самый настоящий ловелас, — сказал он сам себе.

Освещенные окна дома, казалось, пылали огнем. Мея нервно теребила кончики волос. Лелле тоже стал испытывать беспокойство, хотя и не мог объяснить его причины.

Биргер стоял на верхней ступеньке крыльца, когда машина развернулась перед домом. У Лелле создалось впечатление, что старость преждевременно подкралась к этому человеку, он здорово сдал со времени их последней встречи.

Мея вылезла из машины, и Биргер погладил ее, словно собаку. Грубовато, но с любовью.

— Леннарт Густафссон, сколько лет, сколько зим! — воскликнул он и сделал приглашающий жест. — Ты же не откажешься от чашечки кофе?

* * *

Тень танцевала на стене, раскачивала худыми руками. Мотала головой из стороны в сторону. Тень повторяла ее движения — это она мотала головой, так что брызги летели с мокрых волос. В носу зудело от запаха мыла, она успела отвыкнуть от него. Мытье и шоколад зарядили ее энергией, и она смогла поднять тумбочку восемь раз подряд. Поднять и замахнуть. Она хлопнула ладошкой по ладони тени. Давно уже не

чувствовала себя такой сильной.

Когда он пришел, еды не было. Бóльшую часть она отправила в ведро, которое использовала в качестве туалета, но даже если он и заметил это, все равно ничего не сказал. Просто вышел с ведрами, как всегда, и скоро вернулся, наполнив комнату запахом холодного воздуха и кисловатым запахом тела. Глаза вспыхнули от удивления в отверстиях в ткани.

— Ты помылась!

Она села спиной к тени. Шершавая стена царапала лопатки. Стало страшно — сейчас, когда она чистая, он сделает с ней такое... Наблюдала за ним, пока он двигался по комнате, следила за его руками, когда доставал еду из рюкзака. Темная кровавая запеканка и брусничное варенье. Тумбочка слегка качалась, когда он выкладывал на нее плоски.

— Жаль, у меня нет камеры с собой, — сказал он. — Сейчас, когда ты так хорошо выглядишь.

Кровать запротестовала, когда он сел. Сама она молчала. Слушала только свое собственное хриплое дыхание, когда он прикоснулся к ней, провел пальцами по волосам, опустил их на шею.

— Почему ты решила привести себя в порядок именно сегодня?

Грудная клетка дрожала, мешала говорить.

— Я подумала, если я поем и вымоюсь, ты, пожалуй, позволишь мне выйти наружу хоть на минутку и подышать свежим воздухом.

Он поднял ее подбородок и встретился с ней взглядом:

— Поцелуй меня, тогда посмотрим.

Его черная маска оказалась влажной, когда коснулась ее лица; через отверстие он хищно впился губами в ее губы. Она сжалась в комок, потом не выдержала и отпрянула. Потом увидела, как ее тень сопротивляется, когда он в ярости стал срывать с нее одежду. Она била и царапала его, пока он не начал наносить удары в ответ. Кровь бежала со лба и стекала в рот, когда он прижал ее к кровати.

Он делал с ней, что хотел, и она сжимала челюсти так крепко, что заныли зубы.

Потом он надел джинсы и с силой прижал свою футболку к ее разбитой брови. Она дышала через рот, лишь бы не чувствовать его запах. Маска немного съехала, и она с трудом удержалась от соблазна сорвать ее. По тому, как он прикасался к ней, она поняла, что злоба сменилась раскаянием, и решила воспользоваться этим.

— Почему ты не можешь снять маску?

— Потому что.

— Но я хочу увидеть тебя.

Он скомкал окровавленную футболку в руке:

— В один прекрасный день я сниму ее, и мы выйдем вместе, рука об руку. Но ты еще не готова. Пока.

— Я готова.

Он оставил ее на кровати. Она видела, как ее тень потянулась к двери, словно собиралась выбраться из комнаты вместе с ним. Но дверь с шумом захлопнулась, оставив и ее, и тень в облачке пыли и с привкусом крови на языке.

* * *

Естественно, они его помнили. Готовя кофе, Анита искоса поглядывала на Лелле. Она, похоже, нервничала, поскольку ее обветренные руки дрожали, когда женщина ставила чашки на стол, да еще вдобавок ко всему она не захотела садиться. Стояла молча у плиты, вжав голову в плечи.

«Так бывает, — подумал Лелле, — когда отвыкаешь общаться с посторонними».

Биргер и правда здорово изменился: добавилось морщин на лбу, глаза, казалось, еще больше утонули в обрюзгшем лице. Он озабоченно посмотрел на Лелле:

— Ничего нового относительно твоей дочери?

Лелле покачал головой и бросил взгляд в окно на освещенный единственным фонарем двор. Судя по качавшимся деревьям и их теням, ветер не собирался утихать.

— Ничего нового, — подтвердил он.

— А полиция? Они что-то делают?

— Ни черта.

Кожа на лице Биргера качнулась, когда он кивнул:

— Никуда не годные придурки — вот кто они такие! Если надо что-то сделать, лучше действовать самому.

— Я не собираюсь сдаваться, во всяком случае, пока не обшарю все внутренние районы Норрланда, поиски буду продолжать.

Лелле опустил взгляд на поверхность стола и молча моргал, пока резкость не восстановилась; наконец он смог снова различать царапины на дереве и крупинки сахара на булочках, которые Анита поставила перед ним. Слезы душили по-прежнему, но он научился справляться с ними.

— Спасибо, что ты подвез Мею, — сказал Биргер. — Мы беспокоимся

за нее.

— На самом деле? — вскинула брови Мея.

Лелле посмотрел на Биргера, а потом на Аниту:

— Насколько я понимаю, вы слышали о девушке, исчезнувшей в Арьеplugе летом?

— Конечно, — подтвердил Биргер. — Ее нашли?

— Нет, — сказал Лелле. — Там та же самая история. Полиция ни к чему не пришла.

Анита громко выругалась у плиты. Из духовки потянуло горелым. Она открыла дверцу и замахала кухонным полотенцем, пытаясь разогнать дым, Лелле заметил, что у нее под мышками выступил пот.

— Да, — проворчал Биргер и приоткрыл окно. — Я и говорю, что нормальный мужик должен справляться сам. В полиции одни лоботрясы собрались.

Лелле глотнул кофе и скривился — напиток был горьким.

— Я не могу полностью согласиться, — сказал он.

Дверь открылась, и в кухню вошли трое молодых парней в перемазанных сапогах. Увидев Лелле, они остановились на пороге.

— Это мои ребята, — сказал Биргер и махнул им рукой: — Что встали? Проходите давай.

Все светловолосые и краснощекие, тела жилистые, под ногтями грязь, но на этом сходство заканчивалось. У старшего из них, Ёрана, волосы имели рыжеватый оттенок, лицо густо усыпано угрями. Судя по всему, он не отличался разговорчивостью. Среднего звали Пер. Он явно отращивал бороду, но пока что не привык к ней. Во всяком случае, судя по красным пятнам на подбородке, он постоянно чесался. Здороваясь, он с силой сжал ладонь Лелле, рука была холодной. Младший, Карл-Юхан, высокий и худой, сразу поспешил сесть рядом с Меей.

— В любом случае, с сыновьями я преуспел, — сказал Биргер, и его щеки порозовели от гордости. — Теперь остается только внуков ждать.

— Ну и вонища у вас, — буркнул Пер. — Вы что, дом собирались спалить?

— Я хлеб сожгла, — призналась Анита, и это были первые слова, произнесенные ею при Лелле.

Она выглядела очень маленькой по сравнению с сыновьями — те были на голову выше ее.

Лелле почувствовал энергию, исходившую от молодых мужчин, заметно было, что между ними существует тесная связь.

На него внезапно навалилась усталость, захотелось уйти.

— Спасибо за угощение, — сказал он и поднялся так резко, что кофе чуть не выплеснулся из чашки. — Надо ехать, пока глаза не слиплись.

Повисшую тишину первой нарушила Анита.

— Да, конечно, поезжай, — сказала она. — Ох, ну и темень на улице.

Мея еще раз поблагодарила Лелле за то, что он подвез ее; уходя, он чувствовал взгляды всего семейства на затылке.

Биргер проводил его до машины и, прощаясь, положил руку на плечо, словно они были старыми друзьями:

— Слышал, ты ушел из охотничьей команды?

— Они сами дали мне пинка под зад, — неохотно ответил Лелле и сел на водительское сиденье. Шел мелкий дождь, и очки Биргера успели запотеть.

— Можешь охотиться со мной и моими парнями, если что.

— Спасибо, но для меня охота на лосей закончилась. Надеюсь на добычу покрупнее.

Биргер улыбнулся, не разжимая губ.

— Понимаю, понимаю... Я всегда с удовольствием помогу в поисках твоей дочери, Лелле. Ты только скажи. У нас полно снаряжения, а мои парни выносливы и легки на подъем.

— Спасибо, буду иметь в виду.

Биргер хлопнул ладонью по корпусу машины:

— Ну, береги себя.

— Ты тоже.

Лелле запустил двигатель и, развернувшись, поднял руку в знак прощания. Включил фары и поехал к воротам. Горло еще горело, обожженное горячим кофе, дышать было трудно. У ворот ему пришлось постоять какое-то время, мотор работал на холостом ходу. Глянув в зеркало заднего вида, он увидел, как кто-то двигается за освещенными окнами. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем створки со скрипом раздвинулись.

* * *

— Почему этот учитель привез тебя домой сегодня?

— Я ждала автобус, и он предложил.

— И ты просто так согласилась?

— А что мне оставалось делать?

— По-моему, он выглядит немного подозрительным. Тебе стоило дождаться автобуса.

Мея скосилась на Карла-Юхана сквозь пряди волос:

— Ты ревнуешь?

Он громко рассмеялся, и теплый воздух приятно коснулся ее затылка.

— Только не к этому старому лису!

Мея освободилась из его объятий и, откинув в сторону одеяло, вылезла из кровати. Липкая сперма осталась между ног, и она подумала, что скучает по возможности спать одной, в собственной постели.

— Мне жаль его. Он, похоже, такой одинокий. Брошенный всеми.

Карл-Юхан шутливо протянул к ней руки:

— Не он один чувствует себя брошенным.

В туалете Мея попыталась вытереть промежность туалетной бумагой, но в конце концов сняла футболку и полезла в душ. Скоро по другую сторону занавески появилась тень Карла-Юхана. Она слышала, как он поднял крышку унитаза и с шумом справил малую нужду. Надо было закрыть дверь... Похоже, ему невдомек, что людям иногда хочется уединения.

Прошло довольно много времени, пока вода потеплела, но к холодной воде Мея привыкла. Она стояла совершенно неподвижно под струями. Ей хотелось, чтобы поскорее настало утро и она смогла уехать в школу. Сквозь шум воды она слышала, как Карл-Юхан чистит зубы, и зажмурилась, чтобы не видеть его. Но занавеска отъехала в сторону, и он встал рядом с ней:

— Тебе следует держаться подальше от этого учителя.

— Он мой классный руководитель.

— Да, но вовсе не обязательно кататься в его машине.

— Я не каталась. Он просто отвез меня домой. Здесь нет ничего странного, учитывая, что его дочь пропала, как раз поджидая автобус.

— По-моему, тебе следует быть осторожнее. И маме с папой не нравится, когда к нам кто-то приходит.

— Да? Этого ты никогда не говорил.

Мея отодвинула занавеску, потеснила Карла-Юхана, вышла из кабины, сдернула полотенце с вешалки и небрежно обернула вокруг себя. Он что-то сказал ей вслед, но слова утонули в шуме воды. Воздуха не хватало, она подошла к окну и, подняв крючок, приоткрыла створку.

Внизу по двору шла Анита. Мея прищурилась и впиалась взглядом в ее крошечное тело. Женщина быстро семенила по двору, прижимая к себе что-то, словно боялась уронить. За ней тенью следовал черный кот. Анита пнула его так, что бедняга отлетел на пару метров и обиженно завопил.

Словно почувствовав взгляд Меи, Анита обернулась на окна. В свете фонаря ее лицо напоминало опару для булочек: щеки свисали вниз. Она подняла руку, и Мея махнула в ответ. Почему это Анита так обошлась с котом? Кто ее так разозлил?

* * *

Дни становились короче, но при этом тянулись целую вечность. Лелле чувствовал себя плохо, по утрам он пил кофе маленькими глоточками, борясь с тошнотой. Просмотр социальных сетей оборачивался для него мукой. На странице Лины в Фейсбуке Анетт выложила снимок с УЗИ и написала: *«Поторопись домой, Лина. Скоро у тебя появится маленький братик или сестренка»*. Снимок получил двести тридцать два лайка и свыше сотни комментариев — исключительно восторженные возгласы и сердечки пастельных тонов. Лелле цедил кофе между зубами и кривился, читая всю эту сопливую лабуду.

Уроки он вел на автомате, вместо лиц парней и девчонок видел белые пятна. В учительской отделялся общими фразами о погоде, пил кофе, ел бананы или просто стоял у окна. На Анетт и ее растущий живот он старался не смотреть. Никто больше не спрашивал его о Лине, и он начинал злиться, стоило ему подумать об этом. Только школьная медсестра все еще интересовалась, но она раздражала его своей неспособностью четко сформулировать, что же ей, собственно, хочется узнать. В конце концов он пришел к выводу, что эту дуру интересовал он сам, и стал избегать ее.

За стенами утопавшего в свете люминесцентных ламп школьного здания царили сумерки. В последние дни Лелле все чаще выбирался на улицу в обеденный перерыв и гулял среди луж, усыпанных окурками. Настоящего холода еще не было. Не то что во времена его детства, когда снег толстым слоем покрывал землю уже в октябре. Он рассказывал Лине, какие лютые морозы были раньше, и держались они не пару недель, а почти всю зиму. Но Лина любила зиму. Любила поездки на снегоходе по озеру, любила рыбачить вместе с ним. Когда они в последний раз выбрались на рыбалку, он взял с собой два термоса с кофе, потому что она уже выросла из горячего шоколада. Это было четыре года назад, а кажется, что все сто.

Единственной из всех он замечал Мею. Девчушка выглядела ужасно одинокой. Сидела за партой в куртке — видимо, постоянно мерзла. У нее не слишком получалось заводить друзей. Он подумал, что надо бы уделять ей больше внимания, спрашивать о делах.

Такой случай вскоре представился. Он шел домой, Мея сидела на полусгнившей скамейке в парке, вороша носком ботинка кучу опавших листьев. Руки засунуты глубоко в карманы, из ноздрей вырываются белые облачка. На ней была одежда не по погоде, ни варежек, ни шапки. Не задумываясь, Лелле направился к ней. Услышав шаги, она вздрогнула, словно ее застали на месте преступления.

— Вот ты где. — Он попытался улыбнуться.

Звучало по-дурацки, даже странно, что девочка не закатила к небу глаза. С близкого расстояния особого сходства с Линой не было, но все равно у него защемило сердце.

— Ты не против, если я здесь посижу немного?

Она пожалала плечами и отодвинулась в сторону, хотя места на скамейке было достаточно. Лелле сел и почувствовал, как сырость просочилась сквозь джинсы.

— Тебе нравится в нашей школе?

— Да, все нормально.

— Ты уже завела себе друзей?

Она скривилась, было видно, что вопросы ее раздражают.

— Ты говорила, у тебя есть мама? — попытался найти подход Лелле. — И где она живет?

— Она живет здесь, в Глиммерстреске. У Торбьёрна.

— У Торбьёрна Форса?

Мея кивнула.

— Ничего себе.

Он растерялся от неожиданности. Хассан был прав. Торбьёрн Форс обзавелся женщиной, проведя всю жизнь в одиночестве. Это выглядело настоящим чудом.

— Почему же тогда ты живешь в Свартшё? Разве тебе не следует жить с мамой и Торбьёрном?

— Мы с Силье не ладим. Я предпочитаю жить с Карлом-Юханом.

— А Торбьёрн? Ты ладишь с ним?

Она пожалала плечами:

— Торбьёрн немного странный, конечно, но всегда хорошо относился ко мне. Я переехала не из-за него. Просто время пришло.

Лелле кивнул, словно понял, но надеялся, что она скажет больше.

Мея повернула голову и уставилась на него так, будто он внушал ей страх:

— Это правда, что твоя дочь пропала?

Пришла его очередь отвечать на неприятные вопросы.

— Да, правда.

— Но ты ищешь ее?

— Конечно. И буду искать всегда.

Он извлек из кармана бумажник, достал фотографию и протянул ей. Она долго смотрела на Лину, и за это время он успел разглядеть розовый лак на ее ногтях.

— Твоя дочь похожа на другую исчезнувшую девушку, — сказала Мея. — Ну, на ту, что на объявлениях.

Лелле кивнул. Забирая у нее снимок, он обнаружил, что рука у Меи холодная, как ледышка, и не без труда подавил желание согреть руки девочки своим дыханием, как когда-то согревал Лине.

— Тебе будет трудно найти себя друзей, если ты захотела жить в Свартшё, — сказал он. — Брандты держатся особняком.

Она отвернулась и пнула носком кучу листьев так, что они веером разлетелись.

— Я обычно тяжело схожусь с людьми, так что как-нибудь переживу. Зато теперь у меня есть Карл-Юхан и его семья. Биргер и Анита приняли меня с распростертыми объятиями.

— Это здорово. Но на всякий случай знай, что я тоже здесь, если возникнет нужда. Понимаю, нелегко начинать в новой школе, особенно в таком маленьком населенном пункте, где все знакомы друг с другом.

Мея скосилась на него и облизнула сухие губы.

— Спасибо, — сказала она. — Но я привыкла. — Девчушка встала и провела ладонями по мокрым джинсам. — Ну, мне надо на автобус.

Ее колени ударились друг о друга, когда она шла, словно искали опору. Тоненькая как тростинка... От жалости у него заныло сердце. Оставалось только надеяться, что обитатели Свартшё откормят ее.

Мея стояла на автобусной остановке, обхватив плечи и переминаясь с ноги на ногу, чтобы согреться. Лелле тоже замерз, но он продолжал сидеть на скамейке, пока не пришел автобус и пока он не убедился, что девочка зашла в него.

Она проснулась оттого, что он стоял, наклонившись над ней. Лампа раскачивалась на шнуре, и создавалось впечатление, будто вся комната ходит ходуном. Его дыхание, попадая на кожу, вызывало неприятные ощущения, словно водили наждачной бумагой. Она приподнялась на локтях и увидела, что он держит какой-то блестящий предмет. Постепенно до нее дошло, что это были наручники; они тихо позвякивали в его руке, в другой руке был темный шарф.

— Что это?

— Надевай давай.

Он завел ей руки за спину, и наручники сдавили запястья. Потом завязал глаза шарфом. Она почувствовала легкое движение воздуха и догадалась, что он машет рукой перед ее лицом, пытаясь убедиться, что она ничего не видит. Мгновенно охватила паника. Что он задумал? Какую-то новую отвратительную игру? Или хочет избавиться от нее? Во рту появился металлический привкус, она задрожала, и это не укрылось от его глаз.

— Почему ты трясешься?

— Не знаю.

— Сколько раз мне повторять, что тебе не следует бояться меня? — зло произнес он.

Она чувствовала его дыхание на своей щеке. Сжала губы и попыталась притвориться спокойной. Он прижал ее к себе, погладил ладонями по плечам, словно хотел согреть. Потом схватил за талию и потащил через комнату.

Она услышала, как дверь открылась. Откуда-то сверху пахнуло холодом, и сердце забилось быстрее.

— Поднимайся, — приказал он.

Идти по ступенькам со скованными за спиной руками, да еще вслепую было тяжело. Когда они достигли верха лестницы, она задыхалась, словно взобралась на Кебнекайсе, самую высокую гору Швеции. Судя по звуку, он отпер еще одну дверь, а потом ее волной накрыл холодный воздух. Он крепко держал ее за руку и вел за собой. Она слышала, как хрустят под ногами схваченные морозцем сухие листья, как шумят деревья вокруг. Голова кружилась от запахов леса и приближавшейся зимы. Было очень холодно, но свежий воздух делал ее сильнее. Шарф немного сдвинулся, но это ничего не изменило — она поняла, что была ночь. Мысли роем закружились в голове. Неужели это шанс? Надо попробовать вырваться и убежать. Надо кричать — вдруг кто-нибудь услышит? Но он держал ее крепко, к тому же руки были скованы. Кричать бесполезно — он сразу

заткнет ей рот.

Нахлынул страх. Наверное, он убьет ее, вот прямо сейчас, для того и вывел. Она ему надоела, наигрался. Посчитал, что больше с нее нечего взять, и решил избавиться раз и навсегда.

Она резко остановилась:

— Куда мы идем?

— Ты же все ныла, что хочешь подышать свежим воздухом. Ну так дыши. Пользуйся случаем, пока есть возможность...

Она сделала глубокий вдох, чтобы справиться с дрожью. Ей хотелось еще постоять, но он потащил ее назад:

— О'кей, хватит на сегодня. Ты замерзла.

— Еще чуть-чуть...

— Еще не хватало, чтобы ты заболела.

Когда она снова оказалась в квадратной комнатухе, ее охватило разочарование. На запястьях остались отметины от наручников. Опустившись на кровать, она позволила ему закутать себя в одеяло. Теперь она горько сожалела, что не попробовала сбежать. Ничем хорошим это бы не кончилось, но и вернуться в зловонную дыру не лучше. После прогулки она поняла, что в ее тюрьме пахнет гниением. Как в могиле.

— Теперь ты не сможешь заявить, что я ничего не делаю для тебя, — сказал он. — Я делаю все возможное.

* * *

С тех пор как исчезла Лина, действия Лелле носили импульсивный характер, он совершал те или иные поступки, подчиняясь внезапным порывам, настолько внезапным, что мозг зачастую не успевал вмешаться.

Так, спустя какое-то время после разговора с Меей он обнаружил, что пересекает деревню по Гаммельвеген, дороге, ведущей к южному краю озера и площадке для разворота машин, находившейся совсем близко от усадьбы Торбьёрна Форса. До него дошло, что именно туда он и держит путь, когда между соснами и елями показался дом.

Остановив машину, он сидел в ней какое-то время. Конечно, он был знаком с Торбьёрном, но не более того. Два одиноких волка, обитавших с разных сторон леса.

То, что Торбьёрн нашел себе подругу, просто не укладывалось в голове. После смерти родителей он всегда жил один и, как это было всем

известно, собирал порнографию, в то время как в настоящих отношениях раз за разом терпел крах. О привычках Торбьёрна много болтали. Он якобы отправлял деньги по Интернету незнакомым дамочкам, а его полученная по наследству усадьба постепенно приходила в упадок. Он любил подглядывать за приезжавшими купаться на озеро. Лелле знал, что Торбьёрн Форс работал в лесу и баловался алкоголем в молодости, и это, пожалуй, всё.

Нет, не всё. Этот Торбьёрн должен был ехать в одном автобусе с Линой в то роковое утро три года назад. Лелле до сих пор прекрасно помнил, как мужчина стоял перед ним и тербил неопрятные усы.

«Ее не было там, когда я пришел. Я один был на остановке. Спроси водителя. Мы не видели ее».

Полиция ему поверила. Сам же Лелле до сих пор подозревал всех и каждого.

Дом Торбьёрна пребывал не в лучшем состоянии. Покосился с правой стороны и зарос травой до подоконников. Входная дверь была приоткрыта, на ступеньке крыльца растянулась худая собака. При виде Лелле она лениво махнула хвостом, но даже не попыталась подняться.

Лелле постучал по косяку:

— Эй, есть кто-нибудь?

Прошло довольно много времени, прежде чем в темноте появился силуэт. К нему вышла женщина, одетая в застиранный махровый халат и выдавшие виды тапочки. Волосы львиной гривой обрамляли лицо, на щеках — потеки туши. Она удивленно приподняла тяжелые веки, увидев его:

— Ты кто?

— Меня зовут Леннарт Густафссон.

Он собирался протянуть ей руку, но увидел, что она держит кисть и палитру. Краски с палитры капали на пол.

— Мы встречались раньше?

Он почувствовал кисловатый запах сигаретного дыма.

— По-моему, нет. Ты, вероятно, Силье? Я учитель твоей дочери в Таллбакской школе.

Ее глаза расширились.

— Что-то случилось с Меей?

— Нет-нет, с ней все в порядке.

— Мея не живет здесь больше. Она переехала.

— Я в курсе. Отчасти поэтому и пришел.

Силье сделала приглашающий жест кистью:

— Входи. И не снимай обувь.

Лелле дышал через рот, пока она вела его в гостиную, где у окна стоял мольберт. У стены — потертый диван с пятнами от красного вина, рядом с диваном низкий столик, заставленный пустыми бокалами, пепельницами и немывыми фарфоровыми чашками. Окно было открыто, несмотря на холод, но даже это не могло перебить зловоние, царившее внутри. Только сейчас он заметил, что под халатом у нее голое тело. Обвисшая грудь и стринги. Смутившись, он опустил взгляд на грязный пол.

— Не выпьешь бокальчик? — спросила Силье, подняв бутылку с вином.

Не дожидаясь ответа, она сделала пару глотков, потом щелкнула зажигалкой. Сигаретный дым сработал как освежитель в затхлом воздухе. Торбьёрна не было ни видно, ни слышно.

— Мея перебралась к своему парню.

— Да, я слышал это.

— Мы пытались вернуть ее, но она словно чокнулась, нам не достучаться до нее.

Сигарета висела в уголке рта, женщина медленно наносила мазки на закрепленный на мольберте холст. Лелле кашлянул.

— А где Торбьёрн?

— Он работает в лесу.

— Чем конкретно он там занимается?

— Я не знаю, но он скоро придет.

Лелле вытянул шею, попытался взглянуть на ее картину.

— Мея рассказывала, что вы переехали сюда летом.

— Да, все правильно.

— И тебе здесь нравится?

Силье перестала рисовать. Из-за черных теней ее глаза выглядели огромными.

— Какая разница? — сказала она. — Порой особо не из чего выбирать.

— А Торбьёрн? Он не обижал вас, я надеюсь? Тебя и Мею?

— Он самый добрый мужчина, которого я когда-либо встречала.

— То есть Мея уехала не из-за него?

Силье в последний раз затянулась сигаретой и сунула тлевший окурок в стоявшую на подоконнике пустую пивную банку. По возрасту мать Меи была еще не старой, но тяжелая жизнь оставила свои следы на ее лице. Нижняя губа дрожала, когда она посмотрела на Лелле.

— Никто не гнал отсюда Мею. Просто Карл-Юхан вскружил ей голову. Мы вдвоем пытались вернуть девчонку домой. Ездили в их чертову дыру и

просили: возвращайся, — но она не захотела и слушать.

— Она слишком мала, чтобы переезжать без твоего согласия. Ты обращалась в социальную службу?

Силье фыркнула:

— Они ни разу не сделали ничего хорошего для нас с Меей.

— Я знаю одного полицейского, — сказал Лелле. — У него здорово получается разговаривать с молодежью.

— Я не хочу привлекать никого из властей. Все закончится тем, что они попробуют забрать Мею у меня. А я этого не переживу.

Черные слезы побежали по щекам, кисточка завибрировала в руке. Силье потянулась за вином и сделала большой глоток:

— Мея знает, что я нуждаюсь в ней. Что я не справлюсь сама. Она в конце концов вернется.

Лелле окинул взглядом грязную комнату, посмотрел на стоявшую перед ним едва одетую нетрезвую женщину:

— Может быть, ты хотела сказать, что Мея нуждается в тебе?

Она скривилась, словно от боли:

— Я больна, поэтому мы необходимы друг другу. Мне было столько же лет, как Мее сейчас, когда я ее родила. С тех пор мы были вдвоем против целого мира.

Она резко замолчала, по всему ее телу пробежала дрожь. Лелле стоял в растерянности. Он вспомнил, как Мея сидела на холоде одна, без нормальной одежды. Ему стало не по себе.

— Я понял, что вы много переезжали... По-моему, для Меи сейчас важнее всего стабильность, чувствовать, что у нее есть дом. Настоящий дом.

— Я же говорила, что мы пытались!

— Мой друг из полиции может съездить и поговорить с ней. Просто поговорить. Он не будет писать рапорт...

— Нет, я же сказала. Я не хочу вмешивать полицию! — Силье качнулась и подняла кисточку как оружие. — Я думаю, тебе лучше всего уйти сейчас. Мне нельзя волноваться.

Лелле примирительно поднял руки и вышел на крыльцо. Ноги тяжело двигались по густой траве, и от злости у него гудело в голове. Будь его воля, он бы, наверное, убивал всех родителей, которые не боролись за своих детей, а занимались решением собственных проблем.

Он уже собирался сесть в машину, когда Силье высунула голову наружу и крикнула ему:

— Передай Мее, что я скучаю по ней.

— Все дело в дыхании. Чтобы стать с оружием единым целым, вы должны дышать в унисон.

Сапоги Биргера скрипели, когда он переминался с ноги на ногу за спиной Меи. Земля была покрыта бурыми листьями. Мея стояла на коленях и чувствовала, как влага просачивается сквозь джинсы. Ружье не хотело лежать спокойно в ее руках — вибрировало под пальцами. Она чувствовала взгляды Биргера и братьев на своем затылке. Парни только что продемонстрировали ей, как надо стрелять. Наделали черных дыр в нарисованной мишени в районе сердца и головы. Показали, как следовало дышать, пока палец обнимал спусковой крючок. По словам Биргера, выстрел приходил из глубины души. Но Мея слишком напрягалась, опасаясь отдачи, легкие и мышцы не хотели подчиняться. Заряд уходил слишком высоко, гораздо выше мишени. И результат получался тем хуже, чем больше она стреляла. Оружие пугало ее.

— Мы палим чуть ли не с пеленок, — с усмешкой сказал Ёран. — Надо просто сохранять терпение, и все получится.

Сам он в этом деле превосходил братьев. Биргер бросал глиняные тарелки вверх, и пули Ёрана разбивали их вдребезги. Он мог занять новую позицию для стрельбы всего за несколько секунд. Мее он и так напоминал хищного зверя, а с ружьем тем более. Она стояла, закрыв уши руками, и смотрела на него, радуясь, что ее обучение на сегодня закончилось.

Биргер обнял ее, от холодных щек пахло порохом.

— Думаю, ты еще не готова к охоте на лосей в этом году, малышка. Но следующей осенью тебе удастся завалить быка.

Карл-Юхан выглядел иначе в зеленом камуфляже. Более серьезным. Взрослее.

— Жаль, что темнеет так рано, — сказал он. — Иначе могли бы тренироваться каждый день. Только ты и я.

Он ловко двигался через брусничник и даже не заметил, что она отстала. Мея шла с Биргером. Солнце низко висело над деревьями, длинные тени неотступно сгущались. Биргер часто останавливался, наклонялся, искал еще оставшиеся ягоды, крутил головой и втягивал носом воздух, словно почуял что-то. Каждый раз, когда их взгляды встречались, он улыбался:

— Я рад, что ты была сегодня с нами, Мея. Все должны уметь обращаться с оружием.

— А не лучше, если бы оружия вообще не было?

— Сейчас ты говоришь так, как пишут в газетах. Не будь такой наивной, девочка. Ты ведь знаешь, что государство сократило численность сил гражданской обороны? А ведь в мире творится всякая чертовщина. Ну нет, способность защитить себя никогда не играла столь важной роли, как теперь. — Биргер усмехнулся. — Власти не любят, когда мы вооружаемся. Поскольку вооруженное население — угроза любой диктатуре, так вот. Но на самом деле у нас больше оружия, чем они могут себе представить. Поскольку мы не собираемся сами копать себе могилы.

— А это законно — иметь его в таком количестве?

Он ухмыльнулся:

— Мы ставим собственное выживание и свободу выше деспотичных шведских законов. В конечном счете только это имеет значение.

Показалась усадьба, белый дым поднимался к темнеющему небу, как бы приглашая их. Голод давал о себе знать, и Мея уже начала мечтать о тепле и запахах кухни Аниты. Биргер неожиданно обнял ее за плечи и положил подбородок на макушку:

— Самые важные знания, которые я дал моим сыновьям, — это искусство выживания. Учись постоять за себя, Мея, тогда никто никогда не сядет тебе на шею.

* * *

Она снова оказалась в багажнике. Автомобиль трясло на плохой дороге. Шум радиоголосов звучал для нее как песня. Она грызла кляп, чувствуя жжение в уголках рта. Руки онемели за спиной, а шея все еще болела в том месте, где лежали его пальцы. Когда багажник закрылся, она не сомневалась, что он ошибся, просто не заметил, что она еще дышит.

На какое-то время она впала в беспамятство. Куда он ее возил? Легкие ныли, словно она пробежала марафон. Комната медленно приобретала знакомые очертания. Стены, тронутые плесенью по углам, тусклая лампочка под потолком, эта чертова узкая кровать, больше похожая на лежанку.... Все то же самое. Приложив пальцы к шее, она почувствовала, как под кожей пульсирует кровь, потом повернулась к тени и приложила два пальца к стене, словно хотела проверить пульс у своей бесплотной

соседки.

— Мы еще живы, — прошептала она.

Полежала еще немного и заставила себя съесть кровяную запеканку. Не всю, конечно, чуть-чуть. Твердые кусочки застряли между зубов. Налила теплого молока из термоса и прополоскала рот. Поморщилась и проглотила молоко. Затем потянулась так, что суставы захрустели. Спустила ноги на пол, посидела, хотя ужасно хотелось лечь. Нет, ложиться она не будет — нужно подкачать мышцы. Сделала несколько отжиманий — это было настолько тяжело, что она, быстро сдавшись, легла щекой на холодный бетон. Тело противилось тренировкам, а может быть, она сама им противилась в душе. Из-за страха — понятно, как он поступит с ней в случае неудачи.

Ее взгляд упал на ножку кровати: что-то на ней было. Какая-то веревка? Она подвинулась ближе и увидела, что это лиловая резинка для волос. Резинка для волос? Уж точно эта девчачья штучка не принадлежит ее похитителю.

Подставив плечо под край кровати, она с трудом приподняла ее и стянула резинку с ножки. Рассмотрела на свету и обнаружила на ней светлые волосы, намного светлее, чем ее собственные.

Она чуть не задохнулась от ужаса, когда до нее дошло, что могла означать находка. Ей пришлось приложить кулак к губам, чтобы запеканка не вылетела обратно.

Когда он вошел, резинка была на ее запястье в виде браслета.

На этот раз он почему-то нервничал, схватил ведра, скрылся с ними, вернулся, поставил на тумбочку еду: картошка в мундире и темные сосиски. Из крови, что ли? Казалось, все, что он приносил ей, делалось из крови. Она старалась не смотреть на еду, а вот на него — да, уставилась во все глаза.

В зимней куртке он выглядел еще больше. Шея под воротником была красной, она это заметила.

— В чем дело? Почему ты тарачишься на меня? — не выдержал он.

Она попыталась справиться со своим страхом, говорить спокойно:

— Здесь был кто-то до меня?

Он машинально потянулся к лицу, почесал щеку, не снимая маску, затем ослабил молнию на куртке:

— Что ты имеешь в виду?

— Кто-то раньше жил в этой комнате?

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто мне кажется, что здесь кто-то был до меня.

Он сунул руку под куртку, прижал к груди. Глаза шарили по углам.

— Ты что-то нашла?

— Ничего я не нашла, — пожала она плечами. — Просто подумала и решила спросить.

— У меня нет времени слушать всякую ерунду. Поешь и попытайся поспать немного. Бред какой-то.

Ей показалось, что его рука дрожала, когда он взялся за ручку двери. Это придало ей мужества.

— Где она сейчас? Что ты сделал с ней? — прямо спросила она.

Он резко повернул голову и обжег ее взглядом:

— Если ты не прекратишь задавать дурацкие вопросы, я больше не вернусь. И ты тут сгниешь.

* * *

По утрам было хуже всего — холодный и сырой воздух проникал под воротник, и он постоянно мерз, да еще эта темень за окном. Не сказать, чтобы в школе было тепло, но борода после улицы сразу становилась мокрой от растаявшего инея. В классе пахло сырими пуховиками, которые мало кто снимал. В неживом свете ламп лица выглядели болезненно-бледными. Многие шмыгали носом, у девиц под глазами размазана тушь после пробежки до школы на пронизывавшем ветру.

Мея сидела на своем месте у окна, шея обмотана шарфом до самого рта, на голове капюшон. Лелле испытал облегчение и даже обрадовался, увидев ее. До него дошло, почему она оказалась в Свартшё. Слова Силье эхом отдавались в его голове. *Мея знает, что я нуждаюсь в ней!*

В обед он нашел ее на скамейке на улице. Протянул бумажный стаканчик с кофе, и она взяла, не протестуя. У него тоже был кофе.

— Я не знал, любишь ли ты с молоком.

— Без разницы, могу и черный выпить.

Девчушка подвинулась, освободив ему место. Солнце висело над верхушками елей, но его свет был совсем слабый.

— Я слышала, ты ездил к Силье, — сказала она.

— Да, так и есть.

— Зачем?

— Просто беспокоюсь о тебе.

Мея вздохнула и посмотрела вдаль, в сторону футбольного поля, на котором не было ни души.

— Ты беспокоишься обо мне, потому что я похожа на твою исчезнувшую дочь?

— Нет, — ответил он быстро. — Д-да, пожалуй... — добавил немного спустя.

Она улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

Потом они какое-то время молчали. Лелле старался не думать о том, что о них могут подумать. Взрослый мужчина и семнадцатилетняя девочка довольно долго сидят рядом. Учитель и ученица. Вне класса. Подобное всегда порождает массу слухов.

— Она была пьяная, когда ты пришел? — спросила Мея.

— Немного.

Девочка скосилась на него:

— А ты? Ты употребляешь алкоголь?

— Иногда. Но я заметил, что от него только хуже.

— Алкоголь запрещен в Свартшё. Биргер и Анита ненавидят его и наркотики.

— А ты как относишься к алкоголю?

Она пожала плечами:

— Приятно приходить домой и знать, что там все трезвые. С Силье не так. С ней никогда не известно, как все будет.

— Ну, это я могу понять.

Кофе остыл, и Лелле прикладывался к стаканчику только для вида. Старался обдумывать свои слова, прежде чем доверить их языку.

— Как у тебя дела с Карлом-Юханом?

— Нормально.

— А что произойдет, если ваши отношения прекратятся? Куда ты тогда поправишься?

Она скривилась, уставив взгляд в стаканчик:

— Они не прекратятся.

— Нелегко жить вместе, особенно когда ты молод и еще надо найти себя. Никто не любит, когда его подавляют.

Мея отделалась быстрым взглядом вместо ответа, но Лелле увидела, что она поняла смысл сказанного им.

Он вылил остатки кофе, смял в руке пустой стаканчик и показал в сторону Серебряной дороги, блестящей в холодных лучах солнца:

— Я живу в паре километрах на север. Глиммерстреск, двадцать три,

красный дом. Если тебе что-то понадобится или ты захочешь исчезнуть куда-то на время, моя дверь всегда открыта. Свартшё для тебя не весь свет.

Ее глаза расширились немного, но она ничего не сказала.

— Подумай об этом.

Когда он поднялся, собираясь уйти, его тело было потным под курткой, несмотря на холод.

* * *

Мея осталась сидеть на скамейке и смотрела ему вслед. Ей не хотелось возвращаться в освещенные коридоры школы, снова оказаться среди шума и смеха. Начало холодать, мороз слегка щипал щеки, лужи затянуло тонкой ледяной коркой. Она с трудом удержалась от соблазна прыгнуть, как в детстве, на замерзшую лужу — а вдруг увидят?

Прозвучавший словно ниоткуда голос Вороны застал ее врасплох:

— И что это было?

— Ты о чем?

— Ты и Лелле Густафссон.

— Ничего. Он просто захотел поговорить.

— Вы спите друг с другом?

Мея не смогла удержаться от смеха:

— Ты с ума сошла!

Ворона ухмыльнулась:

— Не хочешь прогуляться со мной немного?

На ней было черное пальто, красная, как брусничина, вязаная шапка натянута на уши. Лицо сильно накрашено. Они направились в сторону от школы к березовой рожице, выглядевшей довольно уныло.

Ворона закурила и набрала замерзшими пальцами номер на телефоне. С выкрашенных в черный цвет ногтей ухмылялись маленькие черепушки.

— От кого мы прячемся? — спросила Мея.

— Мы не прячемся. Мы ждем кое-кого.

Ворона прищурилась, глядя между деревьями.

— Ждем? И кого?

— Одного парня. Обычно я покупаю у него сигареты.

Скоро появился красный мопед, управлял которым парень в кожаной куртке. Шлем висел у него на руле, волосы трепал ветер. Он заглушил мотор и, не слезая с сиденья, кивнул в сторону Меи:

— Кто это еще?

— Это Мея, — сказала Ворона. — Она клевая.

— Ты что, забыла, что я говорил тебе относительно посторонних?

— Она не посторонняя. — Ворона покровительственно обняла Мею одной рукой и улыбнулась. — Это Мике, но мы называем его по фамилии — Варгом. Что бы там ни говорили, его нечего бояться.

Варг ухмыльнулся. Ворона протянула ему несколько смятых купюр, и он быстро сунул их в куртку. Потом бросил взгляд в сторону школы и, достав небольшой пластиковый пакет, передал девушке. Та зажала пакетик в кулаке и улыбнулась накрашенными красными губами. На все ушло несколько секунд.

Однако Варг не спешил уезжать, впился глазами в Мею:

— По-моему, я видел тебя раньше...

Мея натянула на голову капюшон:

— Я так не думаю.

— Готов поклясться... Я тебя точно где-то видел.

— Тебе все блондинки кажутся знакомыми, — захихикала Ворона. — Ладно, нам надо идти. В отличие от тебя мы хотим чего-то добиться в жизни.

— А, ну-ну. Я и не знал, что профессию шлюхи можно считать большим достижением!

Ворона подняла средний палец, и Варг рассмеялся.

Он уехал, а Ворона, взяв Мею за руку, сказала:

— Всякого дерьма много болтают, но я знаю Варга с тех пор, как себя помню. Он мне как брат. И я никогда не повернусь к нему спиной, как некоторые.

— Что же он такого натворил? — спросила Мея.

— Да ничего. Просто он был с Линой Густафссон, когда она пропала. А людям всегда надо обвинить кого-то.

Мея почувствовала, как у нее зачесался затылок. Она подумала о Лелле, вспомнила, какие печальные были у него глаза, когда они сидели в машине. У него был такой вид, словно он в любой момент мог упасть на руль и разрыдаться.

— Значит, по-твоему, Варг не имеет никакого отношения к ее исчезновению?

Ворона улыбнулась еле заметно:

— Я никогда не спрашивала его. И не уверена, что хочу это знать.

Осенью он наверстывал то, что недоспал летом. Усталость могла навалиться на него в любой момент, и он уступал ей без всякого сопротивления. Если был за рулем — парковался на краю дороги и откидывал назад сиденье. Если сидел в кухне за столом, клал руки на столешницу и ронял на них голову. Порой он просыпался на диване в одежде, с нечищеными зубами, поворачивался на другой бок и снова погружался в сон. Видя свое отражение в темных окнах, он знал наверняка, что ужинал один. Однако дочь все время находилась рядом с ним.

Лелле спал, когда у его дома остановился полицейский автомобиль. Он не слышал, как хлопнула дверца, не слышал шагов по гравию — проснулся только, когда трели звонка сменились бесцеремонным грохотом.

— Вот черт, ты что, дрыхнешь? Еще только шесть часов.

Снаружи моросил дождь, и волосы Хассана завивались на лбу.

— Что-то случилось?

— Нет, я просто хотел узнать, как у тебя дела. Найдется кофе?

— Само собой, однако тебе придется разуться, если ты собираешься войти.

Лелле побрел на кухню. Кивнул на термос, стоявший на столе, и Хассану пришлось самому принести чашки. Кофе был еще горячий, хотя Лелле не помнил, чтобы он его заваривал.

Он чувствовал, как Хассан наблюдает за ним со стороны.

— Ты работал сегодня?

— Конечно, — кивнул Лелле.

— Что, детишки тебя так вымотали? — Полицейский тяжело опустился за стол и налил себе полную чашку. — А что к кофе предложишь?

— У меня есть батон.

— Нет, не годится. Я имею в виду булочки и печенье. То, что можно макать.

— Ты такое ешь? По-моему, тебе надо заботиться о фигуре.

— Да пошел ты.

Лелле достал хлебную корзинку с батоном, а с масла — оно было в пластиковой упаковке — предварительно снял крышку, иначе Хассан увидел бы, что оно уже неделю как просрочено. Сыра у него не нашлось, а уж печенья тем более.

— Тебе надо есть, приятель, — буркнул Хассан. — Сколько килограммов ты потерял?

— Мне и так нормально. Давай о другом. Как продвигается расследование исчезновения Ханны Ларссон?

— Ты прекрасно знаешь, что я не занимаюсь этим делом.

— Но ты ведь наверняка что-то слышал? Полиция проводит связь между исчезновениями Лины и Ханны?

Хассан потянулся за хлебом, сказал, что он черствый, и намазал кусок толстым слоем масла.

— Такая связь не исключается, но между этими случаями прошло слишком много времени. Три года, сам понимаешь.

— Да, это, должно быть, неразрешимая задача для полиции. Самая настоящая головоломка.

Хассан не удостоил его ответом. Допил кофе и снова наполнил чашку.

— Ты что, не собираешься спать ночью? — усмехнулся Лелле.

— У меня работа.

— Неужели что-то у нас происходит в это время года?

— А то.

Лелле потянулся к термосу и тоже налил себе кофе. Его мучили жажда и неприятный запах во рту. Он пригладил волосы рукой и почувствовал, что пальцы стали липкими от пота.

— Пошли, покажу тебе кое-что, — сказал он Хассану и повел его в свой кабинет.

Включив все лампы, он принялся расхаживать перед стеной, увешанной вырезками из газетных статей и распечатками из Интернета об исчезновении Лины. Летом он добавил к своей коллекции подборку, касающуюся Ханны Ларссон. Фотографии обеих девушек были прикреплены по соседству, и при взгляде на них у него каждый раз перехватывало дыхание — настолько похожи были девчушки. Как сестры.

— Ну что, вы еще сомневаетесь в наличии связи?

Хассан почесал затылок, но промолчал.

Лелле постучал ногтем по статье, в которой журналист из «Норрботенс-Курирен» провел параллель между обоими случаями. Заголовок, казалось, кричал со стены: «Пугающее сходство двух историй с внезапным исчезновением девушек».

— Что ты хочешь услышать от меня? — наконец сказал Хассан.

— Между двумя этими историями определенно есть связь. Это не мой вымысел — даже журналисты заметили. Я хочу убедиться, что и полиция видит ее.

Хассан скрестил руки на груди, он выглядел усталым.
— Поверь мне, — грустно произнес он. — Мы видим ее.

* * *

Он всегда становился добрее, ударив ее. После этого она могла просить о чем-то. Раскрытая аптечка со средствами первой помощи лежала на полу. Он настаивал на необходимости прижечь зеленкой болячки.

— Может быть заражение крови, — сказал он, услышав ее отказ. — Особенно если учесть, что ты не моешься.

Ха! Не моешься! Она ненавидела его кисло-сладкий запах, говоривший о том, что он явно не любитель водных процедур. Этот запах висел в комнатке даже после его ухода.

— Мне нужен свежий воздух, иначе ссадины не заживут никогда.

— На улице холодно.

— Неважно. Мне просто надо подышать немного.

— Не сейчас.

— Пожалуйста.

— Не сейчас, я сказал! Твое нытье не поможет.

Он разозлился, но недостаточно, чтобы она сдалась. У нее еще оставался шанс. Она попыталась смягчить голос:

— Послушай, нам не нужно далеко забираться, я могу высунуть нос наружу и просто наполнить легкие.

Он наклеил пластырь ей на лоб и большим пальцем разгладил края, потом кивнул в сторону тарелки, стоявшей на тумбочке. На тонкие ломтики хлеба и блестящие от жира куски лосося.

— Я солил его сам, — сказал он. — Ешь, пока свежий, а потом посмотрим, может, и прогуляемся.

Она потянулась за лососем. Желудок отреагировал на укропный запах не лучшим образом, но она все-таки откусила большой кусок. Лосось таял на языке, можно было и не жевать, что обрадовало ее. По крайней мере, сэкономились силы.

Он присел на корточки и стал собирать аптечку. Она смотрела на его наклоненную голову и думала о том, что могла бы пнуть его. Пнуть так, чтобы он полетел на пол, а потом ударить тумбочкой. У нее даже нога зачесалась.

Словно почувствовав неладное, он поднял на нее взгляд, и она

поперхнулась лососем.

— Что, мечтаешь сбежать от меня?

— Нет, — сказала она, откашливаясь.

— Не ври. Именно поэтому тебе и хочется выйти, как ты говоришь, подышать.

— Не выдумывай. Мне просто не хватает воздуха.

Он сел рядом с ней на кровать, положил тяжелую руку на плечо:

— Съешь все, потом посмотрим.

* * *

Лелле ненавидел пятницы, которых всегда с нетерпением ждали его коллеги, мечтая поскорее попасть домой. Он еще помнил, как это бывает в конце рабочей недели. Лина и Анетт зажигали свечи, они все вместе садились за стол. Потом смотрели какой-нибудь фильм или слушали музыку, иногда даже танцевали. Но это волшебное время осталось в далеком прошлом.

В доме было холодно и темно, но у него и мысли не возникло включить свет. Не снимая куртки, он прошел на кухню, и в нос ему ударил неприятный запах, исходивший из раковины. Анетт хотела обзавестись посудомоечной машиной, но он пожалел денег. Заявил, что обойдутся без нее. *Зачем нужна машина, когда есть две руки?* Он был идиотом, надо признать.

Щелкнул кнопкой электрочайника, вскипятил воду и сделал себе растворимый кофе — с ним меньше возни. По кухне распространился приятный аромат. На самом деле ему хотелось выпить, и он с трудом боролся с этим желанием. Всю первую зиму, когда снег покрыл землю толстым слоем, а температура какое-то время опускалась до минус сорока, он беспробудно пьянствовал. Куда поедешь в такой мороз?.. Полиция тогда наверняка палец о палец не ударила, несмотря на все их уверения. Причина та же — зима. Анетт забывалась с помощью снотворного. Сам он редко забирался в кровать, даже не помнил, где спал.

В дверь позвонили. Пульс резко подскочил, а когда он бросил взгляд в окно, у него перехватило дыхание. Худенькая фигурка, белые пряди выбились из-под черной шапочки.

Лина, Лина, любимое дитя, это ты? Это ты, Лина?

Открыв дверь, Лелле почувствовал разочарование. Не Лина — Мея.

Они несколько секунд таращились друг на друга. Ее глаза блестели от страха.

— Я опоздала на автобус. Не помешала?

— Нет, что ты, вовсе нет. Заходи.

Он включил свет, и ему стало стыдно за беспорядок, царивший вокруг. Мея осталась в куртке, а когда он предложил ей сесть, выбрала стул Лины. Он хотел запротестовать, но промолчал. Сварил ей кофе в турке, подвинул корзинку с черствым хлебом, пожалев о том, что у него нет печенья.

Взгляд Меи скользнул по грязной посуде в раковине, по магнетикам на холодильнике и фотографиям Лины там же.

— Какой красивый у тебя дом.

— Спасибо, — кивнул он.

— Дома в Норрланде такие большие...

— Это, наверное, потому, что никто не хочет жить здесь, на севере.

Она улыбнулась, обнажив щель между передними зубами, которую он не замечал прежде. Потом он вспомнил, что вроде и не видел, чтобы девушка улыбалась.

— А мне здесь нравится, — сказала она. — Никогда бы не поверила в это, но мне правда здесь нравится.

— Ты имеешь в виду в Свартшё?

— Я имею в виду в Норрланде.

Лелле намазал хлеб маслом, и она последовала его примеру.

— Знай я, что ты заглянешь ко мне, купил бы что-нибудь. Я ведь один живу.

— У тебя нет подружки?

— Подружки у меня нет, а с женой мы развелись два года назад. У нее сейчас новый муж.

— Ого.

— Да, можно и так сказать.

Мея наморщила лоб, а он, глотнув свой остывший кофе, подумал, что впервые разговаривает об Анетт без чувства горечи. Скорее наоборот, ему было легко говорить о бывшей жене с девушкой, годившейся ему в дочери.

— Могу я спросить тебя кое-то? — посмотрел он на Мею.

— О чем?

— Как вы там живете в Свартшё? Я слышал, что у Брандтов даже телевизора нет.

— Мы слушаем радио и подкасты по вечерам.

— Подкасты?

— Да. Главным образом американцев. Ну, тех, которые болтают о

новом мировом порядке.

— О новом мировом порядке?

Лелле заметил, что у нее порозовело лицо, она старалась не смотреть на него.

— Биргер верит. И Пер.

— Но не Карл-Юхан?

— Он вырос со всей этой болтовней, не знает ничего другого. Но может измениться, если посмотрит мир.

— Значит, это и есть твой план — расширить его кругозор?

Мея вздохнула, потупив взгляд:

— Он хочет, чтобы мы поженились и завели детей.

— Не сейчас же? Вы пока молодые.

Она подняла глаза и прищурилась, забавные ямочки заиграли на щеках.

— Я тайком глотаю противозачаточные пилюли.

Кухня утопала в мягком свете, тогда как весь остальной мир, казалось, был погружен в темноту. За окном завывал ветер, словно предупреждая, что на улицу лучше не высываться. Глядя на свою гостью, Лелле с горечью думал о том, что это все равно не Лина, хотя ему нравилось общаться с Меей.

Девочка поднялась из-за стола, сполоснула чашку в мойке, подошла к холодильнику и стала рассматривать фотографии Лины. Их было десять. Голый младенец на животе... Восьмилетняя девочка с щелью между зубами на красном снегоходе... Последний снимок был сделан на школьном празднике по поводу окончания учебного года. Лина была в белом платье с красивой прической. Наклонив голову набок, Мея всматривалась в фотографии, словно пыталась найти какой-то ответ.

— Уже поздно, мне надо позвонить, чтобы меня забрали, — сказала она, повернувшись к нему.

— Я отвезу тебя.

Ветер не унимался, и даже в машине было слышно, как скрипят сосны по обеим сторонам дороги. Лелле ехал медленно, ему хотелось растянуть поездку. Мея сидела на пассажирском сиденье рядом с ним, думая о чем-то.

— Ты можешь высадить меня здесь, — сказала она, когда он повернул на ведущую к Свартшё дороге.

— Я могу довезти до дома. Иначе тебя сдует ветром.

— Но я хочу пройтись. — В ее голосе прозвучали напряженные нотки.

Лелле сбросил скорость и остановил машину.

Неожиданно она повернулась к нему и торопливо обняла, прижавшись холодной щекой к его щетине:

— Спасибо, что подвез.

Она выскользнула в темноту и, не хлопая, закрыла дверцу.

Лелле проводил ее взглядом, потом еще долго сидел, слушая завывание ветра. Ощущением пустоты в груди росло. Он знал, что Мея не случайно пришла к нему — на то имелась причина. И когда они еще сидели в его кухне, он чувствовал, что между ними возникла невидимая связь.

* * *

Темнота окружала ее со всех сторон. Пара окон в доме светились, а за ним черной стеной возвышался лес. У нее был с собой налобный фонарь, который дала Анита, чтобы добираться до курятника. Курам не нравилось предзимье. Они сидели, распушив перья, нахохлившись, и почти перестали нестись. Считалось удачей, если удавалось найти два-три яйца.

Семейство Брандтов собиралось в гостиной почти сразу после наступления темноты. Мея сидела, съездившись, перед камином вместе с Карлом-Юханом. Братья не слезали с дивана. Биргер обосновался в своем кресле и вставал только для того, чтобы подбросить дрова в огонь. Анита щурилась на свое вязанье. Пряжи у нее, похоже, было запасено на века. Мея даже завидовала ей. По крайней мере, на спицах можно сфокусировать внимание и не слушать надоевшие разглагольствования о приближающейся войне и конце света. Биргер во время этих разговоров буравил Мею взглядом, словно пытаясь убедиться, что она внимательно слушает

Они хотят, чтобы мы жили в той реальности, которую они нам подсовывают. Чтобы мы сидели, уткнувшись в экраны мобильных и мониторы компьютеров. Они боятся, что мы начнем оглядываться по сторонам и сомневаться в правильности происходящего в мире.

У нее не было собственной комнаты, не было даже уголка, где бы она могла спрятаться. Сыновья Биргера кружились вокруг нее подобно мухам. Ёран и Пер стремились сесть рядом при первой возможности. Брали за руку, словно она была для них источником энергии.

Она всегда мечтала о настоящей семье, о братьях и сестрах, но сейчас ловила себя на том, что ей очень хочется оказаться в одиночестве. И

дышать полной грудью. Она начала понимать, хотя и не хотела признаваться себе в этом, что не только темнота и холод угнетали ее.

Карл-Юхан без стука распахнул дверь в их комнату и сунул голову в образовавшуюся щель:

— Почему ты здесь сидишь?

— Просто хочу побыть в тишине какое-то время.

Он обеспокоенно наморщил лоб:

— Отец сказал, чтобы мы прослушали подкаст с парнями из Техаса, а мама испекла рулет.

— Мне нужно заниматься, у меня завтра контрольная.

Он продолжал таращиться на нее из-за двери. Лицо было недовольным.

— Я приду, как только закончу, — сказала она миролюбиво, но так и не спустилась в гостиную, а когда Карл-Юхан пришел и залез под одеяло, притворилась спящей, в надежде, что он ставит ее в покое.

Под одной крышей они прожили всего несколько месяцев, но уже странная тревога поселилась в ее душе. Мея начала беспокоиться, что переняла от Силье желание переезжать с места на место и, пожалуй, не сможет никогда по-настоящему пустить корни. Летом у нее не возникало сомнений, что Свартшё станет ее домом навеки. Но сейчас, когда она увидела будни этой непростой семейки, познакомилась с ними ближе, она призадумалась. А в последние дни она все чаще вспоминала слова Лелле о том, что прежде нужно найти себя.

Карл-Юхан заснул, и, убедившись в этом, Мея потихоньку выбралась из постели. Собрала со стула одежду, вышла в коридор и осторожно закрыла за собой дверь. Судя по отсутствию света в комнатах Пера и Ёрана, братья тоже спали. Ничего удивительного, ведь вставали они ни свет ни заря. Двойная дверь, ведущая в спальню Биргера и Аниты, тоже была закрыта.

Она торопливо натянула джинсы, свитер, худи с капюшоном, прислушалась и, не обнаружив никаких подозрительных звуков, быстро спустилась вниз. Лестница скрипела, но никто не удосужился встать и посмотреть, кто там крадется в темноте.

Мея шагнула в ночь, и все ее мышцы пробудились, словно она окунулась в озеро. Ей не составило труда добраться до курятника, где она сразу пожалела о том, что у нее нет телефона. Она могла бы позвонить Силье или Вороне. Или Лелле. Да, больше всего с ним она хотела бы поговорить. Но за неимением мобильного придется довольствоваться

обществом несушек.

Куры спали, тесно прижавшись друг к другу, на ее появление они никак не отреагировали. Мея отыскала взглядом свою подопечную и осторожно погладила ее. Дегтярная мазь помогла — на месте выдранных перьев уже отрастали новые. Мее хотелось привести мысли в порядок. Она села на опилки и стала прокручивать в голове события лета и осени. Поплакала немного, удивляясь самой себе — раньше за ней такого не водилось.

Она уже задремала, когда услышала голоса. Сначала подумала, что Карл-Юхан ищет ее, разбудив Пера и Ёрана. Этим ребятам, похоже, и в голову не приходило, что у человека может возникнуть желание побыть наедине с собой. Однако голоса были тихие, так тихо не говорят, когда ищут кого-то, и Мея, затаив дыхание, прокралась к двери, чтобы слышать лучше.

Сначала до нее долетел мужской голос, а потом — женский, и он явно не принадлежал Аните.

* * *

Лелле сидел за столом в залитой светом кухне, смотрел на пустующий стул Лины, но не только она заполняла сейчас его мысли. Как бы ему не хотелось этого признавать, он ждал Мею. Сидел и прислушивался к каждому звуку. Стоило ему закрыть глаза, он видел девочку перед собой. Как она блуждала взглядом по сторонам, и видно было, что его захламленный дом ей очень нравится. Как она рассматривала фотографии Лины. Трудно подобрать слово... с сожалением, что у нее самой не было такого детства? Десять фотографий, десять мгновений жизни. Он помнил эти моменты, в то время как все остальное, с Линой не связанное, постепенно стиралось из памяти. С тех пор как она пропала, он не снимал больше, хотя когда-то любил фотографировать. Все по-настоящему значимое для него было прикреплено магнитиками к холодильникам, и, глядя на фотографии, он снова услышал голос дочери.

Делай что-нибудь, папа. Не сиди на месте.

Он снял трубку и позвонил Хассану, но ответа не получил и оставил ему голосовое сообщение:

— У меня новая ученица, и я тревожусь за нее. Мея Нордландер, 17 лет. Это ее мать живет с Торбьёрном Форсом. Женщину зовут Силье.

Мне бы хотелось знать больше об их прошлом. Если ты сможешь помочь, буду очень благодарен.

Он еще долго сидел с мобильником в руке. Дрожь пробегала по спине каждый раз, когда мысли возвращались к Мее. Она никогда не имела ни отца, ни настоящего дома. У нее никогда не было возможности украсить свой холодильник магнитиками, и вряд ли ее кто-то фотографировал в детстве.

* * *

Мея прищурилась, глядя в окно курятника. Два силуэта на опушке. Сначала она подумала, что кто-то проник в усадьбу. Кто-то посторонний. Однако собаки молчали. Потом она поняла, что знает мужчину... парня. По повадкам, по тому, как он шел, как размахивал руками, словно готовился броситься в атаку, она узнала в нем Ёрана.

Рядом с ним была девушка. Точно девушка. Анита покрупнее и повыше, а эта маленькая и хрупкая. Мея смогла разглядеть белокурые волосы на спине. Девушка странно двигалась, шла, задрав плечи и наклонив голову вперед, словно ее мучила боль.

Они разговаривали на повышенных тонах, скорее всего ругались. Двигимая любопытством, Мея тихо-тихо выбралась наружу и присела на корточки в тени тачки. Она увидела, как Ёран прижал девушку к дереву и зажал ей рукой рот. Его лицо было закрыто чем-то. Маска. Черная ткань шевелилась, когда он говорил.

— Я сделал все для тебя, — услышала Мея, — и вот твоя благодарность.

Девушка заплакала. Мея почувствовала кислый привкус во рту, первой мыслью было окликнуть парня, но язык отказывался подчиняться.

Ёран тем временем продолжал шипеть:

— Моя прежняя подружка была такой же глупой, как ты. Она тоже попыталась убежать, хотя я спасал ее от всего, *от всего!* Ей не следовало этого делать.

Он убрал руку от лица девушки, и она жадно хватала ртом воздух.

— Пожалуйста... — выдавила она. — Я хочу домой... Я просто хочу домой...

Ёрана это разозлило. Он оторвал девушку от земли и стал трясти словно куклу:

— Ты сейчас дома, неужели так трудно понять?

Затем прижал девушку к дереву снова и принялся душить. Она сопротивлялась — пыталась бить его руками и ногами. Потом захрипела, и Мея неожиданно для себя закричала так громко, что собаки на псарне проснулись и залаяли.

Ёран посмотрел в ее сторону, но руки продолжали сжимать худенькую шею. Тело девушки обмякло. Увидев это, Мея ринулась к Ёрану и попыталась оттащить в сторону, но он был гораздо сильнее ее. Девушка, которую он душил, кашляя, упала на землю; сила жизни в ней была настолько велика, что она начала отползать в сторону лесной опушки.

Ёран стащил с себя маску, и Мея вздрогнула, увидев его глаза. Со лба парня тонким ручейком сбегала кровь. Плечи поднимались и опускались, словно ему не хватало воздуха.

— Не лезь в это, Мея. Мы просто играем.

Она видела, как девица поднялась на ноги и, качаясь, побежала между деревьями в сторону озера.

— Что это у вас за игры? Кто она?

Ёран не ответил — смотрел на нее абсолютно пустым взглядом. И внезапно она поняла, что сейчас произойдет. Он бросился на нее, но она успела увернуться и со всех ног помчалась к дому.

Уже на крыльце она поняла, что он не преследовал ее. Оглянувшись, она не увидела парня и поняла, что он побежал за девушкой. Ее всю трясло от напряжения и страха, когда она барабанила в дверь спальни Биргера и Аниты.

Открыла Анита. Ее белые волосы светились в темноте, а белая ночная рубашка придавала сходство с призраком.

Мея оперлась о косяк и увидела в темноте Биргера с ружьем в руках.

— Там Ёран, вы должны пойти.

Больше ей ничего не требовалось говорить. Они быстро оделись и выбежали из дома. Ружье Биргер взял с собой.

Они нашли его у озера, затаенного тонким ледком. Вокруг была тишина. Ёран стоял, прислонившись к кривой березе. По бледному лицу стекала кровь. Глаза засветились в темноте, когда он видел их, на губах выступили крошечные пузырьки слюны. Он оторвался от березы и обнял Аниту. Мея слышала, как они шептались.

— Извини меня, пожалуйста, мама, извини...

— Любимый мой мальчик, что ты сделал?

— Я никогда не причинил бы ей зла, никогда в жизни. Мы просто

играли...

Биргер водил карманным фонариком по сторонам.

— Чертов мальчишка, — сказал он. — Где она?

Ёран наклонился, и его вырвало. Анита гладила сына по спине, бросая злобные взгляды на Биргера.

— Это твоя вина, — прохрипела она. — Ты не дал ему обратиться к специалисту.

Биргер не ответил, тишину нарушал только хруст веток под его ногами. Он продолжил поиски, размахивая фонарем, словно оружием. Мея стояла в стороне, зубы выбивали барабанную дробь. Несмотря на холодный воздух, она чувствовала запахи пота, рвоты и крови. Страх охватил ее с новой силой, когда Ёран выпрямился и показал в сторону леса:

— Она там...

Биргер посветил фонарем, и они увидели светлые волосы, затем ноги. Девушка лежала, уткнувшись лицом в мох, и, похоже, не дышала. Биргер подбежал и перевернул ее. Темные полосы запекшейся крови тянулись через рот и подбородок. Анита начала кричать, подняв глаза к небу:

— Только не это! Боже, опять!

Биргер приложил ухо к губам девушки. Отложил ружье в сторону и открыл ей рот дрожащими руками. Дунул изо всех сил, чтобы наполнить легкие воздухом, наклонился сверху и давил руками на грудную клетку.

— Я не хотел этого, — повторял Ёран как заведенный. — Она сама набросилась на меня.

— Чертов мальчишка, — пропыхтел Биргер. — Из-за тебя мы все попадем в беду.

Девушка начала кашлять, но Биргер продолжал дуть и давить. Он делал это с таким остервенением, что Мея не выдержала и закричала. Спотыкаясь о корни, подбежала к нему и попыталась оттащить от несчастной жертвы Ёрана, которой теперь грозило погибнуть от рук его отца.

— Нам надо позвонить в «скорую»!

Биргер вытер лицо и посмотрел на Мею так, словно он только сейчас обнаружил, что она стоит рядом. Это было заметно по его глазам. Он поднялся, протянул к ней руки и крепко прижал к груди. Она чувствовала, как дрожит его тело под мокрой тканью, как его страх смешивается с ее собственным.

— Мы никуда не будем звонить, Мея.

Она попыталась вырваться, но он с силой сжал ее запястье одной рукой, в другую взял ружье. Она успела увидеть, как он поднял ружье

прямо над ее головой, а потом на ее голову опустился приклад.

* * *

Лелле проснулся от хруста гравия снаружи. Пока он спал, изо рта на обивку дивана натекла слюна, щека онемела от долгого лежания на жесткой поверхности. Стук в дверь прозвучал раньше, чем он подошел к окну. В щели между жалюзи увидел полицейский автомобиль. Хассан...

— Черт, Лелле, ты, похоже, только и делаешь, что дрыхнешь. — Хассан сунул ему в руки розовую картонную коробочку и протиснулся в дверь. — Понимаю, что сегодня выходной, но уже почти полдень. Ладно, не обращаю внимания. Я бы и сам спал до конца жизни, будь у меня такая возможность.

Лелле приоткрыл крышку и обнаружил в коробке два обсыпанных сахарной пудрой рогалика.

Хассан быстро скинул ботинки и потопал на кухню:

— Тебе не надоело жить как в свинарнике? Не хочешь убираться сам, мог бы обратиться в клининговую компанию.

— Я не в том настроении, чтобы выслушивать твои жизнерадостные наставления.

— Приготовь кофе, а? Пожалуй, оно поможет тебе прийти в норму.

Лелле положил коробку на стол и включил перколятор. Хассан расстегнул молнию на куртке, покосился на стул Лины и сел подальше.

— У тебя есть какие-нибудь новости или ты просто зашел пожалеть меня? — спросил Лелле.

Хассан уже успел откусить кусок от рогалика:

— По обеим причинам, дружище.

Лелле почувствовал, как пол закачался под ногами:

— Ну что же, давай послушаем.

— Относительно девицы, по поводу которой ты звонил, Меи Нордландер. Я покопался немного в ее прошлом. Оказывается, социальный департамент принимал активное участие в ее жизни уже с рождения. Там много чего написано.

— Вот как?

— Такого, что я не должен рассказывать тебе.

Лелле оперся о мойку:

— Ты же знаешь, дальше меня информация не пойдет.

Хассан слизнул языком крошки рогалика с уголков рта:

— Девчонке пришлось поездить, и это еще мягко сказано. Они с мамашей, которую зовут Силье, ну, ты уже знаешь, поменяли свыше тридцати адресов за семнадцать лет. Никакой папаша на горизонте никогда не наблюдался, а вот у мамаша куча проблем. Проблемы с наркотиками, проблемы по части психиатрии. Подозревалась в проституции, но этот эпизод не доказан. В паре случаев девочку забирали, однако каждый раз мамаше удавалось вернуть ее.

— Черт... Нет ничего странного, что девочка оказалась в Свартшё. Ей наверняка осточертели постоянные переезды ее матери.

Хассан подвинул Лелле коробку с рогаликом.

— Похоже, она ищет, где бы ей осесть по-настоящему, — сказал он. — Тихую и надежную гавань.

* * *

— Лежи спокойно. У тебя кровь течет.

Мея открыла глаза и прищурилась. Над ней наклонилась девица с темными синяками под глазами и раной на губе. Она прижимала мокрый кусок ткани ко лбу Меи.

— Попытайся расслабиться, ты получила сильный удар. — Голос у нее был хриплый.

— Кто ты?

— Меня зовут Ханна. — Шея у нее была в красных синяках.

Мея почувствовала, как сердце застучало быстрее. Она обвела взглядом серые стены — комната маленькая и темная. Под потолком на шнуре висела лампочка — вот и все освещение. Воздух холодный и затхлый, едкий запах мочи ударял в нос.

— Где мы? — повернулась она к Ханне.

— Под землей. Это все, что мне известно.

— А где другие?

— Кроме нас, здесь никого нет.

Мея приподнялась на локтях. От боли потемнело в глазах, стены закачались. Она зажмурилась и медленно села, к горлу сразу подступила тошнота.

— Тебе надо лежать, — пробормотала Ханна. — Ты совсем белая.

Мея ее не послушала. Подняла руку и осторожно потрогала пальцами

лоб. Каждое прикосновение к голове вызывало сильную боль, волосы слиплись от крови.

— Кто меня ударил?

Ханна откашлялась:

— Не знаю. Там было несколько человек. Я не видела.

Она окунула окровавленную тряпку в ведро с водой, выжала ее и снова приложила Мее к голове. Стало немного легче.

— Ты можешь сама держать ее, как думаешь? Кровь еще довольно сильно течет.

Мея кивнула (лучше бы она этого не делала!) и прижала тряпку; пальцы казались чужими. Она моргнула, еще раз посмотрела на Ханну, и пульс резко подскочил.

— Я видела тебя, — воскликнула она. — Это же ты на всех листовках.

— На каких листовках?

— На каких, на каких! Они повсюду развешаны. Все тебя ищут.

Нижняя губа Ханны начала дрожать.

— А я сидела здесь, — сказала она. — Все время.

Мея скосила глаза на дверь. Сделал глубокий вдох, пытаюсь справиться с тошнотой, собралась с духом и поднялась. У нее сразу потемнело в глазах, чтобы не упасть, пришлось схватиться за стену. Откуда-то издали прозвучал голос Ханны:

— Ложись давай, пока не вырубилась.

Но она не легла. Держась за шершавый бетон, поковыляла к двери. Память начала возвращаться, и она увидела озеро, затянутое первым льдом, злобную гримасу Биргера и его руку, сжимавшую ружье.

Достигнув двери, Мея потянула за ручку, а когда поняла, что дверь заперта, принялась дубасить по ней. Кричала, звала Карла-Юхана, Биргера и Аниту, пока ее не начало рвать. Ноги подкосились, и она опустилась на холодный пол.

Ханна помогла ей вернуться на кровать, снова намочила тряпку и положила на голову. По ее щекам бежали слезы.

— Не имеет смысла орать, нас никто не услышит.

Мея тяжело дышала, воздуха в тесном помещении явно не хватало для двоих.

— Это же я тебя видела с Ёраном, — сказала она. — У сарая.

— Ты знаешь, кто он? — прошептала девушка.

— Он брат моего парня.

— Твоего парня?

Мея кивнула, и ее кивок тут же отозвался болью. Черт...

Постепенно до нее дошло, что они находятся в бункере. В одном из крошечных помещений, где семейство Биргера предполагало прятаться, если сбудутся худшие опасения.

Она схватила Ханну за руку и сильно сжала:

— Как ты оказалась здесь?

— Мы жили в палатке, я и моя подруга. Ночью я вылезла пописать. И тут он появился словно ниоткуда. Схватил меня рукой за горло и сдавил. Так крепко, что в глазах потемнело. Я попыталась вырваться, но напрасно. Он потащил меня за собой. Продолжал душить. Я не сомневалась, что он убьет меня. — Ее голос сорвался, она заплакала. — Скорее всего, я потеряла сознание... Ненадолго пришла в себя и обнаружила, что лежу в багажнике. Я не помню, как оказалась здесь.

— Как он выглядел?

— На нем была маска. Он всегда приходил в ней. Я ни разу не видела его лица.

Мея подумала о Ёране, о его угрях, которые он постоянно расчесывал, о неприятном запахе, исходившем от него. Вспомнила, как он смотрел на них с Карлом-Юханом, когда они лежали в траве, как однажды он сел рядом с ней на поляне и рассказал о своем желании, чтобы у него все было как у Карла-Юхана. *Мне нужна девушка, такая, с кем бы я мог делить все на свете.* И тут же эхом в ее голове отдались слова Аниты: *если мои парни станут слишком докучать, расскажи мне.* Она снова увидела руки Биргера, сжимавшие ружье, и растрепанные белые волосы Аниты. Увидела Ёрана, сидевшего на корточках у озера...

Она все еще держала Ханну за руку и не хотела отпускать.

— Как ты оказалась наверху? — спросила она. — Ёран позволил тебе выйти наружу?

— Нет. Я ударила его. — Ханна кивнула в сторону маленькой тумбочки. — Я ударила его по голове и побежала. Но мне не следовало этого делать.

* * *

Лелле опять проспал, пусть и лег рано. Он успел только помыть под мышками и почистить зубы, а потом всю дорогу до школы мечтал о кофе. В учительской он сразу поспешил к кофеварке, наполнил себе чашку и сел в угол подальше от всех. Пока шел с чашкой, пролил немного кофе на пол, но

даже не заметил этого. Ему никто не сделал замечания. К человеку, потерявшему все, обычно относятся снисходительно и стараются не задевать лишний раз.

Прозвенел звонок. Еще толком не проснувшиеся ученики сидели молча за своими партами и сонно хлопали глазами.

— У кого-нибудь есть вопросы перед контрольной? Теорему Пифагора все помнят?

Он успел разобрать два примера на доске, прежде чем понял, что Мея в классе нет.

— Где Мея? — спросил он.

Молчание. Равнодушное пожатие плечами.

— Никто не знает?

— Кажись, ее не было всю неделю, — подал голос кто-то.

— Может, заболела? — предположил другой.

Лелле почесал подбородок, заросший щетиной. Подбородок и шея невыносимо зудели, но ему приходилось держать себя в руках под взглядами учеников.

На следующий день Мея не появилась. После обеда он заглянул к школьной медсестре. Ее звали Гунхильд, и она обычно говорила так тихо, что понять ее удавалось, только задержав дыхание. Если верить ей, Мея ни на что не жаловалась.

— Все нормально? — спросила медсестра.

— Она пропустила несколько уроков.

— С тобой все нормально, я имею в виду? Ты выглядишь усталым.

Лелле почувствовал раздражение. Год назад он бы прорычал, что в его жизни нет ничего нормального, что он будет выглядеть усталым до конца своих дней и всем следует привыкнуть к этому. Однако за последнее время он научился держаться себя в руках. Хуже нет, когда тебя жалеют.

— Я живу, — ответил он. — Спасибо и на этом.

* * *

Мея рассказала Ханне о Карле-Юхане. О том, как он вытащил у нее сигарету изо рта и сказал, что красивые девушки не должны курить. О Биргере и Аните и о том, что они очень редко покидают усадьбу. Все необходимое у них есть на несколько лет вперед. Она рассказала о

животных и о том, как здорово в усадьбе было летом. О большом бункере, в котором семейство Брандтов собиралось спрятаться, если что.

Ханна сидела, прислонившись спиной к бетонной стене, и внимательно слушала ее.

— Я никогда не видела никого другого, — сказала она. — Всегда приходил только он.

— Ёран, скорее всего, держал все в тайне от остальных. Или я просто ничего не замечала.

— Я ударила его по голове, — вздохнула Ханна. — Треснула тумбочкой и побежала. Она такая тяжелая, сама не понимаю, как ее подняла. Но этого оказалось недостаточно. Он очень быстро догнал меня. Если б не ты, он бы наверняка убил меня.

Мея вспомнила, как Биргер, склонившись над Ханной, делал ей искусственное дыхание. У нее голова шла кругом. Она приложила пальцы к шее, желая убедиться, что сердце по-прежнему бьется.

— Ханна, мы должны это пережить, — сказала она. — Никто не убьет нас.

Они спали рядом на кровати. Кровать была узкой, но вместе было теплее, к тому же они подпитывались друг от друга энергией. Из еды у них имелся только термос с прокисшим молоком. Живот Меи бунтовал.

— А мое брюхо уже перестало сопротивляться, — грустно улыбнулась Ханна. — Оно давно сдалось.

Мея ходила кругами по комнате. Голова болела, но хотя бы перестала кружиться. Карл-Юхан... Он никогда не позволил бы им причинить ей зло. Вероятно, он просто понятия не имеет, что они с ней сотворили. Теперь бегают, ищет ее... Иного она и представить не могла. Ее должны были хватиться в школе, Лелле уж точно не мог не заметить ее отсутствия. И Силье.... Она ведь чуть ли не каждый день звонила по стационарному телефону и жаловалась на Торбьёрна. Конечно, требовалось какое-то время, однако рано или поздно о ней начнут беспокоиться.

— Люди знают, что я здесь, — сказала она. — Нам не придется долго ждать.

Ханна не разделяла ее оптимизма:

— Они убьют нас раньше и избавятся от улики. Позаботятся, чтобы ничего не осталось.

— Не говори так.

— Я здесь не первая. Кто-то другой был раньше. Я нашла следы. — Ханна показала лиловую резинку для волос на запястье. — Видишь? Я

нашла это здесь.

Мея покачала головой

— Они знают, что я в Свартшё, — повторила она. — Силье и мой учитель.

* * *

Они спали, когда дверь открылась. Мея успела увидеть мелькнувшую тень и как что-то поставили на пол. Она вскочила, но дверь уже закрылась.

От корзинки на полу вкусно пахло. Еда. Им принесли еду. Мея застучала кулаками по двери, но стучать было бесполезно. Она сникла и повернулась к Ханне, которая даже не поднялась с кровати.

— Я же говорила, что все напрасно, — прошептала девушка.

Мея узнала еду Аниты: булочки и кровяная запеканка. Соленое масло, всегда просто таявшее во рту. Брусничное варенье и кофе, после которого на дне чашки оставался немаленький слой гущи. Все это приготовила она, Анита.

Мея вспомнила, как потемнели глаза Аниты, когда она однажды увидела Ёрана рядом с ней, каким резким тоном отправила его прочь. Вспомнила, как пожилая женщина обняла ее, словно защищая от опасности. Она прекрасно представляла, на что способен ее сын.

Глядя на корзинку с едой, Мея поняла, что они все предали ее. Пер, Биргер, Анита... пожалуй, даже Карл-Юхан. Ее парень всегда поступал, как говорил отец, без крошечки сомнений. *Без моей семьи я ничто* — его прямо распирало от гордости, когда он признался в этом.

* * *

Еще не успев открыть глаза, по давящей на уши тишине Лелле понял, что выпал снег. С некоторых пор он не любил снег. Снег ему не союзник. Он мог бы и зимой бродить по лесам, но что прячется под белым одеялом — все равно не узнать.

Стул Меи в классе пустовал уже две недели, и он не мог больше ждать. Два пустых стула — это слишком.

Лина чуть не появилась на свет прямо на снегу. На Пасху они сняли

домишко в горах, хотя Анетт могла родить в любую минуту. Днем они разложили оленьи шкуры и сидели на них, подставив лица к солнцу. Солнце светило так ярко, что слезились глаза, к тому же было тепло. Они расстегнули куртки, и Анетт, взяв его руку, приложила к своему животу, чтобы он почувствовал, как толкается их дитя. Они смеялись и болтали ни о чем, томимые радостным ожиданием. Спустя несколько мгновений лицо Анетт исказилось от боли, и она прижала руки к промежности. Ребенку надоело в тесном пространстве, он рвался наружу, в большой мир, где его с нетерпением ждали. Шкура под Анетт покрылась темными пятнами, а в их распоряжении был только снегоход. Лелле успел довести жену до медпункта, но ничего не помнил, кроме света, бывшего по глазам. Заснеженной дороге, казалось, не будет конца.

От лета осталось десять сигарет. Табак высох, потерял аромат и зашипел неприятно, когда он поднес пламя зажигалки. Протестов Лины он не услышал и не видел ее, как обычно. Только собственное усталое лицо в грязном зеркале. Кожа стала дряблой, что особенно бросалось в глаза после бритья. Узнает ли его дочь, когда вернется домой? Скорее всего, она тоже изменилась.

Он продолжал курить, пока чистил стекла машины. Ему все время слышались какие-то голоса, как будто кто-то окликает его, но это было наваждением, и он продолжал работать скребком. Затем сел на водительское сиденье с тлеющим фильтром между губами. Под тяжестью снега, продолжавшего падать, ветви деревьев начали прогибаться, на дороге автомобили оставляли грязные следы. Лелле выкинул окурок в окно. Когда-то он считал зиму красивой, но сейчас — отвратительной.

Указатель с надписью «Свартшё» обзавелся пушистой белой шапкой. Подъездная дорога была засыпана снегом, никто не проезжал и не проходил по ней. Остановившись у ворот, Лелле вылез из машины и нажал кнопку вызова. Голос Биргера из динамика раздался не сразу:

— Кто там?

— Леннарт Густафссон.

— Проезжай, — неохотно прозвучало в ответ еще через какое-то время.

Ворота открылись, образовав по сторонам небольшие сугробы. Снег прекратился, но отдельные снежинки еще кружились в воздухе, темные тучи низко висели над деревьями, подобно грязным шторам, загораживающим дневной свет. Дни и без того были короткие, и Лелле подумал, что у него не так много времени в запасе.

Биргер принял его на кухне, как и в прошлый раз. В стоявшей на плите кастрюле кипело что-то, запах вареного мяса витал в воздухе. Ни Меи, ни сыновей Биргера не было. Лелле стоял в дверном проеме с шапкой в одной руке и пластиковой папкой с материалами для контрольной — в другой. Снег таял на его одежде и лице, и ему приходилось периодически вытирать нос, на котором нависала капля. Он решил не раздеваться ни при каких условиях.

— Я ненадолго, мне только хотелось узнать, как дела у Меи.

— Но ты же все равно не откажешься от чашечки кофе?

Биргер сунул голову в соседнюю комнату и позвал Аниту. Он сделал это слегка раздраженным тоном, словно отдавал команду непослушной собаке.

— Не беспокойтесь обо мне, — сказал Лелле.

Однако Биргер уже потянулся за его шапкой, лицо его расплылось в улыбке.

— Ну вот, наконец и зима наступила, — сказал он. — Нам остается смириться и ждать весны.

Лелле рассеянно кивнул.

— А я и не знал, что учителя ходят к ученикам домой.

— Меи давно не было в школе. Я просто ехал мимо и решил узнать, как дела. Наверное, она заболела?

— Да... Грипп подхватила. Ужасно себя чувствовала.

Биргер покачал головой так, что щеки его затряслись. Лелле подумал, что он похож на мастиффа, хотя это было глупое сравнение.

— Она ходила к врачу?

— Нет, она уже на поправку пошла. Скоро полностью придет в норму. Моя старуха заботится о ней, уж она-то лучше ваших так называемых докторов.

Запах мяса был таким сильным, что Лелле сглотнул. Скорее всего, лосятина. Он показал на пластиковую папку:

— А нельзя ли мне встретиться с девочкой? Я прихватил задание для контрольной работы, которую она, к сожалению, пропустила. Пусть сделает дома, чтобы не пострадала итоговая оценка.

Прежде чем Биргер успел ответить, в дверях появилась Анита. Она выглядела странно, обеспокоенно смотрела по сторонам, невымытые волосы болтались на плечах.

— Наконец-то, — сказал Биргер. — Поднимись к Мее, спроси, сможет ли она спуститься?

Анита переводила взгляд с Биргера на Лелле, словно не узнавала их.

Прижала руку к груди и промямлила:

— Конечно.

Биргер выдвинул стул для Лелле и налил кофе из термоса.

— Ты молодец, что пришел, — сказал он. — Далекое не каждый учитель такую заботу проявляет.

— Откуда мне знать, — пробормотал Лелле.

Он расстегнул молнию на куртке и глотнул кофе. Напиток опять был настолько горьким, что желудок отказывался принимать. Бросило в жар. Ему показалось, что со второго этажа доносится шум ударов, и он прислушался. Биргер смотрел на него своими водянистыми глазами, не переставая улыбаться. По спине побежали ручейки пота.

— Сыновья ваши тоже грипп подхватили? — спросил Лелле. — И Анита, кажется, больна.

— Здорова она, здорова. Мы закаленные. Нас никакая зараза не берет.

За окном опускались сумерки, тишину снаружи изредка нарушал лай собак. Так, побреживали слегка. Биргер закатал рукава, и одного взгляда на его жилистые руки с мощными запястьями хватало, чтобы понять, насколько силен этот человек.

— Мея нам говорила о своем желании оставить гимназию...

— Вот как? Мне она ни о чем таком не говорила, — удивился Лелле.

— Угу, — подтвердил Биргер. — Не раз заявляла, что учиться — это не ее. Работать она умеет, не пропадет.

— Надеюсь, мне удастся отговорить ее. Образование в наши дни никому не помешает.

Биргер ухмыльнулся. Под ногтями у него была свежая вьевшаяся грязь. Лелле хотел спросить Биргера о сыновьях, но не решился, и они сидели молча. На плите продолжало булькать мясо. От тяжелого взгляда хозяина некуда было деться.

На кухню вернулась Анита.

— Мея спит, — сказала она. — Жалко было будить ее.

Лелле покрутил папку, не зная, что делать дальше.

— Оставь все здесь, — улыбнулся Биргер. — Мы ей передадим, когда проснется.

После недолгого колебания Лелле подтолкнул папку к нему через стол:

— Пусть позвонит, если возникнут вопросы по задачам.

Скоро он стоял у машины и глубоко дышал, стараясь избавиться от привкуса мяса во рту, которого не ел. Было такое ощущение, что мир снова рушится. Снег успел покрыть довольно толстым слоем стекла «вольво», и он принялся счищать его, то и дело посматривая на освещенные окна дома

в надежде увидеть Мею. Ему хотелось увезти ее от этих людей. Он вспомнил Лину, стоявшую в одиночестве на автобусной остановке.

К окну подошел Биргер, и Лелле неохотно сел в машину. Задние колеса пробуксовывали, но мотор быстро справился. Ворота были распахнуты, и ему ничего оставалось, как ехать домой.

* * *

Лелле проснулся в комнате Лины и не сразу понял, что ее тут нет. Стеганое одеяло было влажным — наверное, он вспотел во сне. Окна смотрели на север, и мороз щедро разрисовывал их ледяными узорами. С украшавших стены плакатов на него таращились обнаженные по пояс участники какой-то подростковой группы. На полке теснились книги, выделялась потертыми корешками трилогия «Властелин колец», которую Лина то и дело перечитывала. Еще здесь были книги о вампирах — что поделат, такие вкусы у детей.

Дневники Лины забрала Анетт, и она же рассказала ему о тайнах дочери, которые он предпочел бы не знать. О том, что Лина уже потеряла девственность, что она попробовала гашиш на университетском празднике в Лулео... Но Лелле было довольно того, что Лина сама ему рассказывала.

Лелле сел и нежно погладил одеяло. Обычно в комнате Лины он ночевал, когда напивался, а потом ругал себя за это. Потому что исходивший от него запах перегара подавлял запах Лины. В первые месяцы тут все было пропитано ее запахом. Но за три с лишним года он выветрился конечно. Почти...

Вчера он и правда выпил — не удержался. В конечном счете обвинил во всем наступившую зиму и темноту, поглотившую мир. Да еще этот холод... Мысль о том, что Лина где-то замерзает, была для него невыносимой. Именно поэтому он и напился — чтобы не думать ни о чем.

На кухне он долго стоял, наклонившись над раковиной, и блевал желчью. Периодически глотал воду, пока не почувствовал, что может выпить кофе. Снаружи было еще темно, пусть даже выпал снег. Он старался не смотреть на свое отражение в черном стекле. Он еще и потому не любил зиму, что приходилось вечно видеть своего двойника.

Разыскав номер Биргера Брандта в телефонном справочнике, он позвонил — хотел услышать голос Меи. Но услышал только длинные гудки. Положил трубку и снова набрал номер, потом еще и еще раз. Сидел с

телефоном, пока кофе не остыл, а комнату не залило серым дневным светом.

Решение пришло само. Натянув на себя вчерашние носки и джинсы, надев куртку прямо на футболку, в которой спал, он отправился в дорогу. Уже сидя за рулем, кое-как пригладил стоявшие торчком волосы. От него воняло, ведь он так и не принял душ. Поморщился, приоткрыл боковое окно и впустил внутрь холодный воздух. Мороз окутал инеем березы, почему не верилось, что на поникших ветвях когда-нибудь снова проклюнется листва.

Когда он повернул к Свартшё, затылок взмок от холодного пота. По дороге он пару раз пробовал дозвониться, но дома у Биргера никто не отвечал. Задумавшись, Лелле едва успел затормозить перед воротам, выросшими перед ним из полумрака. Машину немного занесло. Он окинул взглядом присыпанную снегом железную конструкцию — сможет ли перелезть через нее?

Голос Биргера загрохотал из динамика, едва он нажал кнопку вызова на переговорном устройстве:

— В чем дело?

— Я приехал поговорить с Меей.

Ворота открылись. С другой стороны снег с дороги был убран и лежал сугробами по краям. Из трубы дома, выкрашенного красной краской, свечкой поднимался дым. Лелле подумал, что картинка, как на рождественских открытках; прищурившись, посмотрел на окна второго этажа, но увидел лишь задернутые занавески.

Биргер открыл ему дверь, на этот раз он не улыбался:

— Извини, но нам не до тебя.

— Я приехал забрать Мею.

На кухне, где находилась Анита, сильно пахло кровью, руки женщины были красными.

— Как видишь, мы заняты немного, — сказал Биргер.

— Я не собираюсь задерживаться, заберу Мею, и мы уедем.

— Вероятно, произошло какое-то недоразумение, но Меи здесь нет.

Лелле пытался дышать ртом, чтобы не чувствовать запах крови. На ремне у него обычно висела кобура, но пистолет остался у Хассана. Он услышал крик Лины в ушах:

— *Уходи отсюда, папа! Повернись и уходи!*

— Ты же вчера говорил, что она больна. Что она спит.

— Это было вчера, а сегодня утром она уехала.

— Да? И куда же?

Биргер покачал головой:

— Собралась на рассвете и ушла. Я так думаю, мать забрала ее на дороге. Девчонка не захотела нам ничего говорить. Думаю, какая-то кошка пробежала между ней и Карлом-Юханом, сам знаешь, как бывает у молодых.

Звучало обыденно, однако по коже пробежали мурашки.

— И вы позволили ей уйти в такой холод? Даже не подвезли ее?

Биргер пожал плечами:

— Она захотела пройтись. Мея не ребенок, Лелле, мы не можем приказывать ей. Кофе налить?

Биргер выдвинул стул, но Лелле остался стоять у двери. Шея Аниты стала совсем красной, когда она наклонилась над кровяной, которую готовила. Синеватые сосуды под кожей пульсировали — видно было, что женщина едва сдерживает себя.

Биргер наконец улыбнулся, обнажив редкие зубы:

— Ты бы сел, Лелле. Судя по твоему виду, тебе это необходимо.

— Нет, не буду надоедать вам больше. Извините за вторжение, прямо не знаю, что на меня накатило.

Он открыл входную дверь и вышел на холод. Лаяли собаки. Вдалеке, у сарая, глаза уловили какое-то движение, словно кто-то прятался за углом. Мея прятаться бы не стала. Он сел за руль и тронул машину с места.

Перед воротами ему пришлось остановиться. Он с такой силой сжимал руль в ожидании, пока их откроют, что пальцы заныли. Но ворота не сдвинулись с места. Он подъехал вплотную и почти коснулся бампером железа. Хотелось оказаться как можно дальше от этих людей. Ворота оставались закрытыми. Вне себя от злости, Лелле вылез наружу и стал кричать, размахивая руками, чтобы ему открыли. Из дома вышел Биргер, оседлал снегоход и так резко сорвался с места, что вороны испуганно взмыли с деревьев. За «Викингом» тянулся шлейф снежной пыли.

Лелле почувствовал, как у него напряглись мышцы, когда Биргер развернулся перед ним:

— У нас какая-то ерунда с воротами, но я могу открыть их вручную.

Он слез со снегохода и достал какой-то предмет, похожий на железную трубу. Лелле отошел в сторону, давая ему пройти.

— Ты не мог бы толкнуть немного? — Биргер кивнул на ворота.

Лелле подошел, положил руки на холодную сталь и нажал всем своим весом. Биргер стоял рядом и давил трубой на темный паз. Оба тяжело дышали, белые облачка пара окутывали их лица, но ворота не двигались. Лелле почувствовал, как его начала охватывать паника. Он еще поднажал

— и не заметил, как Биргер поднял трубу. Боль от затылка разбежалась по всему телу, а потом он погрузился в темноту.

* * *

Время в бункере остановилось. Они спали, пытаясь тем самым хоть чуточку убыстрить его. Неведомо было, сколько дней они провели вместе. Им приносили поесть. Дверь открывалась всегда неожиданно, они даже не успевали отреагировать. Просто на полу появлялась новая корзина, а кто ее принес — поди знай.

Мея уже давно завязала с попытками докричаться до невидимки за дверью, но ее каждый раз трясло от злости, когда она выкладывала хорошо знакомые продукты. Голод постоянно напоминал о себе, и поэтому она ела, хотя и понемногу.

Ханна не поднималась с кровати. В темноте было трудно понять, открыты у нее глаза или закрыты. Мея осторожно прикоснулась к ней:

— Ты будешь есть?

Ханна скривилась.

— Может, попьешь хотя бы?

Им принесли два термоса, один с кофе, а второй...

Мея открутила крышку и вдохнула запах:

— Здесь горячий шоколад. Хочешь?

— Ладно, давай попробую.

Ханна села и стала безучастно смотреть, как Мея намазывает масло на хлеб и наливает шоколад, приготовленный на свежем молоке. Сама Мея проглотила два бутерброда и выпила две чашки шоколада, в то время как Ханна лишь пригубила напиток.

— У меня нет аппетита...

Мея пристроилась рядом с Ханной, и ее потянуло в сон. Она положила голову на плечо подруги по несчастью и закрыла глаза. Хорошего было мало, но она не сомневалась, что им удастся выбраться из бункера. Если Биргер или Анита осмелятся спуститься сюда, она поговорит с ними начистоту.

Ей хотелось сказать Ханне, что все образуется, но язык отказывался подчиняться — как будто распух во рту. Она попыталась сжать руку Ханны, но и на это не было сил.

Издав хриплый звук, она увидела, как Ханна, сделав глоток, выронила чашку. Горячая жидкость выплеснулась на джинсы, но девушка даже не вскрикнула. Веки слипались, несмотря на отчаянные попытки Меи держать глаза открытыми. Ханна сдалась, ее голова безвольно упала на грудь. Заметив это, Мея хотела толкнуть ее, чтобы та не спала, но не смогла.

«Именно так и приходит смерть», — успела подумать она, прежде чем ее сознание отключилось.

* * *

Биргер стянул ему руки веревкой с такой силой, что кожа лопнула. Головная боль накатывала волнами. Когда подступал новый приступ, казалось, что череп стал крохотным и мозг, не вмещаясь, рвется наружу.

Очнувшись от беспамятства, он обнаружил, что лежит на холодном бетонном полу; боль пульсировала в правом виске.

Ему оставили воду в чашке, и он, наклонившись над ней, лакал, как собака. Потом до него дошло, что вокруг полная тишина. Может, он оглох от удара? Нет, он слышал, как бьется сердце, как тяжелое дыхание вырывается из груди. Дополз до стены, приложил ухо, но за стеной — ни голосов, ни шума ветра, ничего. Окон в помещении не было — только слабенькая лампа накаливания под потолком. Либо он находится глубоко под землей, либо они хорошо позаботились о звукоизоляции. Нетрудно догадаться, что эта конура предназначалась именно для того, чтобы держать в ней людей, не опасаясь, что их крики услышат снаружи.

Он подумал о Лине и похолодел. Именно этого он боялся — что она сидит где-то взаперти. Заживо погребенная. В ночных кошмарах он видел что-то подобное, и это заставляло его продолжать поиски. А сейчас он сам оказался в кошмаре наяву.

Щеки стали мокрыми, он слизывал соленые слезы кончиком языка, думая о том, что должен выжить.

Когда пришел Биргер, боль вернулась. Лелле лежал, свернувшись калачиком. Он не слышал шума шагов — дверь открылась со звуком, напоминавшим тяжелый вздох, и в проеме возник грузный силуэт.

Лелле не без труда сел:

— Чем ты занимаешься, Биргер, черт возьми?

Биргер опустил на стул, стоявший в углу. Облизнул языком губы и

долго сидел молча, прежде чем заговорил:

— Лелле, тебе, как никому другому, известно, что мы должны делать все возможное ради наших детей. Страдания наших детей быстро становятся нашими собственными страданиями. И мы, само собой, просто обязаны защищать их, сражаться до последней капли крови, если потребуется, ведь они, по большому счету, единственное наше богатство.

Лелле изо всех сил старался сохранять спокойствие.

— Где Мея?

Стекла очков Биргера поблескивали в полумраке.

— С ней все в порядке. Ты получишь ответы на все свои вопросы, если наберешься терпения и выслушаешь меня.

— Говори.

Биргер еле заметно улыбнулся, скрестил ноги, усаживаясь поудобнее:

— Мы всё делаем исключительно ради наших детей. Здесь между нами полное согласие, да, Лелле? Я купил эту землю, чтобы мои дети выросли в безопасном месте, где общество не смогло бы дотянуться до них своими когтями. Мы трудились не покладая рук все эти годы, чтобы нашим сыновьям не пришлось искать себя в коррумпированных джунглях, начинающих за воротами нашей усадьбы...

— Развяжи мне руки, Биргер.

— Нет. Во всяком случае, не сейчас.

Он наклонил голову набок и строго посмотрел на Лелле. В его взгляде читалось: «Не перебивай меня».

— Тебе известно, почему я сторонюсь окружающего мира? — спросил он. — Все просто. Я оказался в положении жертвы с того самого дня, когда родился. Я был нежеланным ребенком, мои родители не хотели ничего знать обо мне. Моей ласковой матушкой пришлось стать государству. Оно выбрало мне приемных родителей-садистов, которым надлежало заниматься моим воспитанием. Я не собираюсь утомлять тебя рассказами о насилии, выпавшем на мою долю с малолетства, скажу только, что мое доверие к государству и его послушным гражданам умерло задолго до того, как я стал совершеннолетним.

— Меня не интересуют твои слезливые истории.

Биргер печально улыбнулся:

— К сожалению, одна такая история может повлечь за собой другую, и эти истории быстро начинают множиться, подобно сорнякам, заполняющим все вокруг. Несчастья — заразная болезнь, переходящая от одного человека к другому независимо от нашего желания.

Лелле скривился:

— Какое это имеет отношение ко мне?

— Скоро все кусочки мозаики встанут на свои места, обещаю тебе, — сказал Биргер. — Среди моих историй есть одна, касающаяся наших детей, и я хочу рассказать тебе о моем сыне Ёране.

Он замолчал, снял очки с кончика носа и подышал на грязные стекла так, что они запотели.

— Ёран не такой, как другие. У него больная душа. В ней есть темная сторона, о чем мы догадались достаточно рано. Еще будучи маленьким, он набрасывался на животных с камнями и палками. Поджег псарню. Вел себя порой столь ужасно, что подобное можно лечить только с помощью сурового наказания и огромной любви.

— Послушать тебя, так парню нужен психолог. Или психиатр.

— Я и Анита знаем нашего сына лучше, чем все другие. Нам никогда и в голову не пришло бы передать его в чужие руки, особенно после всего пережитого нами обоими. Потерять веру в себя и достоинство — ну нет, мы никогда в жизни не обрекли бы наше собственное дитя на подобное. Мы занимались Ёраном здесь, дома, учили его уважать животных и сдерживать себя. И у нас все получилось. Он стал спокойнее. Пока не начался юношеский возраст. Ты же знаешь, что происходит с детьми в этом возрасте, Лелле? Гормоны начинают играть и полностью лишают их разума. К сожалению, у Ёрана всегда были проблемы с внешностью, и это тоже добавило масла в огонь. Как и все молодые мужчины, он, естественно, хотел встречаться с какой-нибудь девушкой и начал ездить по окрестным деревням, пытаясь очаровать кого-то. Но никто не клюнул, и в итоге беднягу постигло горькое разочарование. Тогда он начал искать другие решения.

У Лелле все похолодело внутри.

— Что ты имеешь в виду?

— Скажем так, он решил взять это дело в собственные руки. Мы ничего не знали, Анита и я. Только после рассказов младших сыновей до нас дошло, что болезнь Ёрана расцвела с новой силой. И что все оказалось гораздо хуже, чем мы когда-либо могли предположить.

— Его болезнь?

— Он начал приставать к девушкам. И он настолько устал от их постоянных насмешек, что стал распускать руки. Мы, как могли, старались взять его под контроль. Загружали работой, делали все возможное, только бы сгладить его разочарования. И все вроде пошло на лад. Сначала. Он потратил целый год на постройку собственного бункера у озера, не хотел, чтобы ему вообще никто помогал. Самой собой, он научился всему

необходимому от меня. У нас уже было два подобных сооружения на участке, но Ёрану захотелось свое. Мы не возражали. Даже гордились, что он проявил инициативу. Но мы не знали, к чему это приведет.

Лелле прижался спиной к стене, старался не шевелить головой, чтобы его не вырвало.

Биргер, просунув пальцы под толстые стекла, вытер глаза.

— Прошло несколько месяцев, пока мы поняли, чем он занимался. Для Ёрана никогда не существовало разницы между животными и людьми. Для него одно и то же — охотиться на лосей или на женщин. Главное — вернуться с добычей. Он не понимает, что нельзя сблизиться с человеком, насильно похитив его.

Лицо Биргера задергалось, подбородок и щеки задрожали. У Лелле возникло ощущение нереальности происходящего, ему снова казалось, что он видит кошмарный сон. Он не хотел слушать дальше, но язык отказывался подчиняться.

— Другие мои сыновья пришли к нам и рассказали, что Ёран держит девушку в своем бункере. Он не выдержал и похвастался — ему хотелось показать свой *трофей*. Это стало настоящим шоком для нас, да будет тебе известно. Все произошло где-то в районе Янова дня три года назад, и, как ты, пожалуй, уже понял, именно твоя дочь попала к нему. Твоя Лина.

Лелле услышал дикий вопль, от которого мороз пробежал по коже. Но прошло довольно много времени, прежде чем он понял: кричит он сам.

Биргер поднялся со стула и отошел к двери, подальше от Лелле. В его руке блеснуло оружие, которое Лелле не заметил раньше. Подождал, пока снова установилась тишина.

— Как ни тяжело говорить это, но я должен сообщить тебе, что она погибла в Рождество. Если верить Ёрану, произошел несчастный случай. Он не собирался убивать девушку. Мне жаль, Лелле. Искренне жаль.

Стены задрожали в такт с ударами его сердца, вся комната заходила ходуном. Что-то сломалось внутри, Лелле чувствовал, как жизненные силы начали покидать его.

Глаза подводили, он не мог сфокусировать взгляд, но видел, что Биргер по-прежнему стоит у двери, сжимая оружие. Лелле надеялся, что он собирается застрелить его, и подполз как можно ближе:

— Ты говоришь, моя девочка умерла в Рождество? То есть она два с половиной года просидела у вас в бункере? В качестве игрушки для твоего безумного сына?

— У нас не оставалось выбора, Лелле, ты должен это понять. Беда уже

случилась. Разрешив Лине уйти, мы потеряли бы все, вся наша жизнь оказалась бы разрушенной. И я не могу позволить государству забрать нашего мальчика. Только через мой труп.

Сердце заныло невыносимо, Лелле прижал руки к груди и, зажмурившись, как наяву увидел Лину перед собой.

— Ты должен показать ее мне. Ты должен показать мне мою дочь.

— Боюсь, там особенно не на что смотреть, — сказал Биргер дрожащим голосом. — Но я могу показать тебе, где она лежит. И вас похоронят рядом, это я могу тебе обещать.

* * *

Время для Лелле остановилось. Он словно попал в другое измерение. Слышал голос Биргера совсем рядом, но не понимал ни слова.

Над его телом склонились два бесплотных силуэта, подхватили и понесли вверх по лестнице. Каждая ступенька ощущалась как удар обухом по голове. Снаружи царила ночь, показавшаяся ему невероятно светлой, почти как летом. Над ним горели звезды, и от холода, быстро проникшего под тонкую одежду, он немного пришел в себя. Разглядел бледные лица под зимними шапками. Молодые парни старались не смотреть на него. Он слышал свой голос — как он кричал, обещал убить всю их гребаную семейку. Один парень молчал, другой, длинный и прыщавый, ухмылялся. Биргер был где-то рядом, Лелле знал, что здесь.

Они принесли его в лес и поставили на колени перед ямой, выкопанной на опушке. Над ним качались верхушки сосен, холодный лунный свет освещал пространство между деревьями. Черная земля дышала могильным холодом. Казалось, она с нетерпением ждет возможности поглотить его. Влага начала проникать сквозь ткань джинсов, но Лелле больше не мерз. Он огляделся, посмотрел на кучу грунта, поднятого на поверхность, воткнутые в землю лопаты и бледные лица парней, к которым присоединился и сам Биргер. Все трое нервно топтались на месте. У Биргера был в руке пистолет. В тишине прозвучал щелчок предохранителя.

— Мне жаль, что приходится поступать так, — сказал старик хриплым голосом. — Бог свидетель, мне очень, очень жаль.

Лелле не стал протестовать. Не стал молить о пощаде — он стоял на коленях неподвижно, опустив голову. Он видел перед собой Лину, шептал

ее имя в промежутках между вздохами.

Один из парней начал проявлять нетерпение:

— Давай, папа. Застрели его.

Время остановилось, и только сосны продолжали жить своей обычной жизнью, невозмутимо покачиваясь на ветру. Лелле вспомнил, как они всей семьей сидели на кухне, смеялись, обсуждали что-то. Он видел глаза Лины под светлой челкой, неровные зубы, когда она гримасничала.

— Чего ты ждешь, отец? — снова этот парень.

— Здесь она и лежит, Лелле. Твоя дочь.

Он подумал, что сейчас все произойдет, но больно ему не будет. Все закончится. Его кровь окрасит снег, тело сгниет в земле, а к лету на этом месте вырастут одуванчики. Ему больше не придется ездить по Серебряной дороге с сигаретой в уголке рта, поглядывая на лес, — он нашел ее. Конец поискам.

Лелле закрыл глаза и ждал. Чувствовал, как затылок зачесался в том месте, где к нему прижалось дуло пистолета. Потом прозвучал выстрел, ударив по барабанным перепонкам с такой силой, что они уж точно не должны были уцелеть. Тело обмякло мгновенно, словно мышцы сдались, устав от чудовищного напряжения.

Открыв глаза, он увидел, что Биргер лежит, уткнувшись лицом в землю. Позади него стояла Анита и часто моргала. Белые как снег волосы лежали у нее на плечах. Она направила ружье на сыновей, и они испуганно попятились.

— Опустите оружие, — приказала она. — Хватит уже.

* * *

Анита все еще держала ружье в руках, когда прибыла полиция. А до этого она под прицелом заставила их всех, Лелле и парней, пройти в дом и сесть за кухонный стол. Третий сын тоже был здесь. Биргер остался лежать на холоде. И ее, похоже, нисколько не интересовало, жив он или мертв. Стояла, широко расставив ноги, и держала всех под прицелом. На всякий случай. Старший из сыновей ругался и без конца теребил свои прыщавые щеки. Он обвинял мать в том, что она разрушила все. Анита направила ствол на него.

— Я застрелила твоего отца и сделаю то же самое с тобой, если ты выудишь меня, — отрезала она. — Слезы текли по ее щекам, но руки

крепко сжимали оружие. — Не пытайся разрушить жизнь своим братьям. Иначе я убью тебя.

Парень побелел от злости, но, похоже, понял, что она выполнит свою угрозу. Он продолжал сыпать ругательствами и царапать себя. Двое других всхлипывали, как дети, закрыв лицо руками.

Лелле смотрел через окно наружу, где уже начало рассветать. Он замерз так, что у него зуб на зуб не попадал, хотя в доме было тепло.

— Где Мея? — спросил он. — Она жива?

Вместо ответа Анита направила ружье в его сторону. Ее лицо побагровело.

— Не было и мысли о том, что кто-то умрет, — сказала она. — Биргер обещал мне, что все образуется. По его словам, когда неизбежная мировая катастрофа свершится, девочки сами поблагодарят нас за то, что сидели в безопасности под землей. И благодаря этому остались в живых. Так все планировалось. — Она вытерла глаза. — Но что-то не так с нашим мальчиком, и с этим мы не сумели справиться.

— Ты не ответила на мой вопрос, — сказал Лелле. — Что вы сделали с Меей?

Однако Анита не смотрела больше на него, она молча стояла с ружьем в руках, словно не услышала вопроса.

Скоро утренние сумерки пробил свет проблесковых маячков. Полицейские заполнили дом топотом тяжелых башмаков и треском радиостанций. Анита отложила ружье в сторону и соединила морщинистые руки на животе:

— Биргер лежит на поляне. Я застрелила его. — Она показала на Ёрана: — О нем вы должны позаботиться. Он никогда не станет, как все люди. И о девочках. Я отведу вас к ним.

Все происходило быстро и медленно одновременно. Когда на Аниту надели наручники, она сникла... даже не сникла — как будто бы вдохнула от облегчения, что все наконец позади. Ёран попытался сопротивляться — принялся размахивать охотничьим ножом, глаза горели безумным огнем.

— Вам нечего здесь делать, — хрипел он. — Это наша земля!

Тогда вмешались братья. Каким-то особым приемом, который они, вероятно, отточили за долгие годы, парни вынудили Ёрана лечь на живот; один давил ему коленом между лопаток, второй выкрутил нож из руки. Оба были бледные и плакали.

Лелле сидел неподвижно и смотрел, как их уводили, сначала Аниту, потом ее сыновей. Число стражей порядка увеличилось. Женщина-

полицейский спросила Лелле с дружелюбной улыбкой, что здесь произошло, но он не смог выдать ни звука. Кто-то накинул одеяло ему на плечи и вложил чашку горячего супа в руки. Лелле подставил лицо под поднимающийся пар — и мысли не мелькнуло о том, что это можно есть.

Появилось солнце, полицейские сновали по усадьбе в его лучах, собаки Биргера надрывались на псарне. Подъехало еще несколько полицейских автомобилей через открытые нараспашку ворота.

Кто-то встал над Лелле и заклеил ему голову пластырем. Он чувствовал запах крови, но у него ничего не болело.

— Они убили мою дочь. — Это было единственное, что он смог сказать.

Улыбающаяся женщина-полицейский, похоже, его не поняла, но все равно тут же заспешила куда-то.

— Ты должен меня извинить, — сказала она и пошла к двери.

Лелле последовал за ней. Покачиваясь, постоял на крыльце, но скоро ему пришлось снова сесть.

Потом он увидел группу полицейских и услышал возбужденные голоса:

— Мы нашли девочек! Они живы!

* * *

У полицейского были добрые глаза, и даже если он осуждал ее за что-то, то виду не подавал. Разговаривая с ним, Мея на время забыла, что лежит под капельницей на больничной койке. Она не привыкла, чтобы ее слушали с таким вниманием, как не привыкла рассказывать о чем-то с самого начала и до конца. Сперва она запинаясь, но постепенно неуверенность прошла. Полицейского звали Хассан, и, похоже, его абсолютно не заботило, что время перевалило за полночь. Он вообще ни разу не посмотрел на часы.

Мея рассказала, как они с Силье на поезде ехали в Норрланд, как сидели всю дорогу, а это больше десяти часов, поскольку на спальный вагон у них не хватило средств. Это была их самая длинная поездка за все время, но вовсе не первая. Торбьёрн оказался человеком добрым, хотя от него воняло и он, как оказалось, коллекционировал порнографию. А Силье... Ну, Силье всегда была такой, как была. Не играло никакой роли, куда они переезжали и как долго оставались на новом месте, — она не менялась никогда.

Потом Мея поведала об одиночестве в комнате под крышей, одиночестве, из-за которого убежала в лес. Именно там она познакомилась с Карлом-Юханом, у озера. И бросила курить уже на следующий день. Просто влюбилась в парня с первого взгляда. От него так пахло... его запах действовал на нее одурманивающе. Не только из-за запаха, конечно, а от ощущения, что рядом с ней такой парень, все иное, вроде разговоров о войне и конце света, уходило на второй план. Любовь пагубна, сказала она. Ты не становишься слепым, но упорно не хочешь замечать сигналов опасности. Проговорив это вслух, она подумала: как бы Лелле оценил такое суждение, согласился бы с ней?

Она ответила отрицательно на вопрос Хассана, не любовь ли заставила ее перебраться в Свартшё? Нет, не любовь. Ей просто не хотелось оставаться под одной крышей с Силье, она хотела начать новую жизнь. Всегда мечтала жить в настоящем доме, где в кладовке полно еды, родители не пьют и не ходят постоянно голыми. Везет тем, у кого родители, которых не надо стыдиться. Биргер и Анита, конечно, казались странными со всеми этими разговорами, но она не собиралась разделять их взгляды.

У нее порозовели щеки, когда она рассказывала о большом бункере, построенном для выживания семейства, о том, что находилось в нем. Вспомнила, как горели глаза Биргера, когда он показывал все это добро.

Потом рассказала о Ёране, о царапинах на его лице, помимо прыщей. Сейчас-то она поняла, что далеко не все эти царапины — дело его собственных рук. Она думала, что Карл-Юхан ревнует, не желая оставлять ее наедине с Ёраном, но нет, на самом деле он боялся, что безумный братец причинит ей вред.

— Я, конечно, считала их странными из-за постоянной болтовни о конце света и всем прочем. Но мне не с чем было сравнивать. Я никогда не имела нормальной семьи и могла только радоваться, что они приняли меня к себе.

Хассан кивнул, словно все понял.

Ближе к рассвету, когда у нее уже начал заплетаться язык, он принес кофе и бутерброды, и они мгновенно съели их вдвоем. А потом он рассказал, что Биргер умер, а остальные находятся под арестом. Ханне предстояло отправиться домой, в Арьеплуг, как только врачи дадут на это согласие.

Мея попыталась представить Биргера мертвым, неподвижно лежащим под белым покрывалом. Но не смогла. Никакого сожаления она не испытывала. Подумала только, как Анита справится в тюрьме без своих кастрюль, в которых постоянно требовалось что-то мешать, без теста, из

которого она все время что-то пекла. И как все переживет Карл-Юхан, даже мысли не допуская, что ему когда-нибудь придется покинуть Свартшё?

— Вы нашли дочь Лелле? — спросила она.

Глаза Хассана заблестели, но ему удалось сдержать слезы:

— Да... Мы нашли тело. Оно еще не идентифицировано, но, судя по всему, это Лина.

Мея внезапно почувствовала себя невероятно уставшей. Она подумала о Лелле, о его поникших плечах, о волосах, торчавших в разные стороны. Что с ним будет сейчас, когда худшие опасения подтвердятся? Сможет ли он справиться со своим горем? От этих мыслей в глазах защипало, но она тоже не позволила себе разрыдаться.

— Газетчики захотят пообщаться с тобой, — сказал Хассан, когда они допили кофе. — Но, по-моему, тебе надо наплевать на них. Постарайся хорошо отдохнуть. Ты пережила реальный шок. И, если верить врачам, вы с Ханной получили лошадиную дозу успокоительного.

— Мне стыдно, — призналась Мея. — Мне стыдно, что я жила с этими людьми.

— Не будь слишком строгой к себе. Ты не сделала ничего плохого.

Он стряхнул крошки бутерброда с рубашки и поднялся. Мея испугалась. Ей стало страшно, что она останется одна, того, что будут говорить люди, того, что теперь произойдет. Пожалуй, Хассан заметил это:

— Ты хочешь, чтобы я привез твою маму?

Мея до боли прикусила губу.

— Нет. Но ты можешь позвонить Лелле?

* * *

Останки Лины подняли из могилы и перезахоронили, но он все равно наведывался в то место. Усадьба Свартшё, подобно заброшенному форту, пряталась в лесу. Земли заросли сорной травой, красные стены дома были изрисованы граффити. Животных распродали жителям окрестных деревень, но кислый запах гнилого сена по-прежнему витал над опустевшими постройками.

Лелле курил сигарету за сигаретой и стряхивал пепел где попало. Мея была с ним. Они ехали с опущенными стеклами, и запахи леса вытесняли запах табака. Лелле показывал ей места, где занимался поисками. Они останавливались на площадках для отдыха, чтобы размять ноги и

подышать, а когда дождь барабанил по крыше машины, Мея выключала радио. Ей не нравились слишком громкие звуки.

Силье звонила по воскресеньям. У нее была отдельная палата в психушке у озера, где она могла рисовать, сколько душа пожелает. С самолечением пришлось завязать — сейчас она получала нормальную помощь. В конечном счете она научилась обходиться своими силами, и без мужчины, и без Меи. Так она заявила, и Лелле заметил, как поникли плечи девочки. Наверное, от облегчения, поскольку с них упал груз ответственности.

Лину убили. Ёран отнекивался, но его мать и братья подтвердили это. Он задушил ее и оставил гнить в бункере. Узнав о случившемся, Биргер настоял, чтобы ее похоронили. Однако тем все и ограничилось.

Они с Меей особо не разговаривали о Свартшё и семействе Брандтов, только о новостях. Ёран и Анита сидели под арестом в ожидании суда. Мея получила несколько писем от Карла-Юхана, но не ответила ни на одно из них. Его отдали в семью в Сконе, как оказалось, ему еще не было восемнадцати. Прокурор не стал предъявлять обвинение ни ему, ни второму брату, Перу, посчитав условия их воспитания смягчающим обстоятельством. Это вызвало удивление и возмущение во всей стране. Лелле старался не упоминать его имя, поскольку Мея сразу замыкалась. Никак не могла простить себе, что добровольно поселилась в семействе, руки которого были испачканы кровью — так она выразилась. Не могла простить того, что не замечала ничего. Она вбила себе в голову, что могла бы спасти Ханну раньше, если б не ее собственная наивность.

Ханна порой звонила, и, когда они разговаривали, печать беспокойства с лица Меи обычно исчезала. Время, проведенное в бункере, соединило их, возможно, навечно, связало невидимыми нитями. Ханна была крутой девицей. Она рассказала Лелле о своем пребывании под землей, обо всем, что ей пришлось вытерпеть, а он слушал, как мог. Ради Лины. Поскольку не хотел прятаться от ее страданий и поскольку должен был все знать. Ханна отдала ему лиловую резиночку, и он носил ее на запястье, как браслет. Собирался всегда ходить с ней, но потом снял, чтобы не истребалась.

Могилу Лины, окруженную цветами и горящими свечками, было видно издалека. Около нее стояли двое — мужчина и женщина. Лелле почувствовал, как Мея шагнула ближе к нему.

На плече Анетт спал ребенок, и у Лелле задрожали ноги, когда он

увидел его. Он замер посередине дорожки, посыпанной гравием, Мея остановилась рядом с ним. Заметив бывшего мужа, Анетт положила руку на макушку малыша, и Томас обнял ее. Оба переводили взгляды с Лелле на Мею, словно никак не могли решить, в каких отношениях они состоят. На щеках Анетт были черные разводы от потекшей туши, нижняя губа дрожала. Никто из них долго ничего не говорил, только ребенок захныкал. В конце концов Анетт вытянула свободную руку и притянула Лелле к себе. Они обнялись неловко, белый пух шарфа защекотал нос, а потом Лелле почувствовал запах ребенка, от которого у него заслезились глаза.

— Спасибо, — прошептала Анетт ему на ухо, — спасибо, что ты вернул нашу девочку домой.

Они долго стояли у могилы, после того как Анетт и Томас ушли. Лелле опустился на холодную землю и почувствовал, как напряглись мышцы. Мея полила цветы, убрала сорняки и зажгла погашенные ветром свечи. Сделав шаг назад, убедилась, что все выглядит красиво. Она упустила тот момент, когда на Лелле нахлынула злоба. Он весь задрожал. Потом принялся уничтожать восстановленную ею красоту. Свечи погасли, лепестки цветов полетели по ветру. Он царапал пальцами землю и выл. Мея не шевелилась, пока он не успокоился, а затем протянула руку и помогла подняться.

В Арвидсъяуре они остановились на заправке и зашли выпить кофе с Киппенем. Плакат с фотографией Лины Киппен снял, хотя так и не удосужился очистить грязь, скопившуюся вокруг того места, где он висел, поэтому, когда они проходили мимо, Лелле показалось, что он по-прежнему видит улыбку дочери. Киппен не терпел унылых лиц в компании и предпочитал заполнять тишину разговорами о хоккее и охоте. Мея ела мороженое, несмотря на холод.

— Я бы хотела застрелить лося, — сказала она вдруг.

Киппен усмехнулся и похлопал Лелле по плечу:

— Ты должен научить дочь охотиться.

Его невинная оговорка смутила всех, и разговор прервался.

Она не моя дочь. Моя дочь мертва, — вертелось у Лелле на языке, но он увидел взволнованное лицо Меи, как растаявшее мороженое потекло у нее по запястью, и спохватился.

— Я научу ее всему, что умею, — сказал он, — даже если это не так много.

Он позволил Мее сесть за руль, хотя она не имела водительского

удостоверения. На Серебряную дорогу начали опускаться сумерки. Он знал дорогу как свои пять пальцев и, даже закрыв глаза, видел, как она змеится среди вековых лесов, болот и озер, налаживая связь между людьми, помогая им как в хороших, так и плохих начинаниях. Если бы не девочка, сидевшая рядом с ним, он по-прежнему, поддаваясь отчаянию, каждую летнюю ночь отправлялся бы в путь. Но теперь в этом не было необходимости.

Поиски закончились.